

ДИПЛОМАТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ
МИНИСТЕРСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ В ИСТОРИИ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ XX–XXI ВЕКОВ

Монография

Под редакцией профессора С. В. Воробьева

3-е издание

Москва
Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
2021

УДК 327; 930.22

ББК 63.3(2)6-6

С-36

Авторы:

С.В. Воробьев — доктор исторических наук, профессор (введение, глава 3, раздел 1.1, заключение); *Т.В. Каширина* — доктор исторических наук, профессор (глава 2, раздел 1.4, заключение); *О.В. Матвеев* — доктор исторических наук, доцент (введение, глава 1); *Т.В. Епифанова* — кандидат исторических наук, доцент (раздел 3.3); *Т.А. Закаурцева* — доктор исторических наук, профессор (введение, раздел 3,3); *Т.В. Зверева* — доктор политических наук (раздел 2.1); *О.Г. Карпович* — доктор политических наук, профессор (раздел 2.2); *Д.С. Миргородский* — доктор исторических наук (раздел 2.4); *М.А. Неймарк* — доктор исторических наук, профессор (раздел 1.3); *Е.Н. Пашенцев* — доктор исторических наук, профессор (раздел 2.2); *А.Ю. Рудницкий* — доктор исторических наук (раздел 3.2); *К.А. Феофанов* — доктор политических наук, профессор (раздел 1.2); *В.В. Штоль* — доктор политических наук, профессор (раздел 2.3).

Рецензенты:

В.В. Калинов — доктор исторических наук, доцент, декан факультета гуманитарного образования, заведующий кафедрой истории РГУ нефти и газа (НИУ) имени И.М. Губкина;

М.И. Лавицкая — доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры теории права и государственно-правовых дисциплин Международного юридического института.

С-36 Стратегические ядерные вооружения в истории международных отношений XX–XXI веков : монография / [С.В. Воробьев и др.] ; под ред. С.В. Воробьева. — 3-е изд. — Москва : Издательско-торговая корпорация «Дашков и К^о», 2021. — 278 с.

ISBN 978-5-394-04422-9.

В монографии представлены результаты исследования, проведенного авторским коллективом, по истории и современному состоянию международной безопасности в контексте трансформации значения стратегических ядерных вооружений как силовой составляющей в международных отношениях с середины XX века и до сегодняшнего дня.

Формулируются теоретические выводы и практические рекомендации на основании исторических уроков и опыта участия СССР и РФ в формировании стабильного состояния международной безопасности в течении 75-летнего срока существования современной системы международных отношений.

© Коллектив авторов, 2020

ISBN 978-5-394-04422-9

© ООО «ИТК «Дашков и К^о», 2020

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
-----------------------	----------

Глава I. ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИЛОВОГО

БАЛАНСА И СТАБИЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ

МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ.....	10
-------------------------------------	-----------

- 1.1. Теоретические основы формирования силового баланса
в международных отношениях с опорой на ядерное оружие 10
- 1.2. Оружие будущих войн в доктринах и планах США
начала «холодной войны» 21
- 1.3. Формирование понятия стратегической стабильности
в военно-политических отношениях 52
- 1.4. Ядерное разоружение (1985–1991 гг.):
сложности переговорного процесса 69

Глава II. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ НА РУБЕЖЕ

XX–XXI ВВ.....	106
-----------------------	------------

- 2.1. США во внешней политике РФ в 1992–2010 гг. 106
- 2.2. Российское направление во внешнеполитической
концепции США в 1992–2010 гг. 133
- 2.3. Основные принципы обеспечения национальной безопасности
в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации 161
- 2.4. Оценка российских и американских подходов к стратегической
стабильности в конце XX — начале XXI вв. 185

Глава III. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ ДОСТИЖЕНИЯ

И ПОДДЕРЖАНИЯ СИЛОВОГО БАЛАНСА С ОПОРОЙ

НА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ	214
---	------------

- 3.1. Особенности использования ядерного оружия как ресурсной
составляющей в урегулировании международных ситуаций
на примере Карибского кризиса 1962 г. 214
- 3.2. Ядерное оружие — фактор поддержания стабильного
состояния международной безопасности: прикладной аспект.... 220

3.3. Современная международная безопасность в контексте конфронтационного состояния международной среды по вопросам контроля над стратегическими вооружениями.....	230
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	238
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	242
<i>Приложение 1. Сводная таблица военных планов Пентагона против СССР .....</i>	<i>242</i>
<i>Приложение 2. Этапы эволюции американской военной стратегии во второй половине XX в. ....</i>	<i>245</i>
<i>Приложение 3. Совместное заявление относительно будущих переговоров по ядерным и космическим вооружениям и дальнейшему укреплению стратегической стабильности .....</i>	<i>246</i>
<i>Приложение 4. Ядерное оружие как независимая переменная при проведении исследования международной ситуации.....</i>	<i>249</i>
<i>Приложение 5. Периодизация и содержание этапов сокращения стратегических ядерных вооружений СССР (РФ) и США с 1991 по 2021 гг. ....</i>	<i>252</i>
ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА.....	252
СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ	275

ВВЕДЕНИЕ

Обращение авторов монографического издания к тематике роли стратегических ядерных вооружений в истории международных отношений связано с тем, что в конце второго десятилетия XXI века основными «держателями» такого вида оружия массового поражения: США — в 2018 году, Китаем — в 2019 году, Россией — в 2020 году были приняты на законодательном уровне серьезные корректировки в доктринальные положения о возможном использовании указанными странами своего ядерного оружия.

С учетом окончания срока действия Договора СНВ-3 в 2021 году, заключенного между США и РФ, неясностью с перспективами его продления, встреча лидеров стран-постоянных членов СБ ООН, предложенная Президентом России Путиным В.В., более чем актуальна. Подготовка к этой встрече идет и результаты ее сулят миру новое видение отношения человеческого сообщества к сохранению ядерного оружия, как такового, на планете Земля.

Оценка современного состояния ядерного фактора в международных отношениях не может быть полной без объективного беспристрастного анализа исторической составляющей его зарождения, становления и развития, без учета исторических уроков, извлеченных из эволюции взглядов международного сообщества на наличие в международном взаимодействии такой ресурсной составляющей, как ядерное оружие.

Проследить роль ядерного оружия в международной среде с середины XX века и до сегодняшнего дня и представить свое видение процесса его влияния на формирование стабильного состояния системы международных отношений и международную безопасность в течение 75-летнего периода — задача авторского коллектива.

Краеугольным камнем исследования стратегических ядерных вооружений в истории международных отношений является межгосударственное взаимодействие СССР (РФ) и США в указанной сфере. Основу этого взаимодействия создавали и создают положения национальной военной политики этих стран.

Национальная военная политика США послевоенного периода и военная политика на рубеже XX — XXI веков свидетельствует о том, что, с одной стороны, произошли определенные изменения в содержании ее

основных направлений, а с другой — сохранились общие черты, отражающие неизменность и преемственность военно-политического курса на протяжении более шести десятилетий. Военно-политическая направленность американской военной стратегии после окончания Второй мировой войны до начала 1990-х определялась политикой «сдерживания коммунизма», в которой главными противниками были объявлены Советский Союз и страны социалистического содружества. Главная роль в противоборстве двух общественно-экономических систем в периоды наибольшего его обострения американской стороной отводилась военной силе, основанной на стратегических наступательных и оборонительных вооружениях.

70-е — 80-е годы прошлого века характеризовались установлением и поддержанием «стратегической стабильности», разработкой и принятием военно-стратегических концепций, предусматривавших многообразие способов использования военной силы с применением как стратегического и тактического ядерного оружия в глобальной войне, так и только обычного вооружения в широкомасштабных войнах и локальных военных конфликтах. Вместе с тем основное внимание в эти десятилетия в США уделялось выработке военно-стратегических концепций, связанных с подготовкой национальных вооруженных сил совместно со странами НАТО к глобальному вооруженному противоборству с СССР и его союзниками по Организации Варшавского договора.

После распада СССР и ликвидации Организации Варшавского договора, с исчезновением фактора «советской военной угрозы» в обоснование сохранения ведущей роли военной силы в политике США были выдвинуты положения о возникновении и росте различного рода угроз национальной безопасности, в том числе и «непредсказуемых угроз будущего столетия», требующих организации надежной защиты национальных интересов. Указанные положения позволяли оправдывать дальнейшее существование блока НАТО.

С середины 1990-х годов факт значительного снижения возможности возникновения войны мирового масштаба в содержании американской военной политике получил официальное признание. В этой связи ее военная и политическая сторона была скорректирована в направлении подготовки вооруженных сил к ведению военных действий в региональных войнах и конфликтах меньшего масштаба. В то же время сохра-

нилось положение о возможности возникновения крупномасштабных войн и участия в них США.

Дискуссии о построении безъядерного мира означали пересмотр отношения США к ядерному оружию. В годы «холодной войны» ядерные арсеналы воспринимались в Соединенных Штатах и странах Западной Европы как средство, позволяющие уравновесить превосходство в обычных вооружениях стран Варшавского договора. Ядерное оружие в современных условиях начало видеться оружием сдерживания самих США от осуществления полноценного лидерства в военной области.

В таком контексте проекты создания «безъядерного мира» можно рассматривать как попытку закрепить превосходство США в области обычных вооружений. Одновременно они означали дальнейший отход Вашингтона:

- от возникшей в 1960-х годах логики «взаимно гарантированного уничтожения».

- политики развития стратегических оборонительных вооружений.

В течение последнего десятилетия XX века, по существу, произошла трансформация американской политики с условий «биполярного мира» на «монополярный», в рамках которого США взяли на себя роль единственного «мирового лидера». Данное обстоятельство привело к изменению американской военной политики в направлении еще большей ее глобализации и наступательной направленности.

Международный порядок по своей сути оказался однополярным, но по форме он выглядел не как лидерство одного государства (Соединенных Штатов), а группы — «семерки» или «восьмерки» наиболее влиятельных стран мира. США при этом, выступали как бы неформальным лидером.

Коррективы, вносившиеся в содержание военной политики США в 1990-е годы, в целом соответствовали глобальным изменениям международной обстановки и расстановке сил в мире. Вместе с тем продекларированные американскими стратегами «новые» пути в военной политике свидетельствовали, что в условиях ликвидации противовеса военно-политическим устремлениям США со стороны бывшего СССР, американское руководство еще более расширило рамки своих геополитических интересов и по-прежнему стремилось отстаивать их преимущественно с помощью военной силы.

Военная политика Соединенных Штатов Америки в конце XX и начале XXI в. оказывает существенное влияние на существующую систему международных отношений. «Использование военной силы — это такой же, ставший уже традиционным, инструмент внешней политики США, как и дипломатия»¹.

Существенным отличием обновленной национальной военной стратегии XXI в. являлся так называемый пакетный принцип организации вооруженных сил. В соответствии с ним вооруженные силы США подразделялись на восемь компонентов: четыре боевых и столько же обеспечивающих. В состав первых вошли стратегические, тихоокеанские и атлантические силы общего назначения, а также силы быстрого развертывания. В целом, следует отметить, что численность вооруженных сил США уменьшилась за 10 лет с 1990 до 2000 г. с 2,069 млн. до 1,381 млн. человек².

Современные международные отношения, являясь одной из сложнейших сфер человеческой деятельности, обладают характером непредсказуемости и нестабильности. Однако то, что мировое сообщество вот уже более семидесяти пяти лет живет без глобальных войн, является подтверждением относительной стратегической стабильности. В достижении такого состояния немаловажную роль продолжает играть наличие и возможности имеющегося у США и России ракетно-ядерного оружия. Этот вид вооружения стран в ходе «холодной войны» трансформировался по характеру своего воздействия на состояние стабильности международной среды с чисто военного — на политический.

Ведущими политиками и специалистами-экспертами в последнее время уже неоднократно подтверждалась низкая вероятность в современных условиях мировой войны. Однако, ни одним из них не отрицается возможность развязывания локальных или региональных войн, в том числе, и с применением ядерного оружия. Яркой иллюстрацией тому могут служить сегодняшние события на Корейском полуострове с участием КНДР, США, РК, Японии. Угроза применения ядерного оружия в ходе этой международной ситуации достаточно велика. В разрешении ее мирными средствами заинтересованы, в первую очередь, «ядерные» соседи Северной Кореи — Россия и Китай.

---

¹ URL: <http://www.rgaspi.org/assets/original> (дата обращения: 28.05.2020).

² Budget of the United States Government. Fiscal Year 2001, p. 151.

КНР, являясь официальным участником «ядерного клуба» в своих современных доктринальных положениях Белой книги определила стремление к полному уничтожению ядерного оружия на Земле. Реализация этого устремления всеми государствами фактически может вывести Китай в число первых государств по численности вооруженных сил и обычных вооружений.

Авторы работы считают, что в конце XX — первом десятилетии XXI вв. мир не стал более безопасным. Проблема стратегической стабильности, определяемой российско-американскими подходами, сохраняет свою актуальность. Закономерно, что в предыдущей редакции российской военной доктрины уже отмечалось, что мировое развитие на современном этапе характеризуется усилением глобальной конкуренции, напряженности в различных областях межгосударственного и межрегионального взаимодействия, соперничеством ценностных ориентиров и моделей развития. Наметилась тенденция смещения военных опасностей и военных угроз в информационное пространство и внутреннюю сферу РФ¹. Указанная тенденция сохраняется и в конце второго десятилетия XXI века.

---

¹ Документ был одобрен на совещании Совета Безопасности России 19 декабря 2014 года. По сравнению с Военной доктриной Российской Федерации от 2010 года (утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146). — URL: ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/news/592210/#ixzz4KaUh4CEv>

Глава I. ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ СИЛОВОГО БАЛАНСА И СТАБИЛЬНОСТИ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

1.1. Теоретические основы формирования силового баланса в международных отношениях с опорой на ядерное оружие

Силовой баланс в международных отношениях

Значительное количество исследований, проведенных в сфере межгосударственного взаимодействия, свидетельствуют, что многообразие типов внешнеполитических интересов различных государств в системе международных отношений предполагало наличие многообразных форм межгосударственного взаимодействия, которые по большому счету следовали двумя путями. В первом случае — это достижение баланса интересов между национальными государствами, а во втором — наращивание собственной мощи, вследствие невозможности реализации первого пути. При этом, в межгосударственном взаимодействии и первый и второй пути достаточно прозрачны и четко определяемы. Первый — основан на взаимных, либо непересекающихся, либо параллельных национальных интересах в различных сферах (политической, экономической, военной, информационной, культурной и иных). А это толкает государства на создание союзов, коалиций, межнациональных связей, заключение договоров, реализацию совместных проектов.

Нарушение же этого баланса неизбежно вело и ведет ко второму пути — и как следствие к разрыву межгосударственных связей, стремлению подорвать возможности своих партнеров-противников в том числе и посредством использования своей силовой ресурсной составляющей.

Проведенный анализ свидетельствует, что с древнейших времен именно сила становится не только постоянно действующим фактором международных отношений, но и находит достаточно широкое обоснование в трудах ее идеологов. В наиболее обобщенном виде исследования роли и места силы как основного средства (ресурсной составляющей) во взаимоотношениях государств находят свое развернутое воплощение

в трудах ученых американской «школы политического реализма» Г. Моргантау и К. Норра. Именно Г. Моргантау является автором так называемого железного закона политики, суть которого в том, что во все времена силовые отношения между государствами были определяющими¹.

Результатами проведенного анализа подтверждено, что силовой составляющей международных отношений и силовому балансу в международной среде уделено значительное внимание как зарубежным, так и отечественным научным сообществом. И, к сожалению, итоги их трудов неутешительны — силовая составляющая не только не может быть исключена из структуры основных ресурсных элементов в межгосударственных отношениях современной человеческой цивилизации. Она в современном сообществе государств вышла на одно из ведущих мест и стала играть одну из главных ролей наряду с экономической ресурсной составляющей.

Современное международное сообщество уже не в состоянии угождать интересам сверхдержавы, которые были основой существования системы международных отношений в течении более чем двух последних десятилетий. Выдвинулись новые международные акторы, способные влиять на систему международных отношений, а это как раз и требует, прежде всего, баланса сил между «старыми» — глобальными акторами и «новыми» — формирующимися.

Акцентируя внимание на такую ресурсную составляющую в международных отношениях как ядерное оружие следует остановиться на некоторых теоретических подходах, которые сформировались исторически и существуют в настоящее время при определении категории силовой баланс. Вот они.

Баланс сил значительным количеством исследователей определяется как «политика страны или нескольких стран, которая направлена на достижение определенного состояния системы, как само состояние системы, характеризующееся некоторым соотношением сил между ведущими державами, и механизм, действующий в международной системе независимо от воли ее участников»².

---

¹ URL: <https://textbooks.studio/uchebnik-geopolitika/balans-sil-obschnost-interesov-mejdunarodnyih.html> (дата обращения 20.02.2018).

² Будаева С. Дзэцидэма // Вестник ЗабГУ. 2014. № 09 (112). С. 73.

Опираясь на определение баланса сил, данное П.А. Цыганковым, можно сделать вывод о том, что баланс сил непосредственно связан с мировым устройством. Оно может быть однополярным, биполярным и многополярным¹.

Каждое из приведенных мироустройств обладает своими достоинствами и недостатками. Так однополярное, обладающее мировой властью не устраивает иных претендентов на таковую. Биполярное таит в себе опасность выдвижения одного из акторов на ведущие роли, превращая ту же биполярность в однополярность, как это уже было при развале Советского Союза. Указанные системы обладают относительной устойчивостью, что демонстрирует история последних двух столетий.

А что же с многополярностью? Именно она может быть перспективной в современном меняющемся мире. И именно в ней возможна реализация силового баланса по утверждению современных исследователей, но при соблюдении определенных правил формирования и функционирования этого силового баланса. К таким правилам-принципам следовало бы отнести:

1) действовать с целью расширения своих возможностей лучше путем переговоров, чем путем войны. Каждый основной национальный актор стремится усилить свое влияние. Однако это должно достигаться по возможности без войны, тех разрушающих равновесие последствий, которые может иметь война для системы «баланса сил».

2) лучше воевать, чем упустить случай расширения возможностей. Согласно второму правилу, долгом каждого национального актора является защита его собственных интересов. Если основной актор не может защитить собственные интересы, то они, как правило, не будут превалировать, и возможности должны расширяться ценой войны.

3) лучше прекратить войну, чем полностью уничтожить одного из основных национальных акторов. Основные национальные акторы не должны расширяться настолько, чтобы превышать оптимальный размер справедливого и законного сообщества. Это правило соблюдается как в отношениях между легитимными династическими режимами, так и между современными национальными территориальными государствами. Выход за рамки этого правила представляет собой исключение или несовместим с национальной идентичностью.

---

¹ Будаева С. Дзэзидэма // Вестник ЗабГУ. 2014. № 09 (112). С. 74.

4) действовать против любой коалиции или единичного актора, который стремится приобрести доминирующее положение по отношению к остальной части системы. Действовать против акторов, которые поддерживают наднациональные организационные принципы.

5) позволять тем из основных национальных акторов, которые были побеждены или ограничены в действиях, вновь включаться в систему и принимать их как ролевых партнеров или способствовать вхождению ранее неосновных акторов в категорию основных национальных акторов. Рассматривать всех основных акторов как приемлемых ролевых партнеров¹.

Результаты исследования свидетельствуют, что многополярный баланс сил в современных условиях является наиболее предпочтительным, он в большей степени отвечает интересам России, однако усложняет задачу поддержания стабильности на планете.

При изучении такого явления, как баланс сил, очевидно, что он, принимая определенный вид, может оказать как положительное, так и отрицательное влияние на отдельные страны и на мировое сообщество в целом. С одной стороны, он является главным способом стабилизации международной системы, основой международного порядка безопасности. С другой — постоянно меняющийся баланс сил может привести к напряжению в международных отношениях. Кроме того, государства с целью поменять расстановку сил на международной арене стремятся нарастить военную мощь, что неизбежно приведет к гонке вооружений. Таким образом, относительно баланса сил возникает дилемма. В настоящее время человечество живет в эпоху, когда в балансе сил происходят постоянные сдвиги. Между Западом и Востоком идет борьба за влияние и доминирование. Именно поэтому необходим баланс сил, призванный не допустить усиление влияния какого-либо одного государства. Основная задача — не допустить нарушение стратегического баланса сил для сохранения безопасности всего мира.

Баланс сил, сложившийся после Второй мировой войны, обеспечил отсутствие глобальных конфликтов, соблюдение норм принципов международного права. Основой такому состоянию международных отношений и международной среды в целом стало наличие в качестве ресурсной

---

¹ Каплан М. Система и процесс в международной политике // Теория международных отношений: Хрестоматия. М.: Гардарики, 2002. С. 220–235.

составляющей ядерного оружия у некоторых международных акторов. Учитывая изложенное, следует заключить, что баланс сил представляет неотъемлемую часть современных международных отношений и выступает в качестве регулятора международной политики. Очевидно, что баланс сил оказывает влияние на все процессы, происходящие в мире, будь то в экономической, политической или социальной сферах.

Исследованию возможностей формирования силового баланса с опорой на ядерное оружие через достижение стратегического паритета будет посвящен следующий раздел работы.

Стратегическое ядерное сдерживание — основа формирования силового баланса: политический и военный аспекты

Как уже было отмечено в предыдущем разделе, именно с появлением ядерного оружия после окончания Второй мировой войны появилась возможность достижения силового баланса и его поддержания на длительную перспективу. Основой тому — состоявшийся факт в международных отношениях — достижение стратегического паритета между СССР и США к середине 70-х прошлого века, что стало основой формирования силового баланса в контексте исследуемой проблемы. Большинство исследователей проблемы складывания силового баланса в современной формирующейся системе международных отношений начинают теоретическое обоснование с проблемы международной безопасности. Данной работой не следует нарушать сложившихся научных традиций. И в связи с этим следует отметить, что при исследовании безопасности национальных государств имеют место два подхода¹. Один из них связывается с отсутствием у государства предпосылок для возникновения

---

¹ Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России. М., 2000; Безгинов А.Н., Коняхин Б.В., Корбушин В.А. и др. Роль и место ядерного оружия в обеспечении безопасности России. М.: Стратегическая стабильность, 1998; Выборнов С.В. Основные механизмы влияния технологических прорывов в военной области на стратегическое равновесие. М.: Стратегическая стабильность, 1998; Мусатов М.И. Стратегические ядерные силы России в геополитических условиях второй половины XX века. М.: Воениздат, 2000, Ахтямов Т. М., Деркачев А.О. Концепция ядерного сдерживания и оценка возможностей группировки РВСН по ее реализации. М.: ВА им. Ф.Э. Дзержинского, 1996.

военных конфликтов с другими странами, другой — с состоянием защищенности страны, с ее военной мощью, гарантирующей ее от нападения.

При первом подходе главный упор делается на достижении безопасности путем политико-дипломатических переговоров, разрешения противоречий между государствами без применения военной силы. При этом, предполагается такой уровень отношений между государствами и народами, который гарантирует исключение агрессии, обеспечивает народам ненасильственное их развитие с предотвращением и исключением попыток разрешать политические и иные виды противоречий посредством войны или угрозы применения силы. Практически это утверждение оборонной безопасности, которая предполагает систему мер сил и средств, предназначенных для реализации задач обороны.

При втором подходе главное внимание уделяется обеспечению безопасности страны силовым методом, делается ставка на содержание в мирное время таких вооруженных сил, которые были бы способны не только отразить, но и разгромить агрессора. По своему содержанию и направленности, можно с уверенностью утверждать, это подход к определению военной безопасности, включающей не только собственно оборону, но и выявление, нейтрализацию, пресечение и парирование угроз с применением вооруженной силы¹.

Первым условием, гарантирующим военную безопасность РФ, является сохранение на должном уровне военной мощи и особенно военной силы страны. Военная мощь государства определяется нашим высшим политическим руководством как центральный элемент военной безопасности. Она представляет собой совокупность всех материальных и духовных сил государства и его способность мобилизовать эти силы для достижения оборонных целей или для решения других задач. Непосредственно военная мощь воплощается в вооруженных силах и других вооруженных формированиях, в их способности выполнять задачи, поставленные политическим руководством. Она определяет потенциальные возможности государства противодействовать силовому давлению извне средствами вооруженного насилия. Само же воздействие государства на другие страны осуществляется посредством военной силы, которая представляет собой степень и интенсивность реального воздействия военной

---

¹ Мусатов М.И. Стратегические ядерные силы России в геополитических условиях второй половины XX века. М.: Воениздат, 2000. С. 45, 48, 53.

мощи государства в политических целях на другое государство, группу стран или систему международных отношений в целом¹.

Крайней формой действия военной силы выступает вооруженное насилие, которое «применяется в двух основных видах — непосредственном (открыто военном, физическом) и опосредованном (скрытом потенциале). В первом случае оружие вводится в действие открыто... во втором случае оно выступает в качестве угрозы, то есть воздействует не на физические силы противника... а на состояние духа, сознание и волю...»². Применительно к современной России, основными функциями военной силы государства в области военной безопасности выступает сдерживание агрессии против Российской Федерации.

В сегодняшней военной доктрине Российской Федерации военная сила рассматривается как фактор сдерживания силового давления на нее со стороны любого государства или коалиции государств, обеспечивая политическому руководству страны свободу выбора при принятии политических решений и как крайнее средство, применяемое для защиты своих национальных интересов, в случае, когда мирные средства себя исчерпали — в порядке использования своего неотъемлемого права на индивидуальную или коллективную оборону³.

Исследуя историю категории сдерживания как основы силового баланса в международных отношениях, была выявлена необходимость акцентировать внимание на понятии «военно-стратегическая стабильность», которое появилось в 70-х годах XX века в связи с переговорами между СССР и США по ограничению стратегических, в первую очередь ядерных, вооружений. В результате длительных дипломатических переговоров и научных обсуждений под военно-политической стабильностью понималось «устойчивое состояние международных отношений, при котором государство (коалиция государств) воздерживается от решения спорных вопросов военными средствами»⁴.

Военно-стратегическая стабильность является многоуровневой, комплексной системой, состоящей из взаимосвязанных, но весьма разно-

---

¹ Воробьев С.В. Стратегическое использование ракетного и ракетно-ядерного оружия 1941-1991 гг. М.: ВА РВСН им. Петра Великого, 2004.

² Советская военная энциклопедия. Т. 5. М.: Воениздат, 1984. С. 517–518.

³ Военная доктрина Российской Федерации 30.12.2014 // «РГ» — Федеральный выпуск № 6570.

⁴ Военная энциклопедия. Т. 2. М.: Воениздат, 1994. С. 184.

родных элементов. Исследование архивных и открытых источников подтвердило, что этими элементами являются: внешняя и внутренняя политика, содержание военных доктрин государств, достигнутый уровень военно-стратегического равновесия, наличие и соблюдение договоров и соглашений между государствами на основе принципа равенства и одинаковой безопасности и др.

Устойчивость равновесия зависит от того, насколько легко одна из сторон может нарушить баланс и добиться превосходства и насколько трудно другой стороне восстановить баланс сил. Главным и определяющим элементом этого баланса, по заключению политологов А.Г. Арбатова, А.А. Васильева, А.А. Кокошина, является ядерное оружие.

Как показали результаты проведенного исследования, в теории сдерживания первая, наиболее простая, самая ранняя и весьма распространенная, точка зрения на военно-стратегическое равновесие характеризуется ситуацией, при которой достигнуто примерное количественное равенство в вооружениях, решающих стратегические задачи. Она была характерна к началу 70-х годов XX века, когда по количеству ядерных зарядов США и СССР достигли равенства. Именно этот постулат(категория) — «равновесие» — является основой силового баланса для современной системы международных отношений.

Вторая, наиболее поздняя модель, учитывала, наряду с количественными и качественные показатели, то есть складывалась ситуация, при которой достигнуто примерное равенство боевых потенциалов противостоящих группировок, способных решать стратегические задачи. В этом случае военно-стратегическое равновесие (в смысле количественного равенства СЯС) могло и не существовать.

Третья модель военно-стратегического равновесия связана с ситуацией, при которой ни одна из сторон не может применить ядерное оружие СЯС против другой без риска оказаться в ситуации «неприемлемого ущерба». Такое равновесие сложилось с середины 70-х годов XX века и существует до настоящего времени между Россией и США. Ни одна из сторон не располагает возможностью в результате применения СЯС достичь в ходе вооруженного конфликта превосходства, без угрозы нанести самой себе неприемлемый ущерб.

Четвертая модель стратегического равновесия связывается с реалиями современного мира: прекращением глобального «холодного» проти-

востояния двух сверхдержав, социально-политических систем и военных блоков, возникновением многополярного мира и т.п. В этих условиях складывается необычная «ситуация, при которой ни одна из сторон не может достичь своих стратегических целей в ущерб другой стороне». В этих условиях модель стратегической стабильности должна иметь многосторонний, а не дуэльный характер, содержать в себе как глобальные, так и региональные составляющие, с абсолютно необязательным применением стратегических ядерных сил.

Все из представленных моделей — являются военно-политической основой ресурсной составляющей силового баланса в современной международной среде.

Исследование проблемы «неприемлемого ущерба» приводит к мысли, что только тогда имеет место данная категория, когда выгода от ядерной агрессии перекрывается потерями агрессора в случае даже ответного удара другой стороны. И именно при таком подходе оценки данной категории имеет место концепция взаимного ядерного сдерживания¹.

Ретроспектива эволюции теории использования ядерного оружия подтверждает, что в 40-60-х годах XX века основной его функцией было устрашение потенциального противника (Хиросима, Нагасаки, план «Дропшот» и др. о бомбардировках ядерным оружием советских городов); с 70-х годов оно начало реализовывать функцию сдерживания, которую осуществляли в различных вариантах: нахождение ядерного оружия в постоянной боевой готовности; демонстрации силы (передислокация ракетно-ядерного оружия на территорию ГДР в 1958-1959 гг., Кубы в 1962 г.); перевод соединений РВСН и частей БРПЛ в высшие степени боевой готовности (1968 г.).

Архивные и действующие руководящие документы свидетельствуют, что создание и совершенствование стратегических ядерных сил нашей страны осуществлялось и осуществляется на основе неукоснительного соблюдения ряда основополагающих принципов. До середины 70-х годов господствовал ошибочный принцип² («количественного равенства») — потенциал СЯС СССР должен быть равен арсеналу

---

¹ Корабушин В.А. и др. Роль и место ядерного оружия в обеспечении безопасности РФ // Стратегическая стабильность. 1998. № 2. С. 34–35.

² Точка зрения авторов.

СЯС всех возможных коалиций государств, обладающих ядерным оружием; позднее строительство СЯС, поддержание их структуры и количественного уровня ядерных вооружений исходило из условий ракетно-ядерного паритета и равенства СЯС СССР и СНВ США; ныне и особенно в будущем Россия должна обладать оружием «возмездия» — стратегическими ядерными силами, адекватными СЯС противника, достаточными для сдерживания и пресечения (отражения) агрессии. Агрессор должен сдерживаться угрозой неотвратимого ответного применения ядерного оружия, приводящего либо к гибели государства-агрессора в случае обмена массированными ядерными ударами, либо к обесцениванию для противника предполагаемой им выгоды от развязывания агрессии¹.

Ядерное оружие как политический фактор сдерживания свое влияние на геополитику и военно-политические отношения в мире начало оказывать с момента их появления в структуре обеспечения военной безопасности нашей страны².

Подтвердился один из законов, сформированных гонкой вооружения: «развитие вооружения от противника и его боевых возможностей». Вот почему СССР с начала 70-х годов пошел по пути наращивания ракетно-ядерной мощи наземного базирования, в то время как США наряду с наземными ракетами «Минитмен-3» основное внимание уделяли наращиванию РГЧ индивидуального наведения на ракетных атомных подводных лодках и стратегической авиации.

Анализ показал, что ракетное и ракетно-ядерное оружие с момента его создания реализовывало две функции. В 40-60-х годах оно выполняло в первую очередь функцию устрашения потенциального противника. Это было обусловлено геополитической и военно-стратегической ситуацией, которая сложилась в те годы. США стремились сформировать международную обстановку с позиции «абсолютной силы», использовать сложившуюся ситуацию для того, чтобы навязать миру свой международный порядок. Его основой было монопольное обладание атомной бомбой.

---

¹ Мусатов М.И. Стратегические ядерные силы России в геополитических условиях второй половины XX века. М.: Воениздат, 2000. С. 53.

² Выступление Командующего РВСН генерал-полковника Соловцова Н.Е. перед руководящим составом ВА РВСН имени Петра Великого 14 февраля 2003 г.

Анализ архивных и других закрытых документов¹ показал, что пересмотр стратегии устрашения в США начался лишь после успешного испытания 21 августа 1957 года в СССР межконтинентальной баллистической ракеты. Ускорил этот процесс Карибский кризис 1962 года. Об этом свидетельствует заявление, с которым выступили в канун 20-летней годовщины кризиса бывшие члены специальной группы при президенте Дж. Кеннеди — Р. Макнамара, М. Банди, Т. Соренсен, Дж. Болл, Д. Раск. В нем говорилось, что «даже при наличии американского превосходства в ядерных вооружениях (по оценке Р. Макнамары, примерно 17:1) в тот период советская сторона при любом варианте развития военного конфликта сохраняла неуязвимые ядерные силы, способные нанести Соединенным Штатам тяжелейшие потери, то есть, количество имеющегося у обеих сторон оружия огромной разрушительной мощи делало подобные попытки бессмысленными».² Этот вывод неоднократно подтверждался на международных и отечественных конференциях, посвященных Карибскому кризису, в 1986 году, 1988-м, и особенно широко в 1997 году.

Вторая функция — функция взаимного сдерживания. Ее утверждение связано с достижением и закреплением военно-стратегического (в первую очередь ракетно-ядерного) паритета в начале 70-х годов, повлекшего за собой существенную переориентацию стратегических курсов США и СССР и понимание, что ядерное оружие призвано выполнять не устрашающие, а сдерживающие функции. Данный подход был юридически закреплён во Временном соглашении между СССР и США о некоторых мерах в области ограничения стратегических наступательных вооружений и Договоре об ограничении систем противоракетной обороны, принятых 26 мая 1972 года. К сожалению, 13 июня 2002 г. США в одностороннем порядке вышли из этого договора, что по заключению России и КНР не способствовало стабилизации международных отношений и не улучшило международную безопасность.

---

¹ Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. М.: Наука, 1988; Поташев В.В. Теория сдерживания в ядерной стратегии США. М.: АН СССР. Институт США и Канады, 1980; Савченко В.Я. и др. Предотвращение ядерной войны в изменяющемся мире. Методологический подход к обоснованию путей обеспечения ядерного сдерживания // Военная мысль. 1994. № 4; Современная теория сдерживания: Текст лекций / Егоров Е.С., Журавлев А.В., Воробьев С.Н. и др. М.: РВСН, 1995 и др.

² Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. М.: Наука, 1988.

Анализ динамики использования военной силы начиная с 70-х годов подтверждает мнение о доминирующем значении политических факторов и обстоятельств. Современный этап международных отношений характеризуется готовностью государств в условиях опасности ядерного уничтожения разрешать возникающие военные конфликты и кризисы мирным путем. Практически все ядерные державы признают концепцию взаимного ядерного сдерживания в качестве основы своей военной политики и силового баланса существующей системы международных отношений. И это позволяет находить пути дальнейшего общего и объективного политического, технического контроля над СНВ и выхода из ядерного тупика. Есть и другие обстоятельства, подтверждающие актуальность проблемы.

Взаимное ядерное сдерживание, с одной стороны, обеспечивает способность государства не допустить безнаказанного нападения со стороны агрессора путем угрозы нанесения ему неприемлемого ущерба, а с другой — закладывает фундамент для равной безопасности, снижает уровень ядерных вооружений и открывает дорогу к безъядерному миру.

История послевоенного времени XX — начала XXI веков свидетельствует о том, что сам факт наличия ядерного оружия не предотвратил многие локальные и даже региональные войны и военные конфликты между неядерными державами, но и не допустил и перерастания «холодной войны», острой конфронтации СССР и США, ОВД и НАТО в прямое вооруженное столкновение. И то, что такое противостояние не переросло в полномасштабную войну, во многом объяснялось наличием у сторон ядерного оружия, военно-политические возможности которого стали основой формирующегося в мире сегодняшнего силового баланса.¹

1.2. Оружие будущих войн в доктринах и планах США начала «холодной войны»

Соединенные Штаты извлекли из Второй мировой войны большие выгоды, при этом их экономическое могущество стало подавляющим. Доминирующее положение определялось прежде всего тем, что в годы войны, превратившись в «арсенал» союзников, США не только не

---

¹ Накасоне Я. и др. После «холодной войны». М., 1993. С. 121.

истощили свои ресурсы, но и значительно увеличили их¹. За это время в промышленность дополнительно были вложены огромные средства². Громадные прибыли военного производства привели к внедрению в промышленность частного капитала³. Многие из важных отраслей промышленности в области создания средств производства были доведены до пределов, значительно превышающих возможные потребности мирного времени. С ликвидацией спроса на продукцию военного назначения значительная часть этой американской производственной мощности оставалась неиспользованной⁴. В этом состояла главная особенность американской экономики. Другой важной особенностью было то, что военное производство открыло невиданные возможности для получения сверхприбылей (табл. 1)⁵. Однако уже к концу войны стало ясно, что в перспективе ситуация изменится из-за снижения спроса на продукцию.

Таблица 1

Динамика сверхприбылей производства США

Годы	1939	1940	1941	1942	1943	1944	1945
Млрд долл.	6,5	9,3	17,21	21,1	24,5	24,3	20,4

Опираясь на непомерно развитую производственную мощь и накопление капитала в результате огромных военных прибылей, монополии и правительство США, начиная с 1939 года, по сути, были единственными кредиторами в капиталистическом мире, а все остальные страны, за исключением Швеции, Швейцарии и некоторых других стран, — их

¹ В 1945 году валовой национальный доход страны составлял 215,2 млрд долларов, по сравнению со 101,4 млрд долларов в 1940 году. (См.: Анин Д. Международные монополии и мир. М.: Политиздат, 1948. С. 87.)

² Это более 25 млрд долларов в виде заводов и промышленного оборудования. За пять лет, по данным Совета военного производства, на 25 % увеличилась производительность труда (См.: РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 641, л. 109.)

³ Что составило почти 19 млрд долларов. В результате крупных инвестиций прирост промышленной продукции превышал 15 % в год, в то время как за прошедшие 70 лет он составил только 4 %. (См.: Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М.: Политиздат, 1957. С. 681.)

⁴ В связи с этим президент Г. Трумэн в своем послании Конгрессу от 1 декабря 1945 года отмечал: «С окончанием войны наша экономика столкнулась с серьезнейшей проблемой перепроизводства» (См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1.2, п. 132, л. 96).

⁵ См.: Ф. 069. Оп. 35, пор. 1, п. 127, л. 53.

должниками¹. При этом первое место в этом ряду принадлежало Англии². Поэтому заявление президента Г. Трумэна в Конгрессе прозвучало крайне реалистично: «Сегодня мы нация — банкир, нация — кредитор, нация — экспортер, великая морская и воздушная держава... Внешняя зона обороны США охватывает весь мир»³. Закабалив большинство стран экономически, США стали требовать от своих должников проведения политики, соответствующей их интересам. Исходя из этого, сенатор Мунд так охарактеризовал внешнеэкономическую политику Соединенных Штатов: «Поощрение американских инвестиций в Западной Европе находится в полном соответствии с принципами конечных усилий нашей политики»⁴.

На Парижской конференции 12-15 июля 1947 года шестнадцатью государствами (Англия, Франция, Австрия, Бельгия, Греция, Дания, Ирландия, Исландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, Турция, Швейцария, Швеция) было принято предложение США и образована Организация европейского экономического сотрудничества (далее — ОЕЕС). Конгресс США 2 апреля 1948 года принял закон № 472 о помощи иностранным государствам. В течение 1948–1951 гг. американскую помощь приняли 18 стран, которые получила 12,5 млрд долларов. Эти страны не потеряли своей независимости и самостоятельности, а, наоборот, возобновили свой экономический потенциал и даже стали конкурентами США на мировом рынке. Оказание помощи не предусматривало смену политического и социального развития государства,

---

¹ К середине 1946 года в США было сосредоточено 3/5 мировых запасов золота общим весом 600 млн унций, что составило на 1946 год 20,270 млрд долларов. (См.: РЦХИДНИ, ф. 17, оп. 128, д. 641, л. 103.)

В то же время как в Англии, например, в том же 1946 году составляли 1 млрд 600 млн долларов. (См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 32, пор. 2, п. 132, л. 2.)

² Согласно отчету, представленному Конгрессу 16 марта 1947 года президентом Г. Трумэном, из общих расходов США по ленд-лизу в 50,140 млн долларов за время войны Великобритания получила 31,400 млн долларов, из которых в порядке обратных поставок было возвращено 6750 млн долларов. (См.: АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 121, л. 32.)

Кроме того, США с июня 1940 года по октябрь 1946 года предоставили другим государствам 27460 млн долларов. Следовательно, в период с 1940 года по октябрь 1946 года США в различных формах кредитовали 77600 млн долларов. (См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 32, пор. 11, п. 205, л. 83.)

³ См.: АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 12732, л. 66.

⁴ См.: АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 12732, л. 72.

например Югославия шла социалистическим путем развития. Президент США 27 сентября 1950 года объявил законопроект о дополнительных и чрезвычайных ассигнованиях. В одном из пунктов отмечалось, что страны, передающие СССР материалы, составляют угрозу для США, и поэтому будут лишены помощи. В 1949 году создается Координационный комитет по контролю за экспортом (далее — КОКОМ) стратегических материалов, оборудования, технологий в социалистические страны¹.

Стремясь сохранить непомерно развитый в годы войны военно-производственный аппарат, не допустить углубления кризиса перепроизводства и обеспечить вложение накопленных финансовых средств, правительство Соединенных Штатов под давлением монополий стало активно проводить в жизнь курс, направленный на внешнеэкономическую экспансию. Пользуясь тем, что основные экономические соперники Соединенных Штатов в результате войны оказались полностью обескровлены как Германия, либо сильно истощены как Великобритания, Франция и другие государства, американские монополии сразу после войны стали осваивать европейский рынок, который до войны на 45 % пополнялся промышленной продукцией Великобритании. Европа привлекала как место вложения капитала и как источник дешевой квалифицированной рабочей силы. В условиях отсутствия конкуренции со стороны традиционных соперников, американский капитал мог занять на европейском рынке доминирующее положение.

Но на пути США встало препятствие — формирующийся социалистический блок государств во главе с Советским Союзом, который после Второй мировой войны стал ведущей силой в Европе. «Теперь ни один важный европейский вопрос нельзя было решить без советского участия, как это было каких-то шесть с половиной лет назад в Мюнхене. Из отлученной страны, которую можно было игнорировать и высокомерно обидеть, Советский Союз вырос в величайшую державу мирового значения»². Победа СССР в войне означала не только укрепление его внешнеполитических позиций, но и наступление на экономические

---

¹ Комитет прекратил свою деятельность только 1 апреля 1994 года (*прим. авторов*).

² См.: История Второй Мировой войны: Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1969. С. 541.

интересы капиталистических государств, и прежде всего США¹. По периметру советских границ образовался пояс из семи союзных государств и зависимых от него стран, отношения с которыми СССР закрепил в договорах, предусматривающих тесное политическое и военное сотрудничество. Кроме того, договоры дополнялись двусторонними экономическими соглашениями². После войны в странах народной демократии начались глубокие экономические и политические преобразования, в результате осуществления которых, они оказались полностью ориентированы на Советский Союз. На Дальнем Востоке набирало силу коммунистическое движение в многомиллионном Китае.

Такое развитие глобальных геополитических процессов противоречило интересам западных стран и, прежде всего, США и Англии, при заметном ослаблении позиций последней. Именно вследствие экономических и геополитических причин, приобретших еще и идеологический оттенок, произошел распад коалиции великих держав и начался переход к противостоянию.

Кроме промышленных лобби, к вмешательству США в дела зарубежных государств правительство подталкивали ведущие американские торговые монополии в целях обеспечения экспорта американских товаров и инвестиций³. Вследствие этого президент торговой палаты США Э. Джексон подчеркивал: «Только одна Америка обладает капиталом, производственной мощностью и техническим превосходством для спасения мира от экономической катастрофы и от политических последствий ее ... Мы можем и должны использовать всю полноту экономической мощи Америки для восстановления хотя бы минимального порядка в мире... Мы должны бросить весь вес нашей мощи на чашу весов мировых

---

¹ Из сферы их влияния выпал целый ряд европейских государств с общей площадью более 1 млн кв. км и с населением свыше 90 млн человек. (См.: АВП РФ. Ф. 069, оп. 82, пор. 29, л. 84.)

² См.: История международных отношений. М.: Международные отношения, 1964. С. 38.

³ Руководящая внешнеторговая организация США — Национальный совет внешней торговли — в своей резолюции заявляла: «На внешней экономической политике Соединенных Штатов, посредством которой правительство осуществляет влияние в мире, лежит ответственность за обеспечение и защиту интересов американской предпринимательской инициативы всеми имеющимися в распоряжении правительства средствами» (См.: РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 408, л. 213.)

событий, серьезные экономические мероприятия сейчас избавят от необходимости прибегать к военным мероприятиям потом...»¹.

Предприниматели добивались не только уничтожения торговых барьеров против американских товаров, но и важнейших политических изменений в странах, которые, по мнению американских деловых кругов служили препятствием для «свободной предпринимательской инициативы», так как их строй имел «социалистический» характер². Как показывает изучение документов того времени, это были не изолированные эпизоды, а часть широкой программы³.

Результаты анализа специалистов экономического развития США дают основание сделать вывод о том, что в условиях мирного времени их деловые круги видели возможность для сохранения положения ведущей экономической державы и активизации внешнеэкономической экспансии. В руках финансовых магнатов находились рычаги экономической и политической жизни страны. Монополии диктовали свою волю правительству и определяли курс как внутренней, так и внешней политики США и, прежде всего, в отношении СССР.

В результате внешней политики и благоприятных послевоенных условий для США проявилась тенденция концентрации подавляющей часть экономического и военного потенциала западного мира на заокеанской территории, не пострадавшей в ходе Второй мировой

---

¹ См.: РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 1541, л. 247.

² Так, например, в 1945 году предоставление Соединенными Штатами кредита в 80 млн долларов было обусловлено обещанием правительства со стороны Польши провести «свободные выборы» и согласием проводить недискриминационную политику в отношении торговли с США. Одновременно с этим проводилась попытка связать кредитами в 50 млн долларов Чехословакию и Советский Союз, ставя в качестве основного условия снижение торговых барьеров. (См.: Всемирная история: в 12 томах. М.: Мысль, 1977. Т. 11. С. 453.)

³ Например, Комитет палаты представителей по вопросам послевоенной экономической политики в своем докладе, подготовленном в ноябре 1945 года, ясно высказывался за использование внешних займов, необходимых СССР, в качестве мощного орудия для получения различного рода уступок с его стороны. «Комитет считает, что поскольку преимущества, которые дают Соединенным Штатам займы и другие соглашения, являются самым лучшим козырем для получения политических и экономических уступок в наших интересах, постольку вся экономическая политика должна быть направлена к этой цели». (См.: АВР РФ. Ф. 0129, оп. 34, пор. 37, п. 243, л. 17.)

войны¹. Американские монополии контролировали важные отрасли промышленности остальных ведущих западных государств и, разумеется, все источники стратегического сырья во многих развивающихся странах.

Уже в 1950–1960-е годы на долю США приходилось 95 % мощностей по производству ядерных боеприпасов, 90 % ракетостроения и около 60 % производства обычных вооружений. Более того, экономический и военный центр всего западного мира переместился на американский континент.

Анализ документов МИД, международного отдела ЦК ВКП (б), содержащих оценки и выводы по международной обстановке послевоенных десятилетий, дает возможность выявить следующие основные направления внешней политики США и Великобритании по отношению к Советскому Союзу и странам народной демократии²:

— объединение западных стран на борьбу с СССР, восточноевропейскими государствами и демократическими движениями в мире.

— стремление к тому, чтобы максимально оттеснить Советский Союз с тех позиций, которые он занял в мире в послевоенный период.

— дипломатическое и политическое давление на СССР и его союзников с целью отрыва их от политики взаимного сотрудничества и создания дополнительных трудностей в деле восстановления их экономики.

— усиление темпов и увеличение масштабов по созданию военных плацдармов вокруг Советского Союза и стран Восточной Европы.

Осуществляя намеченный курс, США и Великобритания встали на путь отказа от своих обязательств по международным соглашениям (Тегеранское, Ялтинское, Потсдамское) и, прежде всего, по проблемам послевоенного устройства Европы, в вопросе демилитаризации Германии, военном и политическом сотрудничестве.

Кроме того, для достижения поставленных целей в политике Соединенных Штатов стало все отчетливо проявляться стремление опереться

---

¹ Уже в конце 50-х годов удельный вес американского промышленного производства в мировом западном производстве превысил 46 % (*прим. авторов*).

² См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1994; Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность в 60-70 годы. М.: Международные отношения, 1978. 302 с.; Волкова Е.А. Вашингтон и Восточная Европа: внешнеполитическая стратегия США в отношении европейских социалистических государств в 70-х гг. М.: Наука, 1984. 320 с.

на фактор военной силы. Причиной тому служило создание и монопольное обладание США новейшим оружием, имевшим колоссальную разрушительную силу, кардинально менявшим баланс сил противоборствующих сторон в послевоенное время и определявшим военно-стратегическую политику на данный период¹.

Именно тогда начала вырисовываться идея использования атомного оружия в качестве средства перестройки послевоенного мира по американской модели.

Как свидетельствует американский историк Р. Флеминг, «...бомба с момента ее появления была исключительно важным элементом во всех расчетах Трумэна относительно баланса военной силы... в смысле послевоенного урегулирования отношений с Советским Союзом»².

Появление нового оружия должно было резко изменить послевоенный баланс, создавая для США политическую возможность навязать свою волю остальному миру³. Исходя из подобной установки, военно-политическое руководство США без колебаний сразу после окончания войны избрало путь наращивания военной мощи на качественно новой основе.

В 1945 году в Чикаго на конференции военных специалистов обсуждался вопрос о роли этого оружия в будущих войнах, которые

---

¹ В США настойчиво проводились изыскания по созданию новых, эффективных видов оружия. Таким оружием должна была стать атомная бомба, на разработку которой в рамках «Манхэттен» было истрачено порядка 15 млрд долларов (См.: «Звездные войны»: иллюзии и опасности. М.: Воениздат, 1985. С. 35). Атомная бомбардировка Хиросимы и Нагасаки открыла новую эру в развитии мировой военно-политической обстановки и вооруженных сил. С появлением ядерного оружия возникла настоятельная необходимость переосмыслить способы и методы использования в международных делах военной силы, характер возможных войн. Так разработка и применение атомного оружия изначально рассматривались правительством США как средство для борьбы с Германией, а затем — с помощью его они смогут диктовать волю Советскому Союзу и, тем самым, обеспечить американскую гегемонию во всем мире.

² Цит. по: История международных отношений. М.: Международные отношения, 1964. С. 149.

³ Этот тезис недвусмысленно был сформулирован сенатором Э. Джонсоном, который заявил в ноябре 1945 года: «Всемогущий Бог в его бесконечной мудрости подбросил в наш карман атомную бомбу. Теперь впервые Соединенные Штаты могут... заставить человечество пойти по пути всеобщего мира... или обгореть до костей» (см.: Богданов Р.Г. У опасной черты. М.: Московский рабочий, 1986. С. 25).

предстоит вести США. В своих выступлениях 8 и 27 октября 1945 года президент Г. Трумэн подтвердил решимость США удерживать в своих руках монополию на атомное оружие¹, дальнейшее его наращивание и разработку средств доставки. Это было подкреплено ростом бюджетных ассигнований конгресса по статье на развитие атомной энергии².

Сегодня достаточно много документальных свидетельств того, что президент Г. Трумэн и его советники предусматривали использование атомной монополии для силового давления на СССР. «Ядерное оружие начало оказывать большое значение на военную политику сразу после окончания Второй мировой войны», — отмечал американский генерал и политик М. Тейлор³. Именно такой подход наиболее резко проявился в ходе урегулирования вопроса о выводе войск США, СССР и Великобритании с территории Ирана в марте 1946 года. Президент Г. Трумэн лично встретился с советским послом в США А. Громыко и предъявил ультимативные требования: или советские войска будут выведены из Ирана в течение 48 часов, или США нанесут атомный удар по Советскому Союзу⁴.

Поворотным пунктом в отношениях Запада и СССР стала речь У. Черчилля в Фултоне в марте 1946 года, в которой он призвал к организации мощного военно-политического союза, направленного против СССР. Англо-американские стратегические установки на достижение мирового господства были сформулированы так: «Создать кольцо сил — политических, экономических и военных — вокруг района, находящегося под советским контролем, чтобы довести Советский Союз до такого состояния, когда он будет вынужден перестроиться»⁵.

В результате оказания американской политики силового давления на СССР главной заботой высшего военно-политического руководства США стала ставка на победу в ядерной войне. Опираясь на факт наличия

---

¹ См.: Боев И. Ракетное оружие и внешняя политика США. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 67.

² Так, если в 1946 году на эту программу было выделено 120 млн долларов, то в 1947 году — 200 млн долларов, а в 1948 году — уже 475 млн долларов (См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1, п. 241, л. 86).

³ См.: Тейлор М. Ненадежная стратегия. М.: Воениздат, 1961. С. 43.

⁴ См.: Каку М., Аксельрод Д. США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона: Пер. с англ. М., 1988. С. 45.

⁵ Цит. по: Тарасенко В.А. Атомные проблемы во внешней политике США (1945-1949 гг.): Дис. ... докт. ист. наук. Киев: 1958. С. 136.

атомной бомбы, военное руководство приступило к разработке подходов к проблеме применения ядерного оружия, формированию взглядов на характер будущей войны, составлению планов ее развязывания и ведения для достижения стратегических целей¹.

В связи с этим следует отметить, что вскоре после возвращения из Потсдама президент Г. Трумэн приказал генералу Д. Эйзенхауэру разработать секретный план военных действий на случай возникновения войны с Советским Союзом². А в ноябре 1945 года было подготовлено секретное исследование атомного удара по СССР, проведенное Объединенным разведывательным комитетом министерства обороны США под названием «Стратегическая уязвимость России для ограниченного удара с воздуха» (JCS-329/1). По результатам исследования рекомендовалось нанести внезапный удар по Советскому Союзу не только с целью отражения советской агрессии, но и в том случае, когда станет ясно, что СССР в конечном итоге создаст возможности или нанести удар по США, или отразить удар со стороны Соединенных Штатов³.

---

¹ См.: Арбатов А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980; Богданов Р.Г. США: военная машина и политика Вашингтона. М.: Политиздат, 1983; Мельников Ю.М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970; Петров И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (история и современность) // Зарубежное военное обозрение, 1980. № 5; Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989; Секретные планы Пентагона // Международная жизнь, 1989; Грайкер Б., Штаттунс К. На пути к третьей мировой войне. М.: Прогресс, 1983; Каку М., Аксельрод Д. Одержатъ победу в ядерной войне: секретные планы Пентагона (англ.). Бостон-Лондон, 1987, Алперовиц Г. Ядерное оружие и политика // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2. С. 26-33.

² План получил название «ТОТАЛИТИ». В плане проводился анализ возможных последствий крупномасштабной войны с СССР. (См.: Каку М., Аксельрод Д. США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона: Пер. с англ. М., 1988. С. 44.)

В июне 1946 года ОКНШ завершил разработку первого плана войны с Советским Союзом, получившего кодовое название «Пинчер» (прил. 1). Разработчики плана исходили из того, что такая война произойдет летом 1946 года или 1947 года, с подготовительным периодом не менее трех месяцев. Он был дополнен документом «Хирроу», в котором содержались наметки, повторявшие исследования осени 1945 года: по разрушению 20 советских городов. (См.: Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России. (См.: Историко-политологический анализ. М.: ВА РВСН, 1997. С. 33–34.)

³ В нем анализировалась возможность превентивного ядерного удара по Советскому Союзу. Разработчиками были определены 20 целей, пригодных для стратегической бомбардировки на территории СССР: Москва, Горький, Куйбышев,

В другом документе, подготовленном в высших правительственных кругах под названием «Американская политика в отношении Советского Союза», отмечалось: «Надо указать Советскому Союзу, что мы располагаем достаточной мощью... для быстрого сокрушения СССР в войне... Советский Союз не слишком уязвим (для обычного оружия), ибо его промышленность и хозяйственные ресурсы широко рассредоточены, однако он уязвим для атомного, бактериологического оружия... Война против СССР будет тотальной»¹.

Командование ВВС США стремилось применить опыт последней войны к особенностям послевоенного периода. В соответствии с данными «Обзора стратегических бомбардировок», опубликованного в 1945 году, сложилась новая доктрина, в основе которой лежала ставка на атомную бомбу².

В соответствии с этими взглядами были разработаны конкретные планы подготовки и ведения войны. Объединенный комитет военного планирования 14 декабря 1945 года издал директиву 432/Д, в которой указывалось: «Единственным оружием, которое США может эффективно применить для решительного удара по основным центрам СССР, являются атомные бомбы, доставленные самолетами дальнего действия»³. Но эти средства не обладали межконтинентальным радиусом действия⁴ и требовали создания районов передового базирования. Поэтому разработчики документа предлагали использовать для авиации

Свердловск, Новосибирск, Омск, Саратов, Казань, Ленинград, Баку, Ташкент, Челябинск, Нижний Тагил, Магнитогорск, Молотов (Пермь), Тбилиси, Сталинск (Новокузнецк), Грозный, Иркутск и Ярославль. При этом прогнозируемые потери советских органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 45.)

¹ См.: Боев И. Ракетное оружие и внешняя политика США. М.: Дис. ... канд. ист. наук. 1967. С. 71.

² См.: РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 161, Т. 1, д. 248, л. 81.

³ См.: Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989. С. 115.

⁴ Первыми средствами доставки ядерного оружия были бомбардировщики В-29 и В-50. Но эти средства не обладали межконтинентальным радиусом действия. Дальность полета В-29 составляла 6000 км, тогда как расстояние от Нью-Йорка до Москвы составляет 7505 км, от Сан-Франциско до Хабаровска — 7762 км (прим. авторов).

авиабазы на британских островах, в Италии (Фоджи), Индии (Агра), Китае (Чэнду), на японских островах (Окинава)¹.

«Отцом» новой доктрины являлся генерал К. Спаатс, командовавший во время войны стратегическими налетами на Германию. В ноябре 1945 года он представил военно-политическому руководству страны документ, в котором употребил выражение «воздушно-атомная стратегия». Его взгляды получили дальнейшее развитие в исследованиях, проведенных генералом К. Лемэем, который продолжил создавать объединенное управление армии и флотом для приспособления ядерного оружия к межконтинентальным и управляемым ракетам². В 1947 году ВВС США выделяются в самостоятельный вид ВС. Было создано министерство ВВС во главе с начальником штаба, который получил равные права с начальниками штабов сухопутных войск и ВМС; наращивалось производство самолетов³. Развитию стратегической авиации придавалось особое значение, о чем свидетельствует табл. 2 и опыт учений стратегической авиации. «Успешные боевые действия стратегической авиации, являются решающими и могут привести к капитуляции государства противника»⁴. Через некоторое время Конгрессом было принято решение о выделении стратегической авиации США организационно в самостоятельное командование — стратегическое авиационное командование (далее — САК)⁵,

---

¹ В то же время не было достаточно районов, приближенных к территории СССР и позволяющих разместить авиацию, несущую ЯБП, что повышало уязвимость стратегического оружия, снижая его эффективность как главного инструмента политики силового давления.

² См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 34, пор. 21, п. 227, л. 54.

³ К концу 1950 г. в авиационных частях США имелось 14500 самолетов. Численность личного состава регулярных ВВС составляла 964000 человек. Для сравнения в апреле 1942 г. численность ВВС составляла 354000 человек. К середине 1952 г. производство самолетов достигло 800 единиц в месяц.

В Англии в составе ВВС в 1954 г. было до 6780 самолетов и более 343 000 человек личного состава, в то время как до войны они насчитывали около 2500 самолетов. (Цит. по: ПВО страны (1914-1995 гг.): военно-исторический труд. Тверь: ВА ПВО, 1998. С. 244.)

⁴ См.: Краткое руководство по ВВС США, 1948 г.: Пер. с англ. М.: Воениздат, 1955. Т. 11. С. 340.

⁵ В распоряжении стратегического авиационного командования (САК) ВВС США, созданного в 1946 г. и на которое были возложены задачи определения объектов поражения противника находились бомбардировщики В-29, В-50. (См.: Пасхальный П.И. США: Ядерная политика и народ. М.: ГАВС, 1992. С. 12.)

а в Великобритании — бомбардировочное командование, которым отводилась основная роль в войне против СССР.

Таблица 2

Уровень производства самолетов в США

Годы	1950	1951	1952
Количество самолетов	2 200	5 000	8 000

Отвечая на запрос президента о военных аспектах конфронтации с СССР, военный министр Р. Паттерсон в меморандуме Г. Трумэну подчеркивал: «Жизненно важным условием успеха США в войне с СССР, бесспорно, является обладанием авиацией дальнего действия, дополненной атомным оружием... Военная мощь западных демократий должна опираться на высокоразвитые наземные и воздушные силы, а также технологически сложное оружие, такое как атомная бомба»¹.

Изучение документов свидетельствует о том, что уже в самом начале 1946 года, исходя из политических и военно-стратегических установок, в США было начато осуществление ряда мероприятий стратегического характера, указывающих на то, что американское руководство встало на путь подготовки к возможной ядерной войне с Советским Союзом. Со страной, которая еще не имела ни одного атомного боеприпаса и не представляла угрозы национальной безопасности Соединенным Штатам.

Одновременно в Соединенных Штатах началась усиленная милитаризация страны, которая проводилась по трем основным направлениям:

- усиление влияния военных на политику государства.
- увеличение численности вооруженных сил.
- подготовка экономики к мобилизации.

Проведенный анализ свидетельствует, что после войны значительно усилилось влияние военных в государственных делах². Заняв

¹ См.: Богданов Р.Г. У опасной черты. М.: Московский рабочий, 1986. С. 88.

² См.: Из 96 самых ответственных постов в правительстве США 30 были заняты генералами. Директором главного внешнеполитического ведомства Госдепартамента, был назначен генерал Дж. Маршалл.

Дж. Сандерс, редактор бюллетеня «Инфакт», сообщал в своей газете, что 40 из 50 высших чинов армии и флота занимают ответственные должности в Госдепартаменте и «содействуют формулированию существенных проблем политики, которая является опасной смесью военных рассуждений и дипломатии» (См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 33, пор. 42, п. 121. л. 27.)

ключевые позиции в государственном аппарате, военные стали проводить политику, направленную на усиленную подготовку к войне. Одним из проявлений этого, как показывают документы МИД СССР за 1945-1946 годы, стало усиление американской армии. К концу 1947 года правительство США для обеспечения проведения своего внешнеполитического курса запланировало состав своих ВС в таких размерах, какие США раньше не имели в мирное время¹.

Кроме того, военно-морские и военно-воздушные силы Соединенных Штатов обосновались на основных направлениях мировых коммуникаций и в важнейших стратегических пунктах. Как докладывал советский военный атташе в США, министерством обороны в 1946 году было начато интенсивное освоение стратегических направлений в основном северного, средиземноморского (как части европейского) и частично дальневосточного². С этой целью с начала года США начали строительство баз на Аляске, в Канаде, на Нью-Фаундленде, в Гренландии и Исландии³. Северная часть Канады фактически превращалась в плацдарм для американских ВВС. С данной страной было заключено соглашение по обороне, предусматривавшее совместные мероприятия в вопросах обучения войск, маневров ВС, стандартизации и унификации вооружений, взаимном доступе к военным базам⁴.

После назначения генерала Дж. Маршалла главой внешнеполитического ведомства Госдепартамент начал превращаться, как отмечала американская печать, в своего рода генеральный штаб не только в смысле организационной структуры и управления, но и смысле замены гражданских лиц военными на всех постах. Так, ближайшими помощниками главы были назначены генерал М. Картер и генерал Дж. Пьюрфот. Руководителем оперативного управления штаба американской армии полковник Хаммельсайд и т.д.

¹ При этом численность личного состава предполагалась в 2,7 раз больше, чем до войны, количество кораблей увеличивалось в 2,3 раза, а самолетов — в 12 раз при заметном увеличении доли бомбардировочной авиации.

Количественное и качественное сравнение показывает, что вооруженные силы США к 1947 году превысили уровень 1939 года более чем в шесть раз. За годы войны США построили 434 базы для флота и морской авиации, сухопутные силы и стратегическая авиация использовали 1933 базы. (См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 45).

² См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1, п. 241, л. 89.

³ См.: Алексеев Р.Ф. Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. Справочник. М.: Политиздат, 1985. 365 с.

⁴ См.: АВП РФ. Ф. 0129, оп. 33, пор. 12, п. 218, л. 93.

В результате проведенных мероприятий в военном строительстве уже к концу 1946 года Соединенные Штаты обладали необходимым уровнем военной мощи для обеспечения американской политики во всем мире.

В секретной директиве от 18 августа Совета национальной безопасности № 20/1 (СНБ-20/1) «Цели США по отношению к России» проводился анализ нескольких различных вариантов на случай капитуляции СССР в войне. В качестве основной цели американской внешней политики были зафиксированы «разгром сил мирового коммунизма, руководимого Советами». И так как этой цели невозможно было «достигнуть с помощью оборонительной политики», то США взяли на себя «руководящую роль в организации всемирного контраступления».

Одновременно США усилили военные приготовления в области экономики. Прежде всего об этом свидетельствует программа экономической мобилизации промышленности, принятая в январе 1946 года, которая определяла:

— выделение ассигнований из государственной казны для создания запасов военно-стратегических материалов, отсутствующих в США, с целью обеспечения возможности ведения войны в течение 4-5 лет¹.

— переход оборонных заводов под прямое управление военных органов².

А в мае 1946 года военный министр США Ройялл представил Конгрессу дополнительный план мобилизации промышленности, предлагавший поддержание темпов милитаризации экономики³. Военное министерство изучило возможности строительства целого комплекса под-

---

¹ Ассигнования в размере 2,1 млрд долларов. (См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 51.)

² С этой целью был разработан план сохранения в ведении министерства обороны 131 военного завода общей стоимостью в 3,5 млрд долларов. (См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 51.)

³ Замысел состоял в консервации 60-ти военных заводов, принадлежавших правительству США, накоплении стратегических материалов и строительстве новых подземных заводов. Помимо этого, план предусматривал передачу в ведение военного министерства 71-го завода, ранее сданного в аренду, по истечении 120 дней после соответствующего возвращения. (См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 51.)

земных артиллерийских, химических заводов, опытных предприятий по производству стратегических бомбардировщиков, а также сохранение машинного и другого производственного оборудования¹.

Проводимые правительством США военно-стратегические мероприятия в стране, давали полное основание считать, что Соединенные Штаты вплотную приступили к осуществлению планов подготовки к атомной войне против СССР.

Основой внешнеполитических воззрений американского истеблишмента была оценка силового фактора, как решающего в мировой политике. «Любое насилие, включая войны и разрушения, допустимо в международных отношениях. Борьба за силу и усовершенствование позиций, обусловивших силу, — главная цель внутренней и внешней политики» — утверждал один из политологов Н. Спайкман². Монопольное обладание на первых порах ядерным оружием, неуязвимость для адекватного ответного удара со стороны СССР территории Соединенных Штатов открыли для руководства этой страны перспективу проведения политики «с позиции силы».

В 1948 году американское руководство от общих замыслов перешло к конкретным угрозам проведения стратегической операции ВВС против СССР, которые проявились в ходе «берлинского кризиса»³.

Развертывание бомбардировщиков — носителей атомного оружия продемонстрировало выдвижение атомной бомбы на видное место в американской внешней политике. А в апреле 1949 года американский президент Г. Трумэн откровенно заявил, что он «не поколеблется принять решение на применение атомной бомбы, если на карту будет поставлено благосостояние Соединенных Штатов Америки или демократий мира»⁴.

---

¹ На сумму 350 млн долларов (См.: Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961). М., 1995. С. 51.).

² Цит. по: Пономарев В.А. Геополитика американского империализма. М.: Международные отношения, 1986. С. 83.

³ В ходе Берлинского кризиса, возникшего летом 1948 года, США перебросили в американскую оккупационную зону в Германии, а оттуда на Британские острова, эскадрилью бомбардировщиков В-29, носителей атомных бомб. В июле на авиабазах Великобритании уже насчитывалось 60 бомбардировщиков этого типа, а к осени, когда обстановка вокруг Берлина нормализовалась, их число достигло 90 единиц. (См.: ЦХСД. Ф. 5, оп. 0.64, д. 5, л. 71-73.)

⁴ См.: История военной стратегии России / Под общ. редакцией В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 381.

Исторический опыт подтверждает, что в военном отношении определяющее значение имело то обстоятельство, что американцы захватили и на протяжении почти пяти лет продолжали сохранять монополию на ядерное оружие. Сердцевиной глобального военно-политического курса Соединенных Штатов была стратегия постоянного давления на социалистические страны угрозой тотальных ядерных ударов. Это позволяло США держать в страхе весь мир, строить планы завоевания мирового господства, рассчитывать на политику ядерного шантажа и открытого военного давления.

В начале 1950-х годов в США была принята военная стратегия «массированного возмездия», которая основывалась на собственном превосходстве в ядерном оружии. Ее сущность заключалась в немедленном нанесении по противнику массированных ударов с использованием всего накопленного атомного потенциала для достижения победы в кратчайшие сроки при любых вариантах возникновения войны (прил. 1)¹. Поэтому на протяжении первых десятилетий послевоенного периода основные усилия военно-политического руководства Соединенных Штатов были сосредоточены на дальнейшем наращивании атомного арсенала (табл. 3)².

Таблица 3

Соотношение американских и советских стратегических ядерных боезарядов

Вооружение	1950 г.		1955 г.		1960 г.	
	США	СССР	США	СССР	США	СССР
БГ БР					68	
Бомбы	450	-	4750	20	6000	300
Всего	450	Нет	4750	20	6068	300

¹ В соответствии с этой концепцией Пентагон разработал несколько планов ведения войны против СССР, в которых из года в год количество ядерных боезарядов и число поражаемых городов-целей возрастало. Так, в 1947-1948 гг. ядерным ударам намечалось подвергнуть 15-20 городов Советского Союза, в 1950 г. — уже 129, а в 1953 г. — более 200. По плану «Дропшот», разработанному в 1949 г., на советские объекты предполагалось сбросить 300 атомных бомб. В последующих планах количество ядерных боеприпасов исчислялось уже тысячами единиц. Так, по плану, относящемуся к концу 1967 г., по Московскому промышленному району намечалось нанести 72 ядерных удара (прим. авторов).

² В 1950 году в распоряжении САК находилось несколько сотен атомных бомб. К этому же времени ВМС США разместили примерно 100 таких бомб на авиации морского базирования, которая организационно включалась в структуру ядерных сил США, способных решать стратегические задачи (прим. авторов).

В основу выдвинутой доктрины «массированного возмездия» легло ядерное превосходство над СССР, что означало, по заявлениям официальных лиц США, возможность применения атомного оружия массированно и «по собственному выбору места и времени». При этом использование ядерного оружия США должно было обеспечить «гарантированное уничтожение» Советского Союза в случае начала Третьей мировой войны¹.

Вариант превентивной «воздушно-атомной войны» против СССР с использованием баз на территории союзников был рассчитан по решению Комитета начальников штабов (КНШ) в ходе специальных командно-штабных учений (КШУ) в 1950 году. Расчеты показали, что стратегическая авиация США, нанеся в первом ударе значительный урон городам СССР, не могла продолжать активные боевые действия из-за недостаточного количества самолетов, баз, систем обеспечения и обслуживания². В то же время, советские ВВС могли полностью вывести из строя военно-воздушные базы на территории Англии, Турции и других стран, а Сухопутные войска, по расчетам участников учений, были способны выйти к этому времени к берегам Атлантического и Индийского океанов³.

Командование ВС США постепенно пришло к выводу, что стратегическая авиация не способна обеспечить разгром СССР в быстротечной воздушно-атомной войне. Пентагон увеличил финансирование широкой программы научно-исследовательских и экспериментальных работ в области ракетного вооружения.

Эта программа была направлена на сбор и систематизацию основных фундаментальных знаний, необходимых для создания различных ракет. К научно-исследовательским работам в США были привлечены 35 крупнейших институтов и лабораторий, германские специалисты, вывезенные в США. Значительную долю научных и исследовательских работ в области выполнял НАСА (Национальный советательный комитет

---

¹ В соответствии с разработанным планом «Троян» начало войны предусматривалось 1 января 1950 года. Планировалось в течение 3 месяцев сбросить на СССР 300 атомных бомб и 20 тыс. обычных бомб, для чего потребовалось бы 6 тыс. самолёто-вылетов (*прим. авторов*).

² По результатам учений вероятность достижения целей бомбардировщиками В-59 и В-36 составляла 70 %, а потери превышали 55 % (*прим. авторов*).

³ См.: Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989. С. 137-138.

по авиации), а также разветвленное и охватывающее широкие научные круги американское ракетное общество¹. Идея создания столь разрушительного оружия, как атомная бомба, с таким неуязвимым средством доставки, как баллистические ракеты (далее — БР), из просто перспективной стала переводиться в практическую плоскость². Еще 15 марта 1946 года на испытательном полигоне в Уайт-Стэндз (шт. Нью-Мексико) были проведены стендовые испытания, а 16 апреля осуществлен первый запуск ФАУ-2. В течение 1946 года с наземных пусковых установок было запущено 69 ракет. А с сентября 1947 года пуски Фау-2 проводили с полетной палубы движущегося авианосца «Мидуэй». Вся программа испытаний ФАУ-2 в США проводилась более 5 лет и закончилась 30 июня 1951 года³. Положительные результаты испытаний позволили приступить американским и немецким специалистам к разработке новых образцов ракетной техники. На эти цели расходы МО США в 1946-1947 гг. составили 58 млн долларов, в 1950-1951 гг. — 788,5 млн долларов, а в 1954-1955 гг. — 1 469 млн долларов⁴.

С начала 1950 годов американское военно-политическое руководство основное внимание уделяло созданию ракетно-ядерного потенциала⁵. В США была проведена значительная работа по созданию испытательных центров и полигонов, специально предназначенных для испытаний управляемых снарядов ракет. К 1950 годам существовало 12 важнейших испытательных центров, не считая входящих в состав некоторых центров специальных полигонов, которые иногда функционировали самостоятельно. В больших испытательных центрах были сооружены уникальные испытательные средства (сверхзвуковые аэродинамические трубы, стенды и др. оборудование). В попытках вырваться вперед и добиться существенного превосходства США предприняли форсированный рывок в гонке вооружений. Данные испытания позволяют говорить о том, что уже с момента создания ракетного оружия американское

---

¹ См.: Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989. С. 52.

² См.: Гоудсмит С. Миссия «АЛСОТ»: Пер. с англ. В.Н. Дуриева. М.: ГИЛ, 1962. С. 180-189.

³ См.: Ф. 10, оп. 176683, д. 33, л. 212.

⁴ См.: ЦХСД. Ф. 5, оп. 60, д. 315, л. 201-202.

⁵ См.: Орлов А.С. В поисках «абсолютного» оружия. М.: Молодая гвардия, 1989. С. 137-138.

командование планировало его боевое применение вдали от своей территории. Естественно, что даже при тех ТТХ, используя палубу авианосца в качестве стартовой площадки, ракеты могли решать не только оперативно-тактические, но и в некоторой степени стратегические задачи: разрушение административно-политических и военных центров управления, военно-морских и военно-воздушных баз и т.п.

Таблица 4

Основные разработки ракетного и реактивного вооружения, ведущиеся авиационными фирмами США в 1950-х годах

№ п/п	Тематика разработок	Количество фирм
1	Комплексная разработка управляемых ракет и самолетов — снарядов, в том числе: привлеченные ими специальные фирмы для разработки отдельных узлов и агрегатов	25 7
2	Разработка и изготовление систем управления, в том числе: комплексные радиолокационные средства, бортовая радиоаппаратура, счетно-решающие устройства, автоматы, гироскопы и радиовзрыватели	20
3	Создание систем управления	9
4	Разработка наземного вспомогательного оборудования (транспортных средств, заправщиков, пусковых устройств и т.д.)	2

В представленной в ЦК КПСС В. Малышевым, П. Дементьевым, А. Василевским, Б. Ванниковым, А. Домрачевым, П. Жигаревым, М. Неделиным, В. Рябиковым справке от 7 марта 1955 года о состоянии работ США и Англии по реактивному и ракетному вооружению отмечались: выделение больших ассигнований и масштабов работ в этой области техники за последние десять лет и тенденция внедрения ракетного вооружения во всех родах войск. Об объемах и масштабах разработок в области ракетного управляемого и реактивного оружия в США можно судить также и по ассигнованиям на эти работы. С середины 1950 года по середину 1954 года на разработку и производство управляемых ракет и самолетов-снарядов тремя военными ведомствами США — армией, ВВС и ВМФ было израсходовано 3-4 млрд долларов, а на 1954-1955 финансовый год на разработку и производство управляемых ракет и самолетов-снарядов выделено 2 млрд

долларов. В разработке и серийном производстве реактивного и ракетного оружия участвовало 64 фирмы (не считая фирм, привлекаемых по отдельным работам), ведущих коллективную разработку, в числе которых значительную часть составляли авиационные (см. табл. 4).

О значительном масштабе работ по реактивной и ракетной технике в США можно судить также по количеству разрабатываемых ракет и самолетов-снарядов всех классов (см. табл. 5). В 1955 году под руководством Вернера фон Брауна началась разработка баллистической ракеты средней дальности (БРСД) «Юпитер», а с 1956 года ракеты «Тор»¹. Параллельно с БРСД в США разрабатывались межконтинентальные ракеты. С 1954 года «Атлас» («Конквэйр»), с 1956 года «Титан» («Мартин Мариэтта»), с 1957 года «Минитмен» («Боинг»). Зарождалось и целое семейство крылатых ракет «Матадор», «Навахо», «Снарк», «Регюлес», «Раскелл» и др.².

Таблица 5

**Основные разработки ракетного и реактивного вооружения,
ведущихся в США в 1950-х годах**

№	Вид вооружения	Дальность полета	Примечания
1	БР класса «земля-земля» «Редстоун», «Кор Порел», «Онест Джон»	32–8000 км	Запущены в серийное производство
2	МБР «Гермес» и «Атлас»	Межконтинентальная	В стадии разработки
3	Беспилотные бомбардировщики (5 самолетов-снарядов), в том числе «Матадор», «Регюлес»	800–900 км	Запущены в серийное производство
4	Самолеты-снаряды («Снарк», «Навахо» и «Раскелл»)	1000–6000 км	В разработке

Значительное внимание, уделяемое разработке серий самолетов-снарядов, объясняется стремлением быстро создать оружие с межконтинентальными возможностями на базе уже освоенных турбокомпрессорных двигателей, аэродинамически и конструктивно отработанных схем самолетов³.

¹ БР «Юпитер» обладала дальностью полета 3500 км, «Тор» — 2 700 км. (См.: Латухин А.Н. Боевые управляемые ракеты. М.: Воениздат, 1978. С. 63-70.)

² См.: Ракетное оружие капиталистических стран. М.: Воениздат, 1967. С. 85-89.

³ Например, разработка самолета-снаряда «Снарк» с турбореактивным двигателем «Аллисон» с предполагаемой дальностью 6-8 тысяч км (*прим. авторов*).

Ракеты первого поколения имели низкие технические характеристики, были сложны и ненадежны в эксплуатации. Вместе с тем, в ходе опытных, командно-штабных учений и маневров ВС США и НАТО в 1953-1956 годах («Картбланш», «Уипсоу», «Темп», «Дивиденд», «Корона» и др.) уже широко отрабатывались способы их боевого использования. Применение БР предусматривалось по достаточно крупным целям с заранее известными координатами, так как считалось, что мощный боевой заряд обеспечит поражение цели даже при значительном отклонении¹.

В Англии также выполнялись в больших масштабах работы в направлении создания зенитных управляемых ракет и БР, в разработках которых участвовало свыше 20 крупных фирм, а по заявлению министра снабжения Сендиса (март 1954 года) — 100 английских фирм.

Исторический опыт показывает, что конечной целью разработок в области реактивного вооружения в США являлось создание межконтинентальной атомной БР. Считалось, что против такого «окончательного оружия» не существовало средств обороны, и поэтому на его создании сосредотачивалось максимум научных и промышленных сил и ресурсов².

Таблица 6

Развертывание американских частей и ракет средней дальности (по состоянию на 1959 год)

Вид СВКН	Тип	V (км/ч)	H (км)	Д (км)	Примечание
БРСД	«Юпитер», «Тор»	18 000	700	3000–35 000	Зафиксировано начало поступления на вооружение
МСС ³	«Снарк»	1450	15–21	8000–10 000	Зафиксировано начало поступления на вооружение
ОТСС ⁴	«Матадор», «Регюлес»				Сформировано не- сколько эскадрилий

¹ См.: Боев И. Ракетное оружие и внешняя политика США: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1962. С. 98.

² Для этой цели велась разработка двигателей с тягой порядка 200 тонн и создание связок уже существующих двигателей, а также интенсивно исследовались проблемы, связанные с системой управления, предназначенной для действия за пределами атмосферы (прим. авторов).

³ МСС — Межконтинентальные самолеты-снаряды (прим. авторов).

⁴ ОТСС — оперативно-тактические самолеты-снаряды (прим. авторов).

В докладе в ЦК КПСС, подготовленном в декабре 1959 года Министром обороны СССР Маршалом Советского Союза Р.Я. Малиновским и Главкомом Войск ПВО страны Маршалом Советского Союза С.С. Бирюзовым отмечалось, что по состоянию на текущий год стратегическая авиация является основным средством воздушного нападения противника. В приграничной зоне — тактическая авиация.

Созданы части ракет средней дальности (см. табл. 6). При этом обращалось внимание на изменения, которые произойдут к 1962 году (см. табл. 7).

Таблица 7

**Планы развертывания американских
стратегических баллистических ракет и ракет
средней дальности к 1962 году**

Вид СВКН	Тип	V (км/ч)	H (км)	Д (км)	Примечание
МБР	«Атлас», «Титан», «Минитмен»	25 000	1300	до 9 000	Зафиксировано начало поступления на вооружение
МСС	«Снарк», «Навахо»	3 600	18–23 25–30	8 000–10 000	Возможно поступление на вооружение
ОТСС	«Матадор», «Мейс», «Регюлес-2»	1 000– 1 800	15–20 и низколетящие 100–220 м	1 000–1 600	Несколько эскадрилий

На основе глубокого и всестороннего анализа состояния и перспектив развития ракетно-ядерного оружия вероятного противника, оперативных и тактических норм, по опыту учений стратегической авиации за период 1955–1959 гг. (прил. 2) был сделан вывод, что к 1966 году основными средствами воздушно-космического нападения (далее — СВКН) наиболее вероятно станут ракеты различного назначения и стратегическая авиация с управляемыми реактивными снарядами (см. табл. 8), при уменьшении роли авиации.

**Планы развертывание американских основных средств
воздушно-космического нападения к 1966 году**

Вид СВКН	Тип	V (км/ч)	H (км)	Д (км)	Примечание
МБР	«Минитмен»	25 000	100–1 300	80–9 000	Количество в частях будет увеличиваться
МБР	«Атлас». «Титан»,	25 000	1 300	9 000–10 000	
БРСД	Тор», «Юпитер»	1 800	700	3500	
СС ¹	Возможно создание улучшенных модификаций				

Из проведенных исследований следует, что к 1960-х годам в деятельности военно-политического руководства США и их союзников² утвердилась тенденция к наращиванию группировок «абсолютного оружия» — МБР наземного и морского базирования.

В послевоенную эпоху СССР и США в своем политико-стратегическом ориентировании долгое время исходили из неизбежности или большой вероятности войны между ними. Соперничество в военной области стало приоритетным, оно выступало как «ultima ratio» в противостоянии и противоборстве двух мировых общественно-политических систем. В международной политике преобладало желание опереться на военную силу как на решающий аргумент. Поэтому гонка вооружений приобрела и свою собственную логику, до предела милитаризовав политическое мышление правящих элит двух сверхдержав, выдвинув на передний план интересы производителя новых видов вооружений, в виде мощнейших и влиятельнейших военно-промышленных национальных комплексов.

В СССР к концу 1950-х годов была создана основа для строительства Ракетных войск стратегического назначения. В декабре 1959 года имелось соединение, вооруженное МБР, начали формироваться еще

¹ Самолеты — снаряды различных типов (*прим. авторов*).

² К началу 1960-х годов США располагали 1 654 тяжелыми и средними бомбардировщиками, на долю которых приходилось 94 % средств доставки стратегических ядерных боеприпасов. К этому времени имелось 28 моноблочных МБР и 5 ПЛАРБ, каждая с 16 БРПЛ «Поларис» с ядерными толовыми частями. Ядерными державами стали Англия и Франция (См.: Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России (историко-политологический анализ). М.: ВА РВСН, 1997. С. 59.)

нескольких соединений. Кроме того, на вооружении ряда бригад и инженерных полков находились ракеты средней дальности. Имелись серьезные наработки по вопросам их эксплуатации и боевого применения. По мере наращивания советского ракетно-ядерного потенциала США все более утрачивали свою неуязвимость.

Более того, становилось совершенно очевидным, что в случае ядерного нападения Америка сама может подвергнуться уничтожающему советскому ядерному удару. В Соединенных Штатах как среди политиков, так и в военных кругах появились предостерегающие оценки на этот счет¹. Пентагон разработал более осмотрительные военно-стратегические варианты стратегии «массированного возмездия», в том числе концепцию контрсилловых действий, которая предусматривала первоначальное нанесение ядерных ударов по ракетным базам СССР. Так, вследствие ответного наращивания СССР своих стратегических ядерных средств, между двумя сверхдержавами складываться баланс страха, основанный на возможности нанесения сторонами «неприемлемого ущерба».

Закономерно, что с ростом уязвимости территории Соединенных Штатов для ответного удара со стороны Советского Союза стратегия «гарантированного уничтожения» приобрела своего рода двусторонний характер, что было вынуждено признать военно-политическое руководство США. С этого времени в США данный термин стал трактоваться уже как *«взаимное гарантированное уничтожение»*. В этой связи в 1961 году принимается новая военная стратегия — *«гибкого реагирования»* (прил. 3).

---

¹ Министр обороны США Р. Макнамара указывал на катастрофическую уязвимость 200 самых крупных американских городов, где сконцентрировано около 75 % промышленного производства. Американские ученые Т. Мартин и Д. Утем в книге «Стратегия выживания» отмечали, что в 218 промышленных центрах США проживают почти 96 млн человек. По мнению этих специалистов, которые вплотную занимались вопросами гражданской обороны, потери США от ядерных ударов могут быть колоссальными — не менее 130 млн человек. В западной печати широко освещались выводы американского физика Г. Канна, сделанные им на случай поражения американской экономики ядерным оружием. Он писал, что если потери США составят 100 млн человек, то для экономического восстановления страны потребуется как минимум 100 лет. Ученые подсчитали и вероятные потери США от ответного удара Советского Союза по американским базам авиации, ВМС и ракетным базам. Вывод был неутешительным: 56 млн американцев погибнут сразу, а более 100 млн человек получат смертельную дозу радиации. (См.: История военной стратегии России / Под общ. редакцией В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 394.)

В ее основу уже был положен принцип противостояния сил НАТО¹ — ОВД, США — СССР, вследствие чего состав привлекаемых американских (натовских) сил и средств должен был соответствовать характеру и масштабу конфликта. При этом допускались различные варианты начала и ведения обычной и ядерной войн с дозированным и выборочным применением ядерного оружия, использованием различных вариантов нанесения упреждающих и ответных ударов. В сущности стратегии, как и прежде, лежали принципы поддержания превосходства над Советским Союзом в стратегическом и тактическом ядерном оружии. Вместе с тем предусматривались ускоренное развитие обычных средств поражения и создание условий для контроля за развитием локальных военных конфликтов. Реализация этих принципов сопровождалась непрерывным ростом американских ядерных сил наземного, воздушного и морского базирования². Одновременно наращивалась общая численность вооруженных сил³.

В соответствии со стратегией «гибкого реагирования» допускалась возможность ведения всеобщей ядерной войны, ограниченной ядерной войны, войны с использованием обычных средств поражения, войны, начинающейся с применения обычного оружия, но затем с переходом к использованию ядерного оружия. В развитие стратегии в середине 1960-х годов было еще разработано несколько концепций, из них две основополагающие — «гарантированного уничтожения» и «ограниченного ущерба».

Концепция «гарантированного уничтожения» предусматривала способность к абсолютно надежному уничтожению любого противника при различных вариантах начала и ведения войны⁴. Главная цель

---

¹ С 1967 года Доктрина «гибкого реагирования» стала официальной стратегией НАТО (*прим. авторов*).

² В середине 60-х годов США уже имели 1173 установки стратегических БР, в том числе 304 ракеты на подводных лодках, а также 1110 самолетов стратегической авиации, из них 630 бомбардировщиков В-52. (Magazine (США). 1972. Т. 55. № 9. С. 24.)

³ В состав объединенных вооруженных сил входило 60 дивизий, 11-12 тыс. танков и 5,5 тыс. самолетов (*прим. авторов*).

⁴ Стратегический замысел этой концепции Пентагона, следует из доклада министра обороны США Макнамары на заседании по делам вооруженных сил палаты представителей Конгресса США. В том документе подчеркивалось, что США должны иметь такое количество стратегических средств ядерного нападения,

стратегической концепции «ограниченного ущерба» — обеспечить выживание США в ядерной войне.

В ее основе лежало, во-первых, требование о нанесении упреждающих ударов по средствам ядерного нападения в местах их базирования; во-вторых, совершенствование американских сил и средств противовоздушной обороны (далее — ПВО) и противоракетной обороны (далее — ПРО), повышение эффективности мер гражданской обороны с целью минимизации возможного ущерба от ответных действий противник.

В США в 1962 году был разработан широкомасштабный план качественного развития стратегических наступательных сил (далее — СНС)¹, включавший создание и массовое развертывание МБР нового поколения; форсированное строительство атомных подводных лодок ракетного базирования (далее — ПЛАРБ)²; разработку кассетных головных частей для МБР³ и баллистических ракет атомных подводных лодок (далее — БРПЛ); работы над системами ПРО, противоспутникового оружия; коренную модернизацию всей системы управления и связи, которая обеспечивала устойчивость управления ВС как в обычной, так и ядерной войне.

которое при любой обстановке обеспечит уничтожение трети или четвертой части населения, а также примерно двух третей промышленности Советского Союза. (См.: История военной стратегии России / Под общ. редакцией В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 394.)

¹ Основные усилия были направлены на достижение потенциала, обеспечивающего в первом ударе уничтожение 25-33 % населения и 67 % промышленности СССР. (См.: Петров И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 6. С. 9.)

² К началу бюджетного 1962 г. в составе ВМС США находилось 6 ПЛАРБ с 96 БРПЛ «Поларис». К середине 1964 г. их было уже 12 со 192 БРПЛ «Поларис-А3», которые имели более высокие ТТХ. За период 1958-1967 гг. была построена и введена в боевой состав группировки морская компонента. К началу 1968 г. насчитывалась 41 ПЛАРБ с 656 БРПЛ типа «Поларис» (1552 ядерные боеголовки), из них 31 ПЛАРБ находилась на боевом дежурстве в 15-минутной готовности к запуску из районов боевого патрулирования в Норвежском и Средиземном морях, в северо-восточной Атлантике и западной части Тихого океана (ПВО страны (1914-1995 гг.): военно-исторический труд. Тверь: ВА ПВО, 1998. С. 344).

³ При этом количество МБР с 1960 по 1969 годы увеличилось с 50 до 1710 единиц (См.: Трофименко Г.А. Политический реализм и стратегия «реалистического устрашения» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 12. С. 4).

Кроме того, американское военно-политическое руководство возлагало большие надежды на использование космоса с целью достижения значительного военного превосходства (см. табл. 9)¹.

Таблица 9

**Боевой состав ракетно-ядерных средств США наземного
и морского базирования²**

Вид СВКН	Боевой состав по годам						
	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967
МБР	63	294	424	834	854	901	1054
БРПЛ «Поларис»	96	144	224	416	496	592	656

Из анализа следует, что принятие концепции «гибкого реагирования» оказало существенное влияние на строительство и развитие ВС США. Организационно они стали строиться по функциональному, а не по видовому признаку. В составе СНС устойчиво определилась триада: МБР, БРПЛ, стратегическая авиация (далее — СА). СА была самым многочисленным компонентом триады, могла нести на борту значительную часть из общего количества ядерных боеголовок в виде бомб и ракет и обеспечивала доставку средств поражения к объектам удара как обычного, так и ядерного оружия на любую дальность, в любой район земного шара с учетом организованной системы передового базирования. САК был разработан Единый объединенный план поражения стратегических целей (далее — СИОП) — план ведения ядерной войны против СССР (прил. 2)³.

¹ Еще в марте 1946 года в специальном докладе Конгрессу «Предварительный проект создания экспериментального космического корабля для полетов вокруг Земли» отмечалось, что «...вывод на орбиту спутников США, вероятно, вызывает такую же реакцию, как и взрыв атомной бомбы. Государство, которое добьется важных успехов в космосе, будет признано мировым лидером в военной и научной области». (См.: Уткин А.И., Хвостов В.В. Дипломатия оружия. М.: Наука, 1987. С. 98.)

² См.: «Звездные войны»: иллюзии и опасности. М.: Воениздат, 1985. С. 18; Петров И. Ставка на победу в ядерной войне // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 6. С. 9).

³ В плане, в частности, значился вариант первого массированного ядерного удара (далее — МРУ) по СССР и КНР с применением около 3 500 ед. ЯБП общей мощностью свыше 7 800 Мт. Такой удар, по оценке Пентагона, мог привести к уничтожению не менее 280 млн человек. (См.: Петров С.И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 6. С. 8.)

Военно-политическое руководство США фактически исходило из возможного, а в некоторых случаях и неизбежного, военного столкновения с СССР. Вспыхнувший Карибский кризис в октябре 1962 года впервые подвел мир вплотную к грани термоядерной катастрофы. Дойдя до края пропасти, оба противника отступили. Мудрость в этот раз возобладала над амбициями. В условиях реальной возможности подвергнуться ракетно-ядерному удару США от подсчета количества оружия перешли к подсчету возможного ущерба, который они оценили как «неприемлемый». В результате обе стороны, пойдя на взаимные уступки и компромиссы, отказались от силового разрешения¹.

Как показывает исторический опыт, стороны не смогли до конца осознать, что сила не может являться рациональным инструментом разрешения межгосударственных разногласий в ракетно-космический век.

Идеолог американской военной политики Г. Канн разработал доктрину «приемлемости» термоядерной войны². В 1960-е годы руководитель программы анализа управления ресурсами США М. Вуд опубликовал результаты исследований, в которых содержалось утверждение о возможности восстановления после атомного удара и поднятии экономики до уровня «великой депрессии» через 2–5 лет после ядерной войны.

Война представляет собой особый социальный феномен, характеризующийся применением вооруженного насилия. При этом, вооруженному столкновению сторон присущи тесное переплетение экономической, дипломатической, идеологической борьбы, интеграция усилий фронта и тыла. В доядерную эпоху цели войны, ее формы и способы, размах, темпы, жесточенность определялись политикой и идеологией, равным образом, как и качеством оружия и «человеческого материала». Наличие ядерного оружия способствовало коренному изменению методологического подхода к войне в биполярном мире. Теперь сущность ядерной войны, ее взаимосвязь с общественно-политической сферой носила бы более сложный, многопрофильный характер. Новая мировая война была бы во многом отличной от войн прошлого, прежде всего целями, своей военно-технической стороной, новыми, неизвестными ранее

---

¹ См.: Трояновский О.А. Карибский кризис — взгляд из Кремля // Международная жизнь. 1992. № 3, 4.

² См.: Смутьский С.В., Проскурин С.А. Введение в теорию международного конфликта. Учебное пособие / Под ред. М.А. Мунтяна. М.: РАГС, 1996. С. 67-75.

способами и формами вооруженной борьбы, а также своими последствиями. «Если прежде, в доатомную эпоху, дипломаты и военные, министры и монархи сознательно или бессознательно исходили из известного тезиса, сформулированного в прошлом веке К. Клаузевицем, то в век мегатонных бомб и межконтинентальных ракет, такой подход чреват катастрофой»¹. Проблема обеспечения защиты от ядерного оружия возникла вместе с его появлением, и основная трудность решения этой проблемы, связанная с его разрушительной мощностью, была осознана уже после атомной бомбардировки Японии, а затем особенно остро после Карибского кризиса.

На пути к ракетно-ядерному паритету

Немаловажное значение для США имело достижение ракетно-ядерного паритета с СССР к концу 1960-х годов, гарантирующего сторонам нанесение взаимного неприемлемого ущерба² (см. табл. 10). Это, с одной стороны, значительно снижало роль фактора военной силы в американской внешней политике, а, с другой — повышало актуальность противоракетного щита³.

Таким образом, во-первых, в послевоенный период за Соединенными Штатами закрепился статус ведущей мировой экономической державы вследствие количественного и качественного роста экономической мощи США; ослабления главных капиталистических соперников — Великобритании, Германии, Франции и Японии; тенденции к распространению экономического и финансового влияния США на страны Европы и мира в целом.

Во-вторых, военно-политический курс США уже в первые послевоенные годы представлял для СССР реальную стратегическую угрозу. Он вызвал необходимость проведения конкретных ответных мероприятий по подготовке страны к крупномасштабной войне.

---

¹ См.: Желтов А.С., Кондратков Т. Р., Хоменко Е.А. Методологические проблемы военной теории и практики. М.: Воениздат, 1969. С. 380.

² См.: Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. С. 244.

³ См.: Ануриев И.И. Оружие ПРО и противокосмической обороны. М.: Воениздат, 1971. С. 303.

Динамика роста американских и советских СНВ¹

Средства вооружения сторон			Годы					
			1945	1950	1955	1960	1965	1970
США	БГ	Ракеты	-	-	-	68	1050	1800
		Бомбы	2	450	4750	6000	4500	2200
		Всего	2	450	4750	6068	5500	4000
	СВКН	СБ		неск.	400	6000	600	550
		МБР				20	850	1054
		БРПЛ				48	400	656
		Всего			400	6068	1850	2260
СССР	БГ	Ракеты				неск.	225	1600
		Бомбы			20	300	375	200
		Всего			20	300	600	1800
	СВКН	СБ			неск.	150	250	145
		МБР				неск.	200	1300
		БРПЛ				15	25	300
		Всего			неск.	165	450	1745

Обеспечивая свою безопасность, СССР был вынужден учитывать такие военно-стратегические факторы:

— как политика «атомного шантажа», проводимая американским руководством в отношении Советского Союза.

— осуществление стратегических мероприятий по милитаризации американской экономики.

— агрессивность стратегических концепций и военных доктрин США и НАТО, направленность боевой и оперативной подготовки ВС.

— создание и развитие военных блоков, стратегических военных баз вокруг его территории.

— наращивание ВС, обычных вооружений и СНС США и их союзников.

— начало стратегического планирования боевого применения ядерного оружия против СССР.

— создание и развертывание баз с баллистическими средствами доставки атомного оружия.

¹ Не учтены БРСД, тактические бомбардировщики, в том числе советские Ту-22 «Бэкфайер». (См.: Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе / Пер. с англ. А. Аношиной. М.: Наука, 1988. С. 134-135.)

— деятельность Соединенных Штатов по созданию противоракетной обороны, использованию космоса в военных целях.

В-третьих, в 1960-е годы произошла смена приоритетов в атомном вооружении, выразившаяся в увеличении доли ракетно-ядерного оружия в составе СНС США (см. табл. 10, табл. 11).

Таблица 11

Количество МБР СССР и США в 1960-е годы¹

Стороны противостояния	Годы									
	1960	1961	1962	1963	1964	1965	1966	1967	1968	1969
СССР	4	35	50	100	180	270	333	460	809	1050
США	12	63	294	424	834	854	904	1054	1054	1054

В-четвертых, объективно СССР в послевоенные десятилетия был больше всего заинтересован в сохранении мира и так же, как и США — в осуществлении политических преобразований мирным путем. Но логика борьбы постоянно толкала их на крайние меры, а порой и на открыто агрессивные действия. Причем инициатива чаще всего принадлежала США.

В-пятых, анализируя складывающуюся обстановку и учитывая политические, экономические, военно-стратегические и другие факторы, советское руководство понимало, что единственной альтернативой курсу новых претендентов на мировое господство может стать только собственное ядерное оружие. Политика «атомного шантажа», активно проводившаяся США в отношении СССР, вынудила военно-политическое руководство Советского Союза принять ответные меры по наращиванию стратегических ядерных сил, ускорению разработки противоракетной и противокосмической обороны.

1.3. Формирование понятия стратегической стабильности в военно-политических отношениях

В конце 1960-х — начале 1970-х годов основной формой сдерживания в биполярном мире стал ядерный паритет (примерное равенство в количестве боезарядов и средств их доставки).

---

¹ См.: Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России (историко-политологический анализ). М.: ВА РВСН, 1997. С. 59.

Под военно-стратегическим паритетом традиционно понимается равенство боевых потенциалов противоборствующих сторон. Паритет стал отождествляться с количественным равенством основных видов вооружения, появилось понятие паритета в области обычных вооружений, между соответствующими видами ВС, в силах и средствах на отдельных театрах военных действий (далее — ТВД), стратегических направлениях и т.д.

Подход ядерного сдерживания при условии соблюдения Договора по противоракетной обороне 1972 года, оправдывал себя. При этом соотношение боевых потенциалов сторон оценивалось посредством сравнения численности личного состава ВС и вооружений без учета различий их тактико-технических характеристик (далее — ТТХ) и уровня развития видов обеспечения. Однако, с появлением высокоточного оружия (далее — ВТО), другого качественного оружия и технических средств характер вооруженной борьбы радикально изменился. Оценка ее *хода и исхода* стала зависеть от не учитывавшихся ранее и малоисследованных интегрированных свойств группировок ВС, создаваемых США и СССР для проведения операций и боевых действий¹.

В 1970-х годах в связи с переговорами между Советским Союзом и Соединенными Штатами по ограничению стратегических вооружений, в первую очередь, — ядерных, при фиксированном уровне противоракетных оборонительных систем, появилось понятие военно-стратегической стабильности. Под военно-стратегической стабильностью, в результате длительных дипломатических переговоров и научных обсуждений, стало пониматься «устойчивое состояние международных отношений, при котором государство (коалиция государств) воздерживается от решения спорных вопросов военными средствами»².

Исторический опыт свидетельствует, что дальнейшая гонка стратегических наступательных вооружений (далее — СНВ) оказалась бесперспективной, в связи с чем в середине 1980-х годов руководители США и СССР³, а затем и России, официально заявили о невозможности достижения победы в ядерной войне. Тенденции развития взглядов на исполь-

---

¹ См.: Национальная безопасность страны и военно-стратегическое равновесие // Военная мысль. 1997. Май — июнь. С. 3.

² См.: Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 184.

³ См.: Смит Дж. Директива Клинтона на применение ядерного оружия США / Пер. с англ. В. Пырьева // Стратегическая стабильность. 1998. № 2. С. 101.

зование ядерного оружия, способствовали формированию новых основ ядерной и стратегической стабильности¹.

Данные обстоятельства обусловили определение, в котором под военно-стратегической стабильностью понимается такое состояние отношений между государствами, при котором ни одно из государств не может решиться первым использовать ракетно-ядерное оружие и не видит необходимости в разработке новых крупных программ основных видов СНВ, чтобы избежать невыгодного для себя положения².

Понятие стратегической стабильности стало фундаментом при решении проблем установления контроля над вооружениями, развития военной техники, сокращения и развития СНВ и стратегических оборонительных сил. Несмотря на то, что существует несколько концепций стратегической стабильности (наиболее известны концепции кризисной стабильности, сдерживания, стабильности гонки вооружений)³, наиболее актуальной является концепция стабильности сдерживания.

Основной компонентой данной концепции стратегической стабильности стало военное равновесие, закреплённое количественными и качественными составами СНВ и оборонительных систем сторон, их военно-экономическими потенциалами и планами боевых действий в ядерной войне.

Исторический опыт свидетельствует, что критерии и способы сдерживания, достижения военного равновесия сверхдержавы вырабатывали путем политических и военных союзов с другими государствами; путем создания и развития национальных СНВ и стратегических оборонительных систем⁴, ставшим одним из направлений деятельности отечественных государственных и военных органов в оборонном строительстве.

---

¹ См.: РФ: безопасность и военное сотрудничество. М.: Обозреватель, 1995. С. 75.

² См.: Основы военной политологии / Под ред. Е.И. Рыбкина. М.: ВАД, 1991. С. 139-140; РФ: безопасность и военное сотрудничество. М.: Обозреватель, 1995. С. 75 и др.

³ См.: Стреляев С.П. Проблема достаточности СНВ в современном мире: Дис. . канд. полит. наук. М.: РАГС, 1996. С. 62-63.

⁴ Таких как противоракетная оборона (далее — ПРО), противокосмическая оборона (далее — ПКО), система предупреждения о ракетном нападении (далее — СПРН), система контроля космического пространства (далее — СККП) (См.: Воинцев Ю.В. Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 54-61; 1993. № 9. С. 26-37; 1993. № 10. С. 32-42; 1993. № 11. С. 12-27; Меч и щит России. Ракетно-ядерное оружие и системы

Анализ обобщаемого материала свидетельствует, что в 1970-1990-х годах в состав стратегических вооружений вошли четыре компонента:

— СНВ, основу которых составляют стратегические ядерные силы и средства воздушно-космического нападения (далее — СВКН).

— системы боевого управления (далее — СБУ).

— стратегические информационные системы, обеспечивающие получение и выдачу информации, необходимой для выработки санкций на применение ВС, в том числе стратегические ядерные силы, и выбора адекватного сложившейся ситуации плана ответных действий. Важнейшими из этих систем являются прежде всего система предупреждения о ракетном нападении (в США аналогом такой — является система предупреждения о ракетно-ядерном ударе (далее — СПРЯУ) и информационно-разведывательные средства систем противоракетной обороны и контроля космического пространства.

— стратегические оборонительные комплексы и системы противоракетной, противокосмической и противосамолетной обороны. В свою очередь, по предназначению, эти системы целесообразно разделить на две составляющие: для обороны российских стратегических ядерных сил (далее — СЯС) (у американской стороны стратегических наступательных сил (далее — СНС) и командных пунктов Верховного Главнокомандования (далее — КП ВГК) и видов ВС; защиты важнейших экономических и потенциально-опасных объектов, административно-политических центров (далее — АПЦ).

При этом роль и место систем воздушно-космической обороны (далее — ВКО) в обеспечении военной безопасности (концепции стабильности сдерживания) определяются предназначением средств систем, целями и решаемыми задачами и не зависят от используемой модели стратегической стабильности (прил. 4)¹.

противоракетной обороны. Калуга: ИА «Калуга-пресс», 2007. 620 с.; Ракетный щит Отечества / под общ. ред. Главкома РВСН генерал-полковника В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999. 254 с. и др.)

¹ Система войск воздушно-космической обороны представляет собой интеграцию противовоздушной и противоракетной (противокосмической) обороны, действующих по единому замыслу, целям и времени, способных проводить стратегическую операцию по отражению средств воздушно-космического нападения (*прим. авторов*).

Такой подход к рассмотрению роли и задач систем противоракетной (противокосмической) и противосамолётной обороны, вклада в обеспечение военной безопасности СССР-России и стратегической стабильности, утверждает в мысли о том, что подтверждается известная диалектическая связь между наступательными и оборонительными средствами противостоящих друг другу сторон и каждой из них в отдельности.

Как следствие противоборства двух общественно-политических систем сложился военно-стратегический баланс, представляющий форму выражения соотношения качественных и количественных показателей сил двух сторон и фактов, определявших стратегическую ситуацию. Их совокупность представляет собой сложную динамическую макросистему, главным элементом которой являются стратегические ядерные силы и стратегические оборонительные (обеспечивающие) системы, обеспечивающие эффективность их боевого применения, этими системами стали противоракетной обороны, контроля космического пространства, предупреждения о ракетном нападении и противосамолётной обороны.

Сила и бессилие стратегических ядерных вооружений: политические пути разрешения противоречия

Исторический опыт развития стратегического баланса таков, что появление (даже разработка и испытания, не говоря уже о развертывании) претендующего на эффективность нового наступательного или оборонительного оружия у одной стороны может вызвать существенное нарушение баланса, которое другая сторона компенсирует развертыванием своего оружия, обеспечивая тем самым стратегическое равновесие на более высоком уровне, характеризующемся большей степенью неустойчивости¹. Данная закономерность сохранила свою актуальность и на рубеже веков XX–XXI вв.

Маршал С.Ф. Ахромеев отмечал, что «если даже в обозримой перспективе советско-американские отношения улучшатся настолько, что американская сторона будет готова пойти на достижение взаимоприем-

---

¹ См.: Космическое оружие: дилемма безопасности / Под общ. ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М.: Мир, 1986. С. 13-14.

лемых и равноправных соглашений по ограничению и сокращению СНВ, то наличие даже в ограниченных масштабах испытанных и развернутых элементов космической системы противоракетной обороны намного усложнит переговоры и значительно уменьшит шансы на достижение таких договоренностей. То, что это действительно так, подтверждается практикой разработки договоров ОСВ и СНВ. Без договора по противоракетной обороне они были бы недостижимы»¹.

Изучение архивного и другого материала свидетельствует, что на рубеже 1960-1970-х годов, признавая достижение военно-стратегического паритета, взаимозависимость СНВ и контроружия, СССР и США приступили к обсуждению проблемы стратегических вооружений. Одновременное заключение в 1972 году между Советским Союзом и Соединенными Штатами бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны и первого Соглашения об ограничении СНВ (ОСВ-1) стало первым шагом в укреплении военной безопасности и в формировании основ стратегической стабильности сдерживания.

Уроки Карибского кризиса, аналитические прогнозы многих американских наблюдателей подвигли администрацию к осознанию тех серьезных трудностей, с которыми столкнулась внешняя политика США². По мнению специального советника Дж. Кеннеди Т. Соренса, кризис убедительно продемонстрировал невозможность победы в ядерной войне и необходимость поиска путей достижения соглашений с Советским Союзом³.

---

¹ См.: Ахромеев С. Договор по противоракетной обороне — преграда на пути гонки стратегических вооружений // Правда. 1985. 4 июня; Материалы к обсуждению на рабочих совещаниях в Комитете по международным делам Государственной Думы РФ от 10 июля 1995 г., апрель 2000 г.

² Профессор Стенли Гофман, делая прогнозы в отношении политики Соединенных Штатов на 1970-е гг., утверждал, что «новая администрация, по-видимому, уже поняла: прежний политический курс завел США в тупик» (См.: Арбатов Г.А. Американская внешняя политика на пороге 1970-х годов // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 32.)

Летом 1969 г. печать охотно цитировала слова Г. Киссинджера по поводу того, что «важная задача нашего правительства состоит в том, чтобы создать для внешней политики США новую теоретическую базу, ибо мы подошли к моменту отмирания концепций, которыми руководствовались в послевоенный период» (См.: Арбатов Г.А. Американская внешняя политика на пороге 70-х годов // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 33.)

³ См.: Пасхальный П.И. США: ядерная политика и народ. М.: ГАВС, 1992. С. 100.

К тому же, в конце 1960-х годов с все большей очевидностью начало выявляться то, что колоссальные военные расходы не стимулировали процветание сверхдержав, а напротив, оказывали разрушительное влияние на их экономику. С этой точки зрения, общий интерес СССР и США состоял в том, чтобы получить возможность выделять более значительную часть своих сил, ресурсов и средств на решение внутренних проблем. Улучшение их взаимоотношений, дальнейшая нормализация помогли бы ограничить гонку вооружений и некоторые другие виды расходов¹.

Кроме того, к началу 1970-х годов в международных отношениях сложилась парадоксальная ситуация: то, что казалось венцом, высшим проявлением военной силы, обернулось ее нарастающим бессилием. Чем больше росла ядерная мощь США и СССР, тем яснее становилось, что сфера ее рациональной применимости, не несущей угрозы национальным интересам, неуклонно снижается. В связи с крушением расчетов на сохранение доминирования Соединенных Штатов в сфере ядерного оружия и средств его доставки, общим изменением соотношения сил в мире, непрерывным совершенствованием и накоплением ядерных вооружений многие американские и советские ученые, политические деятели стали задумываться над правильностью, разумностью и реалистичностью силового подхода к определению политики сверхдержав в международных делах. Эти настроения еще больше усилились, когда был сделан вывод о примерном равенстве стратегических возможностей США и СССР и разрушен фундамент американской политики с «позиции силы», исходивший из представления о превосходстве США в ядерном оружии². Потребовалось немало лет, немало попыток Вашингтона и Москвы с «позиции силы» решать проблему ограничения вооружений, немало разочарований в возможности достичь ситуации обладания «абсолютной военной силой», прежде чем руководящие политические круги США и СССР вынуждены были признать необходимость перехода от противоборства к переговорам, в том числе и по вопросам ограничения стратегических вооружений. Состоявшаяся в мае 1972 года в Москве встреча на высшем

---

¹ См.: Арбатов Г.А. Советско-американские отношения в 70-е годы // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 5. С. 30.

² См.: Мильштейн М.А., Семейко Л.С. Проблема недопустимости ядерного конфликта (о новых подходах в США) // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 11. С. 3-12.

уровне ознаменовалась поворотом от конфронтации к разрядке и взаимному сотрудничеству. Учитывая предысторию всей этой проблемы, следует отметить, что добиться столь многого в этой области за трехлетний срок можно было лишь при обоюдном желании сверхдержав и совместных инициативах.

Действительно, в американском обществе в эти годы нарастало понимание необходимости разрядки в международных делах, прекращения гонки вооружений, особенно стратегического оружия. Директор Центра стратегических исследований Стэнфордского исследовательского института Фостер утверждал, что «обе стороны поняли и согласились с тем, что стремление к решающему стратегическому превосходству в военной области не только не реально, но и опасно»¹.

Вместе с тем, первую стадию переговоров об ограничении гонки стратегических вооружений негативно оценивали специалисты Института оборонного анализа, многие политические деятели — Г. Джексон, Р. Рейган и др. Как отмечал З. Бжезинский, в этот период «в США произошло крушение послевоенного согласия по проблемам внешней политики», страна оказалась в состоянии «глубокого политического кризиса»². Он совпал с продолжавшимся валютно-финансовым кризисом, заставившим президента Р. Никсона выступить в 1973 году с беспрецедентным посланием конгрессу по этому поводу³.

Его содержание губернатор штата Нью-Йорк Нельсон Рокфеллер раскрыл следующим образом: «Положение в стране сложное, внутреннее напряжение по-прежнему очень сильное, проблемы обостряются. Нельзя все оставлять как было. У федерального правительства не хватает средств. Поэтому важно добиться сокращения расходов на вооружения в результате соответствующих международных соглашений. Необходимо переключить больше средств на решение внутренних проблем. Таковы цели президента Р. Никсона»⁴. По мнению Ю.Н. Покатаева, в конце 1970 года американская экономика, пройдя низшую точку кризиса,

---

¹ См.: Громыко А.А. Меняющиеся настроения // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 4. С. 72.

² Там же. С. 71.

³ См.: Жуков Е.Ф. Об экономических посланиях 1973 года // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 3. С. 81.

⁴ См.: Бережков В.М. Политическая обстановка после выборов // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 1. С. 5.

вступила в фазу депрессии и лишь в конце 1972 года произошло ее оживление, остановившееся в середине 1973 года¹.

В 1973 году процесс позитивного развития советско-американских отношений набирал силу в совместных проектах по освоению космоса, торговых и культурных отношениях. В июле 1974 года средства массовой информации отмечали², что в ходе встречи руководителей СССР и США определились сферы совпадающих интересов и взаимодействия, охватившие большинство вопросов укрепления мирного характера отношений между двумя странами и дальнейшего стимулирования процесса международной разрядки. Президент Р. Никсон в марте 1974 года свидетельствовал, что «прошедший год стал периодом непрерывных усилий и неуклонного прогресса в области контроля над вооружением, который основывался на достигнутом успехе и одновременно закладывал фундамент для будущих соглашений». В докладе отмечалось положительное воздействие достигнутых соглашений в области разоружения на американскую экономику, ибо «благодаря лишь ограничению систем ПРО Соединенные Штаты сэкономили около 900 млн долларов в 1973 финансовом году». Если бы не было заключено никаких соглашений о сдерживании роста стратегических арсеналов и в США была бы развернута, как это первоначально намечалось, система «Сейфгард» из 12 комплексов ПРО, то расходы на нее составили бы к 1988 году около 20 млрд долларов. Свертывание этой системы имело «минимальные негативные последствия» для экономической конъюнктуры³. В результате советско-американских встреч на высшем уровне в течение 1972–1973 годов было подписано более 20 важнейших договоров и соглашений, ставших зримыми свидетельствами международной разрядки.

Успехи СССР в области противоракетной борьбы и собственные неудачи подвигли США к инициированию вопроса об ограничении систем противоракетной обороны (Глазго, 1967 г.). Вместе с тем, обсуждение вопросов ограничения стратегических вооружений началось

---

¹ См.: Экономическое положение в США (научная конференция) // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 9. С. 120.

² См.: Трофименко Г.А. Вопросы укрепления мира и безопасность в советско-американских отношениях // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 9. С. 7.

³ См.: Владимиров М.Г. По поводу доклада агентства по разоружению // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 7. С. 49.

17 ноября 1969 года в Хельсинки, что послужило началом многолетнего процесса переговоров по ограничению СНВ, который стал барометром советско-американских отношений. Впоследствии состоялось 7 раундов переговоров (попеременно в Хельсинки и в Вене), которые продолжались 30 месяцев не только из-за сложности решаемых проблем, но и потому, что администрация Р. Никсона стремилась «дозировать» прогресс на переговорах в зависимости от «поведения» СССР в целом в международных делах и прежде всего в отношении войны во Вьетнаме¹.

Первый раунд носил скорее исследовательский характер. Обе стороны прощупывали готовность друг друга воспринять принцип паритета, то есть готовность каждой из сторон признать у другой стороны способность нанести ей уничтожающий удар в ответ на ядерное нападение. Сразу же выявилось существенное расхождение в подходе сторон к определению баланса стратегических сил².

Возникшие трудности подвигли советскую делегацию предложить начать конкретное обсуждение вопроса о системах противоракетной обороны³.

---

¹ См.: Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 138; Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 186, 189, 190; Между Хельсинки и Веной // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 60-64.

² Советская сторона предложила включить в него любое ЯО, способное достигнуть территории другой стороны, то есть и так называемые ядерные средства передового базирования США, которые приобретают такую способность в силу их географического размещения. Американская сторона ответила категорическим отказом, поскольку советские ядерные средства аналогичной дальности не попадали бы под определение стратегических, как не достающие территории США, тем самым не подлежали бы регулированию, а это нарушало баланс сил между СССР и США с их союзниками по НАТО. При этом американцы утверждали, что советская постановка вопроса безосновательна. (См.: Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 140.)

³ Как следует из рассекреченных в 1990 году документов американского руководства 1968 года, связанных с подготовкой администрации Джонсона к началу переговоров с СССР по ОСВ, американская сторона уже тогда предвидела возможность постановки Советским Союзом вопроса об американских ядерных средствах передового базирования в Европе как попадающих под определение стратегического оружия ввиду того, что они достигали советской территории. (См.: Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 140.)

В начале 1970 года, на втором раунде переговоров, советская сторона официально предложила приступить к обсуждению возможных вариантов решения вопроса о системах противоракетной обороны, выделив три из них:

1. Развертывание широких систем противоракетной обороны.
2. Развертывание ограниченных систем противоракетной обороны.
3. Полный отказ от развертывания систем противоракетной обороны.

Представители СССР при этом выступали за нечто среднее между развертыванием ограниченных систем противоракетной обороны и полным отказом от их развертывания, при этом выражая готовность заключить отдельное соглашение по противоракетной обороне, не дожидаясь, пока удастся найти общее решение по СНВ. Американская же сторона настаивала на согласовании ограничений по СНВ, по-прежнему отказываясь рассматривать как таковые ядерные средства передового базирования¹. Поэтому диалог по противоракетной обороне не получал развития.

Анализ обобщаемого материала показал, что за всем этим «топтанием на месте» стояли определенные причины. Во-первых, предыдущая американская администрация ставила во главу угла ограничение оборонительных систем с целью замораживания верхнего уровня СНВ. Администрация же Р. Никсона обусловила начало переговоров об ограничении систем противоракетной обороны согласованием ограничений по СНВ, не включая в их число ядерные средства передового базирования. Во-вторых, администрация США подходила к переговорам с точки зрения их увязки с вьетнамской проблемой, помощью ДРВ, оказываемой СССР. Отсюда и стремление «дозировать» продвижение на переговорах в течение всего 1970 года.

Переговоры сдвинулись с места лишь в начале 1971 года, после того, как администрация США согласилась с тем, что в порядке компенсации за американские ядерные средства передового базирования СССР будет иметь большее количество МБР чем США².

---

¹ См.: Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 190-191; Корниенко Г.М. «Холодная война»: свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 141.

² Пентагоном 14.06.69 г. был заключен договор с фирмой «Дженерал электрик» на поставку 68 БГ МК-12 системы «MIRV». Тем самым уже было запланировано

Вероятно, этим не исчерпывались причины перемен, обозначившихся к началу 1970-х годов в американской политике и сделавших возможными позитивные сдвиги в советско-американских отношениях, направленные на укрепление военно-стратегической стабильности¹.

Исторический опыт деятельности политико-государственных органов по укреплению обороноспособности свидетельствует, что в канун 1971 года и в советском руководстве обсуждалось неудовлетворительное положение дел в советско-американских отношениях. В январе А.А. Громыко и Ю.В. Андропов обратились в Политбюро с совместной аналитической запиской «О состоянии советско-американских отношений и основных направлениях нашей дальнейшей политики в отношении США»². Авторы записки оценивали будущее без большой надежды на скорое улучшение отношений с США, исключали возможность установления подлинно хороших, тем более дружественных отношений, прогнозировали развитие этих отношений как сложные, противоречивые и временами остро напряженные.

Советский Союз поэтому прилагал в это время огромные усилия, чтобы догнать Соединенные Штаты по основным показателям стратегической ядерной мощи, а по некоторым параметрам, с учетом асимметрии структур и состава ядерных сил сторон, и превзойти их. Это потребовало колоссального расходования материальных средств и дальнейшего развития научно-технического потенциала. Реализация военно-технических аспектов советской ядерной программы привела к созданию МБР, не уступающих по боевым возможностям МБР США, обладающих высокой готовностью к пуску и способностью длительное время находиться в боеготовом состоянии в ШПУ. В конце 1960-х годов СССР стал обладателем такой стратегической мощи, которая создала основу для возникновения новой ситуации, именуемой военно-стратегическим паритетом. В ответ на предпринятый США рывок по наращиванию боевого

начало гонки вооружений на новом технологическом уровне, позволяющем нарастить ядерную мощь СНВ, даже при зафиксированном общем количестве ядерных вооружений к 1975 г. (См.: Белоусов М.В. Система МИРВ // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 9. С. 122).

¹ См.: Матвеев О.В. История войск РКО: отечественный опыт создания противоракетной обороны (вторая половина 40-х — 90-е годы). М.: ВА РВСН, 2002. С. 79-122.

² См.: Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 201-202.

потенциала за счет оснащения МБР и БРПЛ РГЧ ИН¹ Советский Союз создал и развернул аналогичные средства, а также еще более опасные для Соединенных Штатов — высокоживучие мобильные комплексы².

Изученный авторами, в основном архивный, материал свидетельствует о том, что другим магистральным направлением деятельности политико-государственных органов по сохранению военно-стратегического равновесия между СССР и США являлось создание отечественных стратегических оборонительных систем — противоракетной и противокосмической обороны³, контроля космического пространства и предупреждения о ракетном нападении в составе Войск ПВО страны⁴.

---

¹ В 1969 году США провели первое испытание МБР с разделяющейся головной частью индивидуального наведения (РГЧ ИН) типа «MIRV». Это стало главным событием 1970-х годов в стратегическом оснащении ВС США. С созданием ракет средней дальности и МБР, оснащенных головными частями с ядерными боевыми зарядами, появилась возможность уничтожения жизненно важных ценностей противника, прежде всего советских объектов военно-экономического потенциала, административных органов, а также группировок ВС. Выбор объектов поражения и их числа определялся количеством имевшихся РГЧ ИН.

В СССР к 1970-м годам относится разработка МБР третьего поколения: СС-18, СС-19 и СС-17 с ШПУ и улучшение их тактико-технических характеристик. Главными направлениями разработки этих комплексов стали: создание ШПУ и КП повышенной защищенности; использование систем управления с бортовыми цифровыми вычислительными машинами; создание РГЧ с ИН БГ на цель; обеспечение дистанционного перенацеливания ракет; уменьшение времени подготовки к пуску и проведения пуска. (См.: Волков Е., Сокут С. Тридцатилетнее противостояние // НВО. 1999. № 49; Ракетный щит Отечества / Под ред. В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999. С. 32-68).

² См.: Деревянко О.Г. Исторический опыт становления и развития подвижных ракетных комплексов и ракетных комплексов мобильного базирования в РВСН. М., 2001. 200 с.

³ См.: Матвеев О.В., Волков А.П., Сушко А.Б. Система противоракетной и противокосмической обороны (1956–1991 гг.): опыт строительства, уроки // Вестник Екатеринбургского института. 2013. № 1. С. 97–102; Матвеев О.В. Отечественный опыт государственных и военных органов в создании противоракетной обороны: история и политика М.: Издатель Витюк Игорь Евгеньевич, 2015. 176 с.

⁴ См.: Матвеев О.В., Низола А.В. Комплексная система предупреждения о ракетном нападении в оборонном строительстве (1961–1991 гг.): исторический опыт, уроки // Вестник Екатеринбургского института: научный журнал. 2012. № 4; С. 121–129; Матвеев О.В., Васильев М.А. Система противокосмической борьбы в оборонном строительстве СССР (1960–1991 гг.): исторический опыт, уроки // Научный сборник Екатеринбургского института: научный журнал. 2015. № 1 (29). С. 114–121 и др.

В результате предпринятых Советским Союзом мер, в США многие конгрессмены, общественные деятели, специалисты в области военной стратегии и техники признавали, что наступила эпоха устойчивого «паритета», не очень чувствительного к нарушениям ядерного баланса, на основании чего можно строить реалистическую внешнюю политику.

Этот факт явился причиной того, что госсекретарь Г. Киссинджер встретился 9 января 1971 года с послом в Вашингтоне А. Добрыниным, чтобы передать соображения президента для советского руководства, что состояние советско-американских отношений оставляет желать лучшего.

В течение февраля-марта состоялось несколько встреч посла в Вашингтоне А. Добрынина и госсекретаря Г. Киссинджера, на которых обсуждались вопросы ограничения стратегических ядерных вооружений. В связи с тем, что на советско-американских переговорах возникли определенные трудности, связанные с конкретными ограничениями СНВ, необходимо было предварительно договориться о заключении отдельного соглашения по ограничению систем противоракетной обороны и подписании его на встрече на высшем уровне, на что президент Никсон дал согласие в неофициальной форме.

В начале апреля 1971 года состоялся XXIV съезд КПСС. Страна находилась в сложном положении, и руководство государства понимало, что нужно предпринимать меры для сокращения технологического и экономического отставания от Запада. Кроме того, съезд поддержал линию на нормализацию отношений с США. По окончании съезда на заседании Политбюро более конкретно обсуждались отношения с США, а также привезенное послом в США А. Добрыниным обращение президента Р. Никсона. Премьер-министр А.Н. Косыгин поддержал мнение посла, что условия, предлагавшиеся президентом по организации встречи на высшем уровне, создают неплохую базу для ее реализации¹.

С госсекретарем Г. Киссинджером 23 апреля 1971 года встретился А. Добрынин и сообщил о готовности Советского правительства произвести обмен письмами с президентом по вопросам, связанным, в первую очередь, с ограничением систем противоракетной обороны, что было

---

¹ См.: Добрынин А. Сутобо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 206.

расценено госсекретарем как серьезный шаг к взаимоприемлемой договоренности. После этого в переговорах по вопросу ограничения СНВ намечился прорыв. В результате взаимных уступок 20 мая 1971 года было опубликовано совместное сообщение о намерении двух стран сконцентрировать усилия в текущем году на выработке соглашения об ограничении развертывания противоракетной обороны¹.

Президенту США 27 марта 1972 года было передано письмо Л.И. Брежнева, посвященное вопросам, подлежавшим обсуждению на встрече в Москве. Наиболее подробно в нем рассматривалась проблема сокращения СНВ, при этом выражалась надежда на позитивные результаты с учетом того, что позиции сторон относительно договора об ограничении систем противоракетной обороны и «замораживания» строительства ШПУ МБР наземного базирования сейчас очень сблизились. Госсекретарь Г. Киссинджер 20 апреля вылетел в Москву, где встречался с Л. И. Брежневым и А. А. Громыко. Основное внимание было уделено вопросам предстоящей встречи на высшем уровне, и в первую очередь, положению дел с договором по ограничению СНВ. Было окончательно оговорено, что согласно договору по противоракетной обороне каждой из сторон будет разрешено развернуть средства обороны двух ограниченных районов — столиц и размещения МБР².

Визит американского президента Р. Никсона в Москву состоялся в мае 1972 года. Главным результатом встречи на высшем уровне стало подписание: соглашений по ограничению стратегических вооружений (далее — ОСВ-1); бессрочного Договора об ограничении систем противоракетной обороны; Временного соглашения о некоторых мерах в области ограничения СНВ на пятилетний период, в течение которого

---

¹ См.: Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 209.

² См. там же. С. 212, 218, 224, 226, 228, 230.

Известно, что американская сторона в подходе к созданию системы противоракетной обороны во главу угла поставила принцип обороны пусковых установок МБР. Руководство СССР же исходило из принципа обороны стратегических командных пунктов и административно-хозяйственных центров. Для того, чтобы не поставить ни одну из сторон в неравные условия по сравнению с другой, Договор по ПРО, разрешая каждой из сторон развертывание двух комплексов, предусматривал возможность для США создать систему противоракетной обороны своей столицы, а СССР — одного из районов расположения шахтных пусковых установок МБР (*прим. авторов*).

предусматривалось продолжить переговоры с целью поиска возможностей более фундаментальных сокращений¹.

Анализ исследуемого материала показал, что с 1972 года в деятельности политико-государственных и военных органов по созданию стратегических оборонительных систем обозначился приоритет в развитии информационно-разведывательных средств войск противоракетной и противокосмической обороны, ставших, прежде всего, обеспечивающими системами боевого управления органов Верховного Главнокомандующего.

С этого временного рубежа основной задачей системы предупреждения о ракетном нападении, которую она призвана решать, становится обнаружение ракетной атаки вероятного противника до того, как ракеты достигнут своих целей. Своевременное обнаружение ракетного нападения позволяет определить источник, масштаб, оценить возможный ущерб и использовать эту информацию для варианта ответных действий. Наличие системы предупреждения о ракетном нападении необходимо для осуществления варианта ответно-встречного удара СЯС. Что, по мнению автора, создало предпосылки для единства боевых задач стратегические ядерных сил и стратегических информационно-разведывательных средств войск противоракетной и противокосмической обороны (ракетно-космической обороны), как взаимосвязанных элементов системы военного равновесия — основного условия стратегической стабильности.

Обобщение исследуемого материала показало, что создание стратегических информационно-разведывательных средств — исключительно сложная научно-техническая проблема. Чтобы обеспечить необходимую эффективность, системы должны производить обнаружение атакующих БР на максимальном удалении и гарантировать высокую степень достоверности предоставляемых ими информации об источнике и масштабе атаки. Поскольку система должна выдать сигнал оповещения только

---

¹ В августе-сентябре конгресс США обсудил документы, подписанные Р. Никсоном в Москве. Сенат 3.08.72 г. ратифицировал Договор об ограничении систем противоракетной обороны подавляющим большинством голосов (88-2). Президиум Верховного Совета СССР утвердил Договор 29 сентября. После обмена ратификационными грамотами 3 октября 1972 года Договор по противоракетной обороне вступил в силу. Из Договора по противоракетной обороне от 1972 года США вышли 13 июня 2002 года (*прим. авторов*).

после реальной атаки, баланс времени, необходимый для обнаружения БР, обработки информации и формирования сигнала предупреждения, очень ограничен.

Предельно малое время, которое имеется в распоряжении у информационно-разведывательных средств войск противоракетной и противокосмической обороны (ракетно-космической обороны) для обнаружения нападения, требует высокой интеграции между системой предупреждения о ракетном нападении и системой боевого управления СЯС. Это, в свою очередь, предъявляет предельно высокие требования к надежности, безотказной работе средств в режиме непрерывного боевого дежурства по разведке воздушно-космического пространства в заданных секторах ответственности и надежной системы передачи данных и связи, системы боевого управления.

При этом время на принятие решения адекватного ответа в случае ракетно-ядерного нападения может быть увеличено в результате боевых действий отечественной системы противоракетной обороны во взаимодействии с зенитными ракетными войсками по защите высших звеньев государственного и военного управления. В исследуемый период США так и не смогли создать подобную систему противоракетной обороны.

Поэтому закономерно, что с 1972 года одним из важнейших структурных элементов макросистемы, стратегической стабильности, становится система предупреждения о ракетном нападении (в США — СПРЯУ). Кроме того, в процессе обеспечения военной безопасности значительно возросла роль отечественных информационных средств противокосмической обороны и системы контроля космического пространства, обеспечивающих прежде всего оперативную маскировку подвижных средств стратегических ядерных сил (мобильных ПУ РВСН, РПКСН, СА), а также выдачу целеуказаний от радаров противоракетной обороны — зенитных ракетных комплексов, для отражения воздушно-космического ракетно-ядерного удара¹.

---

¹ См.: Матвеев О.В. История и развитие войск РКО: отечественный опыт создания системы ПРН:(60-90 годы). М.: ВА РВСН, 2002. С. 11–38; Матвеев О.В., Низола А.В. Комплексная система предупреждения о ракетном нападении в оборонном строительстве (1961-1991 гг.): исторический опыт, уроки // Вестник Екатеринбургского института: научный журнал. 2012. № 4. С. 121–129.

Подобная роль в обеспечении военного равновесия и стратегической стабильности также принадлежала аналогичным американским силам и средствам. Однако, по нашему мнению, результаты анализа позволяют сделать вывод, что к концу 1980-х годов сверхдержавами был достигнут паритет только в информационно-разведывательных средствах. В вопросах противоракетной обороны СССР добился лидирующего положения.

Поэтому США предприняли попытку создания таких средств, которые могли преодолеть как систему противоракетной обороны, так и систему противосамолётной обороны.

1.4. Ядерное разоружение (1985–1991 гг.): сложности переговорного процесса

Исследование исторических и других материалов свидетельствует, что, несмотря на все договоры об ограничении системы контроля и безопасности, в середине 1980-х гг. количество ядерных зарядов приближалось к критической массе, которую уже невозможно было контролировать. Существовали ракеты, направленные друг на друга, боевые самолёты барражировали и дежурили на аэродромах, в океане плавали подводные лодки, имеющие на борту баллистические ракеты. СССР и США были способны четыре раза уничтожить всё живое на Земле. Несколько раз мир стоял на пороге такой катастрофы.

На встрече в Женеве советского министра иностранных дел А.А. Громыко госсекретаря США Дж. Шульца 7 февраля 1985 г. СССР согласился вести переговоры по евrorакетам отдельно от переговоров по космическим вооружениям. Переговоры возобновились после избрания 10 марта 1985 г. М.С. Горбачёва¹ генеральным секретарем ЦК КПСС.

---

¹ Горбачев М.С. — Президент СССР в 1990-1991 г., генеральный секретарь ЦК КПСС в 1985-1991 гг. С 1955 г. на комсомольской и партийной работе. В 1966-1968 гг. 1-й секретарь Ставропольского горкома КПСС. В 1968-1970 гг. 2-й секретарь, с апреля 1970 г. 1-й секретарь Ставропольского крайкома КПСС. В 1978-1985 гг. секретарь ЦК КПСС. Председатель Президиума ВС СССР (1988-1989 гг.). Председатель ВС СССР (1989-1990 гг.). С 1979 г. кандидат, в 1980-1991 гг. член Политбюро ЦК КПСС. С середины 1980-х гг. возглавил курс на реформирование тоталитарной системы в СССР, который вызвал значительные перемены в жизни страны (т.н. перестройка); однако противоречивость и

СССР и США начали переговоры об условиях, на которых СССР согласился бы разблокировать переговорный пакет. Летом 1985 г. М.С. Горбачев ввел мораторий на развертывание ОТР СС-23 в Чехословакии и ГДР.

По свидетельству Генерального Секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева: «...и сам я, и мои сподвижники в международных делах сходились на том, что начинать надо с Соединенных Штатов. Это и супердержава, и признанный лидер западного мира, без согласия которого любые попытки добиться перелома в отношениях Востока и Запада ничего не дадут, даже могут быть восприняты как «козни», «вбивание клиньев» и т.д. Задача была не из легких: найти общий язык не с социал-демократом Пальме или социалистом Миттераном, а с Рональдом Рейганом, обозвавшим Советский Союз «империей зла», поносимого нашей пропагандой за «рейганомику», вторжение в Гренаду и прочие неблагоприятные поступки»¹.

Историография проблемы свидетельствует, что после довольно долгих переговоров была достигнута договоренность о советско-американской встрече на высшем уровне в Женеве поздней осенью 1985 г. Мотивы у обеих сторон были разные и каждая преследовала свою цель, но именно тогда начались переговоры об окончании «холодной войны».

Резиденцией советской делегации было здание советского представительства, там же состоялись часть переговоров, обед в честь Рональда Рейгана и Нэнси Рейган. Американский президент расположился в двухэтажном доме в пяти километрах от Женевы, а для переговоров американцы сняли виллу на берегу Женевского озера — «Флер д'О».

Первая встреча глав США и СССР состоялась 19 ноября 1985 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС в сопровождении Э. А. Шеварднадзе,

---

непоследовательность в его осуществлении привели в конце 1980-х — начале — 1990-х гг. к обострению социально-политического кризиса в стране. В августе 1991 г. заявил об уходе с поста генерального секретаря ЦК КПСС. После распада СССР сложил с себя (25 декабря 1991 г.) обязанности президента СССР. С декабря 1991 г. президент Международного фонда социально-экономических и политических исследований («Горбачев-фонд»). В 1996 г. баллотировался на пост президента Российской Федерации. Нобелевская премия мира (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2011).

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

помощников А.М. Александрова¹, А. Н. Яковлева², заместителя министра иностранных дел Г. Корниенко, посла А. Добрынина, заведующего отделом ЦК Л. Замятина³, встретился с американским президентом и его окружением — госсекретарем Дж. Шульцом⁴, руководителем аппарата Белого дома Д. Риганом⁵, послом А. Хартманом, помощником по

---

¹ Андрей Михайлович Александров-Агентов (март 1918 — апрель 1993) — советский партийный работник, дипломат ранга Чрезвычайного и Полномочного Посла. Член партии с 1948 г. Кандидат в члены ЦК КПСС — с 1976 г., член ЦК КПСС — с 1981 г. В 1940-1942 гг. — корреспондент ТАСС в Стокгольме. На дипломатической работе с 1942 г. В 1942-1947 гг. на работе в миссии СССР в Швеции. В 1947 г. переведён из Швеции в Москву, в аппарат МИД, работал советником министра иностранных дел. В 1961-1963 г. — референт председателя Президиума Верховного Совета СССР, с 1963 по 1966 гг. — помощник по международным делам секретаря, затем Первого секретаря ЦК КПСС. С 1966 по 1986 гг. — помощник по международным делам Генерального секретаря ЦК КПСС (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2011)).

² Александр Николаевич Яковлев (2 декабря 1923 г., Ярославская губерния — 18 октября 2005 г., Москва) — публицист, академик РАН, российский, советский политический и общественный деятель, один из главных идеологов Перестройки. Член Коммунистической партии с 1944 г. по август 1991 г., член и секретарь ЦК КПСС (в 1986-1990 гг.), член Политбюро ЦК КПСС (в 1987-1990 гг.). В 1995-2000 гг. Председатель Российской партии социальной демократии. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

³ Леонид Митрофанович Замятин (род. 9 марта 1922, станица Старомихайловская, Кубанская обл.) — советский государственный деятель и дипломат. Лауреат Ленинской премии (1978 г.). Окончил Московский авиационный институт (1944 г.). С 1946 г. работал в МИД СССР. С 1957 г. — заместитель постоянного представителя СССР в Международном агентстве по атомной энергии. Был советником советской делегации в ООН, постоянным представителем СССР в совете МАГАТЭ. В 1962-1970 гг. работал в аппарате МИД СССР (член коллегии МИДа, заведующий отделом печати). В 1970-1978 гг. — генеральный директор ТАСС, в 1978-1986 гг. — заведующий отделом международной информации ЦК КПСС, в 1986-1991 гг. — посол СССР в Великобритании. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

⁴ Джордж Прэтт Шульц — 60-й Государственный секретарь США (16 июля 1982 г. — 20 января 1989 г.) в администрации Р. Рейгана. Работал министром труда в администрации Р. Никсона с 1969 по 1970 гг., после чего стал директором Административно-бюджетного управления Президента США. С мая 1972 г. по май 1974 г. был министром финансов. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

⁵ Дональд Томас Риган (21 декабря 1918 г. — 10 июня 2003 г.). С избранием в 1981 г. Рональда Рейгана 40-м президентом США перешёл на работу министром финансов (66-й министр финансов США). В 1985 г. руководитель аппарата Белого Дома. Ушёл в отставку в 1987 г. в связи с причастностью к делу Иран-контрас. На посту его сменил Джеймс Бейкер. URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

безопасности Р. Макфарлейном¹, сотрудниками Белого дома и госдепартамента П. Нитце², М. Риджуэй³, Дж. Мэтлоком.

Результаты обобщаемого историографического материала показали, что к женевской встрече стороны подходили с реалистических позиций, не рассчитывая на крупные договоренности, надеялись заложить предпосылки для серьезного диалога. Было немаловажно, чтобы руководители сверхдержав «присмотрелись» друг к другу, поделились взглядами на сегодняшний мир и роль своих стран, подумали, что можно принять для ослабления враждебности и налаживания сотрудничества.

Согласно установившейся в течение десятилетий практике, перед поездкой были разработаны, обсуждены и утверждены на Политбюро директивы для Генерального секретаря ЦК КПСС. Готовились они МИДом при непосредственном участии М.С. Горбачева, международным отделом ЦК и КГБ. Так как речь шла о переговорах по конкретным вопросам, директивы содержали обязательные установки того, что СССР мог предложить и на что готов пойти. Наряду с основной позицией заготавливались запасные, которые можно было использовать в крайнем случае, идя

---

¹ Роберт Макфарлейн — родился в 1937 г., сделал карьеру в морской пехоте США. С 1981 г. — заместитель госсекретаря А. Хейга. В 1983 г. назначен на пост помощника Р. Рейгана по национальной безопасности, на котором находится до 1985 г. После ухода с государственной службы возглавляет ряд энергетических компаний. В 1987 г. пытался покончить жизнь самоубийством в связи с причастностью к делу Иран-контрас. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

² Пол Генри Нитце родился 16 января 1907 г. в городе Амхерст, штат Массачусетс. Выпускник Гарвардского университета 1928 г. Р. Рейганом был назначен главным переговорщиком по проблеме ликвидации ракет средней дальности в Европе. После того, как переговоры с советской делегацией зашли в тупик, П. Нитце пригласил возглавлявшего ее Юрия Квитсинского на прогулку в пригороде Женевы. О чем говорили «заклятые» друзья неизвестно, но после этих странных «гуляний», проведенных без ведома обоих правительств, секретное соглашение было заключено. Вашингтон отказался признать его, Рейган отозвал П. Нитце, вменив ему в вину превышение полномочий, и чуть позже вручил ему Медаль Свободы — высшую гражданскую награду США. Госсекретарь США Колин Пауэлл назвал Пола Нитце «Моисеем внешней политики» (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

³ Мэтью Банкер Риджуэй (3.03.1895 г. — 26.07.1993 г.), генерал Армии США. Занимал ряд высоких постов, самый известный из которых — командующий войсками ООН во время Корейской войны. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

на оправданный компромисс. Если согласие не достигалось, вопрос откладывался, считалось, что он должен быть подвергнут дополнительному анализу той и другой стороной.

Проработка проблемы сокращения ядерных и обычных вооружений начиналась с подготовки предложений соответствующими ведомствами. За МИДом, как правило, сохранялась роль координатора на подготовительном этапе. Впоследствии при Политбюро была создана специальная комиссия, в обязанности которой входило координировать подготовку после представления ведомствами первоначальных проектов директив или итоговых документов. Комиссия многократно заседала, выслушивая мнения МИД, Министерства обороны, научных институтов, Госплана, Комиссии по военно-промышленным вопросам при Совмине СССР, крупных специалистов и экспертов, включая академиков, искала рациональное решение неизбежно возникавших между ними разногласий. О наиболее важных выводах и спорных проблемах докладывалось генсеку. Делали это обычно Л.Н. Зайков и Э.А. Шеварднадзе, иногда с участием Д.Т. Язова или С.Ф. Ахромеева, В.М. Чебрикова¹ или В. Крючкова². Такие обсуждения еще до представления на Политбюро носили

---

¹ Виктор Михайлович Чебриков (27.04.1923 г., Днепропетровск — 1.07.1999 г., Москва) — председатель КГБ СССР (декабрь 1982 г. — 1988 г.), секретарь ЦК КПСС (30 сентября 1988 г. — 20 сентября 1989 г.), кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС (26.12.1983 г. — 23.04.1985 г.), член Политбюро ЦК КПСС (23.04.1985 г. — 20.09.1989 г.), член ЦК КПСС (1981–1990 г.), депутат Верховного Совета СССР IX–XI созывов, народный депутат СССР (1989–1991 г.). Генерал армии (1983 г.), Герой Социалистического Труда (1985 г.), лауреат Государственной премии СССР (1980 г.). Член КПСС с 1944 г. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016)).

² Владимир Александрович Крючков (29.02.1924 г., Царицын — 23.11.2007 г., Москва) — Председатель КГБ СССР (декабрь 1988 г.-1991 г.), член Политбюро ЦК КПСС (20.09.1989 г. — 13.07.1990 г.). Член ГКЧП СССР. Генерал армии (1988 г.). В 1955–1959 гг. третий секретарь посольства СССР в Венгерской Народной Республике. Участвовал в подавлении Венгерского восстания 1956 г. В 1959–1963 гг. референт в секторе Венгрии и Румынии Отдела ЦК КПСС по связям с коммунистическими и рабочими партиями социалистических стран. В 1963–1965 гг. — заведующий сектором Отдела ЦК КПСС. В 1965–1967 гг. помощник секретаря ЦК КПСС Ю.В. Андропова. В 1967–1971 г. начальник Секретариата КГБ. С 1971 г. первый заместитель начальника, в 1974–1988 г. начальник Первого главного управления КГБ СССР (внешняя разведка). В 1978–1988 гг. заместитель председателя КГБ СССР (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016)).

регулярный характер. После неоднократных согласований и указаний Генерального секретаря останавливались на каком-то варианте, который докладывался Политбюро, но при этом излагались и другие мнения, то есть члены высшего руководства ставились в известность о дискуссии, имели возможность ознакомиться с альтернативными точками зрения¹.

По свидетельству М.С. Горбачева, Комиссию Политбюро длительный период возглавлял Л.Н. Зайков, который был основательно знаком с двумя сторонами вопроса о вооружении: военное предназначение данного оружия и его производство. «С его опытом работы в военно-промышленной сфере и знанием техники, Л.Н. Зайкова было трудно «провести на мякине». Причем качества квалифицированного эксперта сочетались у него со склонностью улаживать споры и добиваться гармонизации вносимых предложений. Он мог страсти остудить, погасить конфликт между ведомствами, уберечь от непродуманных шагов МИД в сугубо специальных вопросах. И вместе с тем «поднажать» на Министерство обороны, вскрыть консерватизм, узковедомственную позицию военно-промышленного комплекса». Представители Министерства обороны при проработке крупных разоруженческих инициатив всегда были против, поэтому во всем детально разбирались коллегиально с участием Л.Н. Зайкова, Э.А. Шеварднадзе вместе с Министром обороны Маршалом Советского Союза С.Л. Соколовым (позже с Д.Т. Язовым и С.Ф. Ахромеевым, Д.Т. Язовым и М.А. Моисеевым)².

Формирование основ политики в принципиальных вопросах, определение позиций, отвечающих интересам государства и реальностям международного положения, являлось прерогативой Политбюро, генсека. Вместе с тем, работа была коллективной и весьма основательной. Поэтому было припасено немало идей и конкретных предложений, благодаря чему с первой встречи с президентом США начался поиск подхода к самой насущной тогда проблеме ядерного разоружения.

В общей сложности переговоры, другие встречи в Женеве заняли около пятнадцати часов. Пять или шесть встреч руководители государств

---

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

² Министерство обороны, хорошо зная, как трудно стране выдерживать гонку вооружений, за все годы деятельности М.С. Горбачева в Москве ни разу не внесло предложений по сокращению вооруженных сил и производства оружия (См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2).

провели один на один, причем каждый раз с нарушением «графика». Уже одно это говорит, что беседы были отнюдь не протокольными. По свидетельству М. С. Горбачева, «разговор с Рональдом Рейганом был интенсивным, содержательным, в отдельные моменты эмоциональным. Но, что очень важно: откровенным и, чем лучше мы узнавали друг друга, — дружественным. Страсти особенно кипели, когда предметом дискуссий оказывались права человека, региональные конфликты и пресловутая СОИ»¹.

Первый день переговоров начался с беседы глав государств наедине, которая вместо пятнадцати минут продолжалась более часа. Поначалу это был скорее диспут, чем деловой диалог руководителей двух самых мощных государств. Спор шел о нарушении прав человека, об оценке роли военно-промышленного комплекса в США, о существовании мощной пропагандистской машины, ведущей подрывную работу против СССР, об ответственности сторон за сумасшедшую гонку вооружений, поставившую мир на грань катастрофы².

Результаты обобщения материала историографии проблемы свидетельствуют, что факт состоял в том, что оба государства несли ответственность за раскол мира и нагнетание военной угрозы, за крайнюю напряженность советско-американских отношений. Однако такого взаимного признания на женевском саммите не произошло. Предстояло прожить еще несколько лет, многое обдумать и понять. Вместе с тем в Женеве стороны разговаривали по существу.

Первый раунд переговоров вскрыл огромный масштаб и остроту противостояния, взаимного недоверия, политической глухоты. Такие впечатления не ослабли, даже усилились, когда стороны приступили к обсуждению региональных конфликтов. Р. Рейган обвинял СССР во вмешательстве в дела «третьего мира», что в значительной мере определяло напряженность между Вашингтоном и Москвой. В то же время М.С. Горбачев утверждал, «мы помогаем народам добиться свободы, у нас нет планов создания где бы то ни было военных баз и «экспортировать революцию». Наши действия в большинстве случаев не отличаются от тех, к каким прибегают США в зоне своих жизненных интересов, а эту зону они распространяют практически на весь мир»³.

---

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

² См. там же.

³ См. там же.

После перерыва переговоры были направлены в сферу контроля над вооружениями. Особенность состояла в том, что американцы в соответствии с задуманной тактикой рассчитывали первыми огласить заготовки, чтобы навязать свою игру. Была развернута аргументация в пользу решительного сокращения наступательных вооружений и одновременного перехода к оборонительным системам. Президент осудил доктрину сдерживания, которая привела к гонке вооружений и создала угрозу роду человеческому. Закончил Р. Рейган изложение своих предложений утверждением, что это — «лучший путь» и Советский Союз не должен бояться СОИ. Американский лидер выдвигал идею «открытых лабораторий», заявив в завершение, что, когда технология будет отработана, США твердо намереваются поделиться ею с СССР.

Опираясь на оценки советских ученых, глава СССР стоял на позиции, что идея создания щита — СОИ, позволяющего безбоязненно нанести первый удар, это продолжение гонки, хотя и в другой сфере, но еще более опасной¹. Подозрительность и беспокойство будут усиливаться, каждый будет бояться, что его вот-вот обгонят. Советский Союз против переноса гонки вооружений в космос, но, если американцы не воспримут аргументы разума и призыв искать выход на пути прекращения гонки вооружений и сокращения имеющегося ядерного оружия, ничего другого не останется, как дать ответ, который в принципиальном плане уже есть. Он будет эффективным, менее дорогостоящим и может быть осуществлен в более короткий срок².

Однако ни одна из сторон не хотела, чтобы женевская встреча закончилась ничем. Это было бы воспринято и как личный неуспех лидеров сверхдержав, а главное — породило бы разочарование в широком общественном мнении, развеяло надежды, которые связывали с этой встречей многие миллионы людей. Ничего хорошего не сулил на сей раз и испытанный в прошлом прием: свалить неудачу на неуступчивость другой стороны. Нужно было, как минимум, заявить, что переговоры будут продолжены³.

---

¹ См.: О возможностях современных мгновенных контрмер в ответ на американскую программу СОИ: Пер. с англ. М.: ВА им. К.Е. Ворошилова, 1986. С. 2-15.

² См.: Абаренков В.П., Каламанов В.А., Кокошин А.А. Вопросы контроля и ограничение вооружений в советско-американских соглашениях // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 29-38.

³ См.: Кокошин А.А., Рогов С.М. Серые кардиналы Белого дома. М.: Изд-во АПН, 1986. 350 с.

Американцы не исключали двух вариантов: общего согласованного документа или отдельного заявления каждой стороны. Советская сторона настаивала на общем документе — иначе это проигрыш, мировое сообщество не поймет, если руководители двух сверхдержав, встретившись после столь длительного перерыва, разъедутся, ограничившись обменом мнениями и односторонними заявлениями.

Подготовка проекта такого документа велась рабочей группой, в которую входили Г. Корниенко и А. Бессмертных, возглавлявший тогда в аппарате МИД американское направление. Формирование текста итогового документа было завершено ночью, а на следующее утро состоялась заключительная процедура встречи.

В итоге было подписано историческое заявление, в котором руководители двух супердержав констатировали: «... ядерная война недопустима и в ней не может быть победителей». Раз это признается и будет трансформировано в практическую политику, бессмысленными становятся гонка, накопление и совершенствование ядерных вооружений. *«Стороны не будут стремиться к военному превосходству друг над другом»*, это тоже принципиальная констатация, и на сей раз не общая фраза, кинутая для успокоения публики. Руководители государств обязались дать соответствующие указания делегациям на переговорах по ядерным вооружениям в Женеве¹.

В документе были выражены взаимные намерения, касающиеся двусторонних отношений, в частности обменов в гуманитарной сфере, контактов между молодежью двух стран, возобновления воздушного сообщения.

Данная встреча позволила яснее понять характер разногласий, снять часть накопившихся предрассудков, СССР оценил заверения американского президента, что США не стремятся к военному превосходству, и рассчитываем, что эти заверения будут подтверждены делом. Стороны договорились обменяться визитами на высшем уровне, развивать двустороннее сотрудничество, продолжать и расширять консультации по региональным проблемам².

---

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

² См.: Овинников Р.С. Зигзаги внешней политики США: От Никсона до Рейгана. М.: Политиздат, 1986. 400 с.

Исследование проблемы свидетельствует, что в ходе женевской встречи произошел первый прорыв в советско-американских отношениях и мировой политике, появился шанс отвести от мира ядерную угрозу.

С этого момента времени в Политбюро выработка приоритетов пошла намного интенсивней. В эти месяцы полным ходом шла подготовка к XXVII съезду КПСС, над внешнеполитическими разделами доклада работали международные отделы ЦК, МИД, научные центры. Была предложена программа движения к безъядерному миру и поставлен этот вопрос не в пропагандистском плане, а с приглашением к реальным действиям.

После обсуждения в Политбюро программа была обнародована в Заявлении от 15 января 1986 г.¹ Такой документ мог родиться только в результате вступления на путь глубоких реформ, интенсивных контактов с внешним миром, новых подходов к международной политике. Контакты 1985 г. и объективный анализ международной обстановки убеждали в том, что мировое сообщество созрело для восприятия таких идей. В советском руководстве М. С. Горбачев возражений не встретил. Специалисты из ведомств, научных центров, эксперты готовили базу для документа серьезно, реалистически учитывая внутренние и внешние последствия мер, которые в нем предлагались.

Как свидетельствует С. Ф. Ахромеев, в середине 1985 г. это была уже не просто идея, а детально проработанный проект программы полной ликвидации ядерного оружия во всем мире в течение полутора десятка лет². Но Генеральный штаб не спешил не только с представлением своих предложений политическому руководству государства, но и с докладом их министру обороны, а тем более с совместной экспертной проработкой их с Министерством иностранных дел. В неофициальном порядке посвящен в эту работу Генштаба был только Г. М. Корниенко по следующим соображениям. Намеченная на ноябрь 1985 г. встреча М. С. Горбачева с Р. Рейганом была первой после непрерывной шестилетней конфронтации, сопровождавшейся форсированной гонкой вооружений. Эта встреча, как думали военные, будет своего рода разведкой. Вносить на

---

¹ Заявление содержало «программу ядерного разоружения к 2000 году». Невольно ранее, летом 1985 г., был объявлен односторонний мораторий на ядерные испытания (*прим. авторов*).

² См.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992. С. 79, 81.

этой встрече, не подготовив для этого почву, такое серьезное предложение казалось рискованным. Поэтому от доклада его руководству перед Женевой Генштаб воздержался. Только после встречи в Женеве, когда руководством было принято решение выступить еще до XXVII съезда КПСС, намеченного на конец февраля — начало марта 1986 г., с крупными предложениями в области разоружения, Генштаб доложил свои предложения вначале министру обороны С. Л. Соколову. Во-первых, именно Генштаб наиболее отчетливо понимает всю опасность накопления огромного ядерного потенциала в условиях многолетнего противостояния военных блоков. На боевом дежурстве в этих военных союзах с готовностью применения, измеряемой несколькими минутами, находились тысячи стратегических носителей и десятки тысяч боезарядов. Эта невообразимая ядерная мощь, если будет применена, в течение десятков минут может испепелить все живое на Земле. Во-вторых, Генштабу было ясно, что эту опасность понимали не только у нас, но и на Западе. Мы рассчитывали, что к призыву руководства нашего государства не останутся безучастными как администрация США, так и другие страны блока НАТО. В-третьих, была надежда, что если и не удастся за предлагаемый срок полностью ликвидировать ядерное оружие на Земле, то значительно сократить его количество и уменьшить опасность ядерного противостояния, что тоже имеет значение. Таковы были ход мыслей и расчеты Генерального штаба. Представляется, что в этом смысле разработанный план был реалистичен и имел под собой серьезные основания.

Министр обороны с учетом этих соображений одобрил документ и дал согласие на представление проекта программы полной ликвидации ядерного оружия совместно с Министерством иностранных дел высшему руководству. Для предварительного доклада М. С. Горбачеву, который находился в то время за пределами Москвы, к нему вылетел генерал-полковник Н.Ф. Червов¹.

---

¹ Начальник Управления Генерального штаба Вооруженных Сил СССР генерал-полковник Николай Федорович Червов. Родился 22 ноября 1922 г. в Сибири (г. Кемерово). Закончил военные академии наук имени М.В. Фрунзе, Генерального штаба, адъюнктуру, кандидат военных наук, доцент. С 1969 г. по 1990 г. работал в ГШ ВС СССР, а с 1979 г. — начальник Договорно-правового управления Генерального штаба. В этой должности участвовал в разработке позиций по вопросам ограничения и сокращения вооружений, обеспечения безопасности (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2011)).

Президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л. Ивашов свидетельствует, что в 1970-е гг. был получен первый опыт переговорного процесса по стратегическим вооружениям с Соединенными Штатами. Это подготовка и подписание Договора по противоракетной обороне 1972 г., договоры об ограничении стратегических вооружений ОСВ-1 и ОСВ-2 (1977–1979 гг.). В состав группы специалистов по подготовке проектов будущих договоров включались представители ЦК КПСС (Отдел оборонной промышленности ЦК), правительства СССР (Военно-промышленная комиссия при Совмине СССР), Минобороны (первый замначальника Генштаба, замминистра обороны по вооружению, замглавкома РВСН), МИДа (во главе с первым замминистра), КГБ СССР. В качестве консультантов выступали главные и генеральные конструкторы стратегических систем. Было сформировано в Генштабе Договорно-правовое управление, которое возглавил генерал-полковник Н. Ф. Червов¹.

Одновременно второй экземпляр проекта программы взял Э. А. Шеварднадзе, которому был доложен С. Ф. Ахромеевым этот документ с необходимыми пояснениями об истории вопроса. Министр иностранных дел воспринял документ с интересом и энтузиазмом. Правда, его энтузиазм несколько поубавился, когда некоторые из военных, к мнению которых министр к тому времени стал все больше прислушиваться, отнеслись к программе ядерного разоружения скептически, а кое-кто принял ее вообще в штыки, как «очередную пропагандистскую затею», каковой она вовсе не являлась. Однако, тут поступил сигнал от М.С. Горбачева, который, рассмотрев представленный ему материал, самым положительным образом оценил программу и велел сделать ее центральной частью готовившегося заявления от его имени. Всякие сомнения и колебания исчезли, в том числе и у тех, кто еще вчера критиковал ее. Так появился документ, который вскоре мир узнал как Заявление Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева от 15 января 1986 г. с программой ядерного разоружения в качестве его основы².

Вместе с тем С.Г. Кара-Мурза в своей работе отмечает, что в 1986 г. была создана межведомственная комиссия по разоружению (из

---

¹ См.: Ивашов Л. Безопасность России или очередное отступление? // Военно-промышленный курьер. 2010. № 7 (323). 24 февр.

² См.: Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001; Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992. С. 100.

руководителей МИД, Министерства обороны, КГБ, военно-промышленной комиссии Совета министров и ряда отделов ЦК КПСС — «большая пятерка»). В ней нарастала напряженность, дошедшая 10 марта 1990 г. до открытого конфликта из-за того, что договоренности с США по разоружению не только не согласовывались, но даже не доводились до сведения комиссии. Так, не удалось обнаружить никаких сведений о подготовке решения об уничтожении лучшего в мире ракетного комплекса «Ока», о котором открыто вообще не было речи на переговорах. Начальник Генштаба М. А. Моисеев доложил, что в результате маневров Э. А. Шеварднадзе США получили право иметь 11 тыс. боеголовок против 6 тыс. для СССР. После этого конфликта комиссия была ликвидирована¹.

Как свидетельствует М. С. Горбачев, «в его (заявление. — *Прим. авт.*) подготовку много души вложил Э. А. Шеварднадзе. Мы с ним пришли к мнению о необходимости такого шага в одной из бесед вскоре после его назначения министром иностранных дел. К осени уже имели определенный капитал — научные анализы ситуации, оценки контактов, встреч, состоявшихся в эти месяцы. Тогда и было решено облечь наши замыслы в перспективную программу, которая служила бы основой для продолжения «мирного наступления»².

XXVII съезд КПСС поддержал не только философию новой политики, но и конкретно саму программу, она, по сути дела, стала государственной³. На съезде была сформулирована концепция создания системы международной безопасности, многие положения которой оказались схожими с Системой коллективной безопасности 1930-х годов и Программой мира, принятой XXIV съездом КПСС в 1971 года.

Некоторым коррективом была подвергнута советская политика в Афганистане, где СССР произвел в мае 1986 года замену руководства страны⁴.

---

¹ См.: Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2000. Т. 2.

² См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995 Кн. 2.

³ См.: XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр. — 6 марта 1986 г. Стенографический отчет в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 2. 320 с.

⁴ Новый генеральный секретарь НДПА М. Наджибулла провозгласил курс на национальное примирение, принял новую Конституцию, согласно которой был избран в 1987 г. президентом Афганистана. Советский Союз стремился укрепить позиции нового руководства, чтобы впоследствии начать вывод войск из страны (*прим. авторов*).

Выведенная на съезде КПСС концепция нового мышления вызвала большой интерес у мировой общественности. С особым энтузиазмом было встречено Заявление от 15.01.1986 года о программе полного ядерного разоружения СССР в течение 15 лет. Иной была реакция политических кругов. Правда, некоторые политики, соблюдая осторожность, не отвергли Заявление с ходу, заявили о необходимости его тщательного изучения. Однако скептицизм преобладал, многие объявили документ очередной агиткой. А у задающих тон на Западе «верхов» Вашингтона он вызвал даже явное неудовольствие. Они не только не принимали Заявление всерьез, но и опасались, что этот наш шаг послужит росту престижа Москвы, усилению критики милитаристского курса США.

В результате западные правительства избрали тактику замалчивания, которая не раз срабатывала в прошлом¹. Чтобы блокировать растущий рейтинг миролюбивой политики СССР, повели наступление в идеологической войне. Причем приступ антикоммунистической истерии опять возглавил Р. Рейган, возобновив свои проклятия в адрес «империи зла». Делалось все, чтобы дискредитировать наши инициативы, представить их как утопию, а не честное приглашение к разоружению. Чернобыльская трагедия была использована как якобы свидетельство того, что СССР по-прежнему не намерены «открыться», коварны, не заслуживают доверия. Все средства были пущены в ход, чтобы ослабить феномен нового мышления². Подтверждая на словах свою готовность к серьезным переговорам и разоружению, американцы в действительности возобновили откровенный их саботаж. И в то же время принимали новые программы наращивания вооружений³.

По данному факту М. С. Горбачев свидетельствует: «Я пришел к твердому убеждению: нас, по сути дела, хотят опять спровоцировать на

---

¹ См.: Баталов Э.Я., Малащенко И.Е., Мельвиль А.Ю. Идеологическая стратегия США на мировой арене. М.: Международные отношения, 1985. 230 с.

² См.: Попов Н.П. Индустрия образов. Идеологические функции средств массовой информации в США. М.: Политиздат, 1986. 144 с.

³ См.: Овинников Р.С. Зигзаги внешней политики США: От Никсона до Рейгана. М.: Политиздат, 1986. 400 с.; Абаренков В.П., Красулин Б.П. Разоружение. Справочник. М.: Международные отношения, 1988. 336 с.; Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989. 271 с.; Новое политическое мышление в ядерный век. Политика СССР и США: Сб. ст. на англ. яз. М.: ИСКРАН, 1990. 303 с. и др.

резкий ответ, вернуть к политике «острие на острие» и тем самым сбить с курса, взятого после апреля 1985 г. Правые круги Запада боялись нового, динамичного Советского Союза, более демократического, предлагающего мир и сотрудничество другим народам. По господствовавшим тогда стратегическим соображениям он их не устраивал. Поделившись этими оценками с коллегами в советском руководстве, я предложил не «зацикливаться» на противодействии провокациям (это было бы только на руку «ястребам»), а настойчиво втягивать Запад в диалог, добиваться позитивных ответных шагов. Это было поддержано всеми»¹.

После Женева в США с новой силой развернулась антисоветская кампания, насыщенная всякого рода подлогами и оскорблениями. От Советского Союза потребовали сокращения на 40 % числа своих дипломатов в Нью-Йорке. У берегов Крыма появилась американская эскадра, при этом она там оказалась с санкции высших властей. Было совершено нападение на Ливию. Все это делалось, чтобы продемонстрировать мощь Америки, показать, что ей все позволено.

Накануне окончания срока советского моратория США с явно провокационной целью провели мощный ядерный взрыв в Неваде, а на наше предложение о безотлагательной встрече с Р. Рейганом по экстренному вопросу — о ядерных испытаниях — Вашингтон дал отрицательный ответ.

В Вашингтоне думали, что имеют дело со слабонервными, считают, что сейчас можно действовать подобно азартным игрокам, полагают, что мы не видим, как завязавшийся было советско-американский диалог используют для прикрытия новых военных программ. В фарватере американской политики идет и Западная Европа, политики которой, несмотря на требования европейской общественности, пытаются доказать, что убирать из Европы американские ракеты нельзя, так как у Советского Союза больше обычного вооружения, хотя в нашем январском Заявлении недвусмысленно предлагается сокращение обычного оружия и вооруженных сил.

Под разными предлогами и правительства, и крупный капитал Западной Европы все больше втягиваются в гибельный план и тем самым становятся соучастниками нового, еще более опасного тура гонки

---

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

вооружений. Не только разрядка¹, но даже и потепление в советско-американских отношениях не устраивают определенные круги. Соединенные Штаты ищут любой повод, чтобы сорвать улучшение международной обстановки, ростки которого стали пробиваться в Женеве².

Анализ историографии проблемы показал, что, несмотря на складывающиеся условия, иницилируемые американской стороной, советское руководство твердо следовало намеченным курсом, направленным на разоружение и недопущения ядерной войны³. СССР призывал ведущие страны мира присоединиться к соблюдавшемуся Советским Союзом с лета 1985 г. (40-летний «юбилей» Хиросимы) мораторию на ядерные испытания и поэтапно сократить различные виды атомного оружия.

Летом 1986 г. Генеральный секретарь ЦК КПСС получил письмо от Р. Рейгана, в котором это была попытка создать видимость того, что диалог продолжается, как еще один шаг в «двойной игре», которую вело американское руководство⁴. Как свидетельствует А. Черняев, в Москве Э. А. Шеварднадзе был подготовлен проект ответа, который был

---

¹ По свидетельству Г. Киссинжера, понятие разрядки впервые обсуждалось в переписке между У. Черчилем и Д. Эйхзенхаузом. «Я не более, чем в Фултоне или 1945 г., настроен на то, чтобы одурачили русские. Однако я полагаю, что имеют место изменения во всемирном соотношении сил, в основном вследствие американских действий и перевооружения, но также вследствие кризиса коммунистической философии...» Черчилль надеялся, что «десять лет смягчения обстановки плюс плоды научного творчества создадут новый мир». Он более не предлагал глобального урегулирования, но провозглашал политику, которая позднее станет называться «разрядкой». (См.: Киссинджер Г. Дипломатия / пер. В. Львова. М.: НИЦ «ЛАДОМИР», 1997. С. 461.)

² См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

³ Абаренков В.П., Каламанов В.А., Кокошин А.А. Вопросы контроля и ограничение вооружений в советско-американских соглашениях // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 29-38; Белоус В.С. США: ядерные когти «ястребов». М.: Воениздат, 1986. 240 с.; Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989, 271 с.; Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М.: Прогресс, 1990, 180 с.; Марушкин Б. И. Американская историография «холодной войны»: Проблемы альтернативы // Современная зарубежная немарксистская историография. М.: Наука, 1989. С. 419-434; Савельев В.А. Президент Рейган, конгресс США и проблемы ограничения вооружения // Проблемы американистики. М.: Изд-во МГУ, 1989. Вып. 7. С. 172-194; Соломон Р. Советско-американское сотрудничество в условиях глобальных перемен // Международная жизнь. 1989. № 1. С. 53-60 и др.

⁴ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

отклонен после его обсуждения М.С. Горбачевым со своим помощником. В итоге было решено внести американскому президенту предложение о немедленной встрече, поскольку женевские переговоры по СНВ практически в тупике. Поэтому необходимо встретиться, чтобы обсудить ситуацию и дать новые импульсы, например, в Англии или Исландии¹.

Это предложение поддержали Э. А. Шеварднадзе, потом А.А. Громыко, Н. Рыжков, Е.К. Лигачев. Было подготовлено и срочно отправлено письмо президенту США, который через некоторое время ответил согласием на встречу и выбрал Рейкьявик («на равном удалении от обеих стран»). После получения положительного ответа от правительства Исландии, последовало сообщение о новом советско-американском саммите.

Историография проблемы свидетельствует, что на заседании Политбюро 8 октября 1986 года Генеральный секретарь предложил пойти на эту встречу со смелыми, но вполне реалистическими предложениями. Если они будут приняты, это будет означать, что действительно начнется процесс разоружения и нормализации мировой ситуации, если их отклонят — это обнаружим и разоблачим политику администрации США. Встреча обещала быть очень сложной, не исключались и неудачи.

Но советское политическое руководство учитывало и то, что американскому президенту трудно будет игнорировать надежды в мире на конструктивный исход встречи, позитивные результаты в Рейкьявике нужны ему и для собственного имиджа. Считалось, что за первые четыре года его администрация многое сделала для стабилизации экономики и «укрепления духа Америки», но был соблазн войти в историю и в качестве «президента мира», учитывая приближение выборов².

На Политбюро все были согласны в том, что Рейкьявик позволит улучшить облик нашей внешней политики, еще раз продемонстрирует советское стремление предотвратить новый этап гонки вооружений.

---

¹ См.: Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 гг. М.: РОС-СПЭН, 2010. С. 695–696.

² См.: Абрамов Ю. К., Антонова Л. А. Республиканцы перед выборами // США: экономика, политика, идеология, 1988. № 10. С. 32–41; Израэлян В. Л. Заметки к истории «холодной войны» // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 9. С. 46–56; Марушкин Б. И. Американская историография «холодной войны»: Проблемы альтернативы // Современная зарубежная немарксистская историография. М.: Наука, 1989. С. 419–434 и др.

«А вот у генералов, да и в МИДе, в группе, ведущей переговоры в Женеве, были сомнения. Уж очень они были «заиклены» на противостоянии, сказывались и корпоративные интересы военных. А некоторых переговорщиков просто устраивала такая ситуация: «сладкая жизнь» на валютных харчах, чем дольше переговоры, тем лучше»¹.

Когда же руководство приняло политическое решение, началась основательная подготовка. На заседании Политбюро была одобрена советская позиция и утвержден состав делегации: Э.А. Шеварднадзе, С.Ф. Ахромеев, А.Н. Яковлев, А.Ф. Добрынин, А.С. Черняев. Кроме того, предполагалась поездка журналистов, общественных деятелей, ученых, экспертов.

Анализ источников и мемуарных трудов показал, что мир, узнав о предстоящей встрече, уже загудел. Включились в обсуждение темы политические круги самой Америки. Правые запугивали Р. Рейгана, не гнушались всякими методами нажима на него. В ответ на появление шанса увести человечество от ядерной пропасти «ястребы» продолжали твердить об Америке как единственной силе, призванной «раздвинуть границы свободы», кричали о «крестовом походе». Президент понимал, что линия, которую ему навязывают, не сулит ничего хорошего. Чувствительный к внешнему давлению, он своими жесткими заявлениями как бы «отрабатывал» согласие поехать в столицу Исландии — Рейкьявик.

Встреча советского и американского лидеров состоялась 10 октября 1986 года она обозначила начало нового внешнеполитического курса СССР. На переговорах в Рейкьявике М.С. Горбачев предложил Р. Рейгану ликвидировать все ракеты средней дальности, при этом Советский Союз шел на большие уступки, чем США². Хотя инициатива советского руководства не была поддержана американской стороной, данное заявление имело большой международный резонанс.

Историография проблемы свидетельствует, что внешнеполитический курс М.С. Горбачева, большая роль в реализации которого отводилась министру иностранных дел того периода Э.А. Шеварднадзе, был встречен поначалу с естественным пониманием как в обществе, так и в армии. В жизни советского общества 1986 г. был переломным. Он был годом решительного

---

¹ См.: Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

² См.: Советско-американская встреча на высшем уровне, Рейкьявик, 11-12 окт. 1986 г. М.: Политиздат, 1986. 62 с.

поворота к перестройке, годом надежд на лучшее будущее. Внутри страны подавляющее большинство народа критику старых порядков, а также предлагаемые реформы одобряло. Люди считали правильными прямооту и откровенность, с которыми М.С. Горбачев повел дело. Встречи с коллективами трудящихся и открытость в общении все более повышали его популярность. Изменения, происходящие в самом руководстве, воспринимались как естественные. Уходили на пенсию пожилые или скомпрометировавшие себя руководители. На смену выдвигались новые государственные и политические деятели Н.И. Рыжков, Е.К. Лигачев, Э.А. Шеварднадзе, Л.Н. Зайков, Б.Н. Ельцин. Все они были известными в партии людьми с определенным запасом прочности по возрасту.

Одно за другим принимались далеко идущие и хорошо представляемые средствами массовой информации перспективные решения по вопросам научно-технического прогресса в народном хозяйстве, строительства жилья, здравоохранения, образования, производства товаров народного потребления, исправления положения в сельском хозяйстве.

Иной точки зрения придерживается президент Академии геополитических проблем генерал-полковник Л.Г. Ивашов. С приходом М.С. Горбачева сменилось практически все руководство, ведавшее внешней политикой и безопасностью. Ранее никто, никакое ведомство не могло игнорировать или каким-то образом корректировать мнение Минобороны и Генштаба в вопросах ограничения и сокращения вооружений. При новом Генсеке ситуация изменилась: была образована комиссия Политбюро ЦК, где заглавную роль стали играть Л.Н. Зайков — секретарь ЦК, Э.А. Шеварднадзе — министр иностранных дел, В.М. Чебриков — председатель КГБ. В состав Политбюро был введен А.Н. Яковлев, человек с явно выраженными проамериканскими взглядами.

Минобороны и Генштаб были отведены на вторые позиции. Первая проба сил произошла в 1986 году по проблеме ракет средней дальности. Позиция Минобороны заключалась в следующем: в формат переговоров должны включаться ракеты и самолеты с радиусом действия более 1000 км, дислоцированные в Европе, включая средства Великобритании и Франции¹. Победила точка зрения М. Горбачева и Э. Шеварднадзе при пассивной позиции Л. Зайкова и В. Чебрикова².

---

¹ См.: Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.

² См.: Ивашов Л. Безопасность России или очередное отступление? // Военно-промышленный курьер. 2010. № 7 (323). 24 февр.

Вместе с тем исследователями отмечается, что М.С. Горбачев хотел сказать свое собственное слово во внешней политике. Поэтому он решил поставить во главе МИДа своего единомышленника, не скованного установившимися взглядами в этой области. Бывшего министра иностранных дел А.А. Громыко, занимавшего этот пост с 1957 г., заменил в июне 1985 г. бывший секретарь ЦК КП Грузии Э.А. Шеварднадзе. Он никогда не занимался международными делами и вообще не имел никакого внешнеполитического опыта. Разрыв с прежними традициями проявился и в смене 10 из 12 заместителей министра иностранных дел; были назначены новые начальники почти всех управлений МИДа. Бывший в то время заместителем министра иностранных дел Г.М. Корниенко отмечает, что технику дипломатии новый министр освоил довольно быстро. Но для него было характерным недооценивать профессионализм в дипломатии, игнорировать дипломатические знания и опыт. Э.А. Шеварднадзе полагал, что привносящая во внешнюю политику новизна и смелость сами по себе перекроют любые изъяны в профессионализме. Эта черта в деятельности министра приводила иногда к существенным огрехам во внешней политике¹.

Вместе с тем, как свидетельствует историография проблемы, гласность и демократия получали свое плодотворное развитие. Тогда их еще не замутили потоком полуправды, а то и просто прямого обмана, которым позже станут обливать прошлое и настоящее нашего общества. Экономика еще продвигалась вперед, внушала надежды на улучшение жизни. В обществе уже чувствовалось, что оно должно стать другим, управляться по-новому. Но какой именно должна стать система управления, было еще неясно.

В 1986 г. была сформулирована новая советская внешнеполитическая концепция, на ее базе разработана новая военная доктрина. В октябре 1986 г., как отмечалось, состоялась новая встреча М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике. Для Советского Союза, да и для США она стала прорывом во многих отношениях².

В то же время 1986 г. был годом тяжелых испытаний. Продолжались гонка вооружений и война в Афганистане. В конце апреля произошла

---

¹ См.: Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992. С. 79, 81.

² См.: Беседы М.С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4, 5, 7, 8.

чернобыльская трагедия¹, резко осложнившая обстановку в стране и наложившая отпечаток на всю перестройку. Летом произошла катастрофа теплохода «Адмирал Нахимов» с большими человеческими жертвами. А 3 октября в Северной Атлантике затонула атомная подводная лодка «К-219» с ядерными боеприпасами на борту. Погибло пять человек, и авария опять (как и в Чернобыле) была связана с ядерной энергетикой².

Осенью 1986 г. СССР предложил вариант вывоза ракет средней дальности: СССР отводит РСД-10 «Пионер» за Урал, а США вывозят «Першинг-2» и крылатые ракеты наземного базирования в Северную Америку. Президент Р. Рейган согласился принять этот вариант. Однако 24 декабря 1986 г. против него в категорической форме выступила Япония. В Токио опасались, что СССР перенацелит РСД-10 «Пионер» на Японию. Против этого проекта 1 января 1987 г. выступила и КНР, где также опасались перенацеливания РСД-10 «Пионер» на китайские объекты. В итоге, когда в феврале 1987 г. СССР предложил проект «двойного нуля», США, учитывая интересы Японии, отказались от него³.

Вместе с тем историография проблемы свидетельствует, что у советских граждан начало формироваться понимание, что перестройка не простое дело, как это казалось в 1985 г., а трудное испытание на прочность всего общества⁴. Основные идеи нового внешнеполитического курса были сформулированы М.С. Горбачевым в книге, вышедшей в 1987 г.⁵, утверждавшего, что все идеологические и экономические разногласия между мировыми системами социализма и капитализма должны отступить перед необходимостью защиты общечеловеческих ценностей. В этом процессе страны-лидеры должны жертвовать своими интересами в пользу малых стран, общих целей мира и разрядки в силу того, что для выживания в ядерный век нужна взаимная добрая воля. Помимо Гене-

---

¹ См.: Доклад экспертной группы МАГАТЭ «О причинах аварии ядерного реактора РБМК-1000 на электростанции «Чернобыль» 26 апреля 1986 г.». Екатеринбург: Уралюриздат, 1996.

² См.: Мормуль Н.Г. От «Трешера» до «Курска». Петрозаводск, 2001. С. 68–69.

³ URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

⁴ См.: Бутенко А. П., Кадочникова Т. Г. Становление социалистического общества и казарменный социализм // Вопросы философии. 1990. № 6.

⁵ См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

рального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева и министра иностранных дел Э. А. Шеварднадзе, большую роль в разработке и реализации концепции «нового мышления» сыграл А. Н. Яковлев, с сентября 1988 г. занимавший должность председателя Комиссии ЦК КПСС по вопросам международной политики.

Однако для СССР 1987 год оказался годом трудного выбора, открытий и прорывов. Появились и новые препятствия. Трудно продвигались идеи перестройки на внутренних направлениях. К концу года политика односторонними уступок в высших армейских кругах стала вызывать сопротивление, поскольку вела к нарушению существовавшего военного паритета. Решения июньского Пленума, нацеленные на радикальные экономические реформы, натолкнулись на сопротивление управленческих структур всех уровней.

В 1987 году страны Варшавского договора выработали новую, сугубо оборонительную военную доктрину, предусматривающую сокращение в одностороннем порядке вооружений до пределов «разумной достаточности»¹. Наряду с идеями конверсии, реализуемой в СССР, принятие оборонительной доктрины демонстрировало желание СССР добиться реальных сдвигов в процессе разрядки напряжённости. Оказывало влияние и стремление снизить военные расходы (25 % госбюджета СССР).

Сопротивление новому курсу во внешней политике отдельных представителей военного руководства было предотвращено чисткой в армии после беспрепятственной посадки 28 мая 1987 г. на Красной площади самолета гражданином ФРГ Матиасом Рустом. Новым министром обороны 30 мая 1987 г. стал генерал армии Д. Т. Язов², сменивший на этом посту Маршала Советского Союза С. Л. Соколова.

По свидетельству М. С. Горбачева, на внешнем направлении 1987 г. также оказался насыщенным и сложным, несмотря на женевское принципиальное согласие руководителей сверхдержав о недопустимости

---

¹ См.: Совещание Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора, Будапешт, 10-11 июня 1986 г. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1986. 47 с.

² Дмитрий Тимофеевич Язов (р. 8 ноября 1924 г., Оконешниковский район Омской области) — советский военный и политический деятель, последний (по дате присвоения звания) Маршал Советского Союза (1990 г.) и предпоследний министр обороны СССР с 1987 г. по 1991 г., член ГКЧП. (URL: <http://ru.wikipedia.org/wiki> (дата обращения: 12.04.2016).

ядерной войны, содержательный диалог с руководством Франции, делийскую Декларацию, Заявление о поэтапном движении к безъядерному миру и сокращении всех вооружений, советско-американские договоренности в Рейкьявике, обозначившие новые горизонты разоруженческого процесса.

Как следствие в зарубежной печати развернули кампанию в целях убедить американцев, будто интересам США, Запада не отвечает успех внешнеполитических инициатив, идущих в рамках перестройки и нового мышления. В США стали демонстрировать мускулы, обвинять СССР во всех смертных грехах. Американцы, да и не только они, через средства массовой информации, манипулирование общественным мнением пытались перехватить инициативу в международных делах и навязать «игру» по своим правилам.

Первый замысел удержания советской инициативы разоружения был реализован 1 марта 1987 г. в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС по телевидению. Подтверждая приверженность СССР делу разоружения, была выделена проблема средних ракет в Европе из общего контекста ядерных вооружений. И как свидетельствуют исследователи, этим шагом вынудили американцев на ответную реакцию¹.

Этой реакцией стал визит в Москву Госсекретаря Дж. Шульца 14 апреля 1987 года, который имел поворотное значение в советско-американских отношениях.

По свидетельству М. С. Горбачева, Госсекретарь поставил в центр разговора вопрос о ракетах средней дальности, продолжении переговоров по стратегическим наступательным вооружениям. Но беседа по своим масштабам, проблематике вышла далеко за наметки, подготовленные загодя. Встреча впервые поднялась на уровень философских аспектов новой политики, роли и ответственности двух стран.

Вместе с тем в апреле 1987 г. встреча с Дж. Шульцем показала, что и в администрации США, да и на Западе вообще, еще нет понимания значимости переживаемого момента в мировой политике, необходимости кардинальных перемен. Поэтому там не смогли по достоинству оценить инициативы, исходящие от советского руководства. Слишком велика была приверженность прежней схеме — отсюда колебания, недоверие и неверие в нашу искренность. Превалировала точка зрения, что политика

---

¹ См.: Горбачев М.С. Борьба за мир и разоружение // Известия. 1987. 1 марта.

нового руководства СССР — очередной маневр для того, чтобы выиграть время, получить максимум выгод и использовать их для усиления своего влияния в мире.

И США и Запад в целом колебались, медлили, и в этом отношении показательно признание Дж. Шульца на конференции в Принстоне, что американцы не сумели в 1987 г. должным образом откликнуться на стремление Советского Союза форсировать улучшение отношений с Соединенными Штатами, они тоже потеряли время, хотя и чувствовали, что М. Горбачев был настроен очень серьезно и готов идти далеко.

Дж. Шульц много сделал, чтобы перевести договоренности в плоскость плодотворного сотрудничества. Вовлек в эту работу президента и его окружение, союзников. Интенсивней стали контакты, совместная работа министерств, генштабов, оживились женеvские переговоры.

Оценивая этот период времени, М. С. Горбачев отмечает, что ход переговоров, которые вели советские представители в Женеве и Стокгольме, был предметом специального обсуждения на Политбюро. Резко были поставлены вопросы о рутинном характере переговорных процедур, склонности к казуистике некоторых дипломатов, унаследованной от старых традиций. Были сделаны практические выводы — переговоры вывели на уровень Э.А. Шеварднадзе, С.Ф. Ахромеева. С преодолением препятствий и передачей ситуации под непосредственный контроль высших руководителей СССР и США, переговоры стали продвигаться значительно быстрее¹.

В сентябре 1987 г. Э. А. Шеварднадзе и Дж. Шульц подписали соглашение о создании центров по уменьшению ядерной опасности и два протокола к нему². Удалось достичь компромисса на переговорах, так как СССР согласился разработать единую классификацию по ракетам средней и малой дальности и включить в будущий договор ОТР СС-23, хотя они не попадали под определение ракеты средней и малой дальности. США в свою очередь обещали уничтожить и крылатые ракеты наземного базирования «Томагавк» и отказаться от развертывания в Центральной Европе ОТР «Ланс-2» с нейтронными боезарядами.

---

¹ См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

² См.: Хронология событий: март 1985 г. — декабрь 1991 г // Данные Горбачев-Фонда. (URL: <http://www.imcrkp.newmail.ru> (дата обращения: 18.05.2011).

Президент академии геополитических проблем генерал-полковник Л. Ивашов свидетельствует, что в результате этой «уступки» СССР сократил вдвое больше ракет средней дальности СС-20 (подвижный грунтовой комплекс, дальность пуска 5 тысяч км, три разделяющиеся боеголовки), более чем в два раза превосходивших американские «Першинги» (дальность 2 700 км, одна боеголовка) по боевым и техническим характеристикам. Плюс американцам была «подарена» лучшая на тот момент ОТР СС-23 «Ока», никоим образом не подпадавшая под Договор по ракетам средней и малой дальности. Просто Э. Шеварднадзе в апреле 1987 г. на вопрос госсекретаря США Дж. Шульца, согласна ли советская сторона подвести ракеты СС-23 под сокращение, незамедлительно ответил: «Для нас это не будет проблемой». Военных на этой встрече не было¹.

В октябре госсекретарь Дж. Шульц со своей командой прибыл в Москву. Эта новая встреча показала реальную возможность заключить Договор по средним ракетам в Европе.

Встретившись 23 октября 1987 г. в Кремле, стороны сосредоточили внимание на проблеме кардинального сокращения стратегических наступательных вооружений. В истекшие месяцы и в этой области было заметно большое продвижение, но американцев по-прежнему заботили советские тяжелые ракеты, а советское военно-политическое руководство — СОИ, стратегические самолеты. В поле зрения находились и мобильные стратегические ракеты наземного базирования. Детально и всесторонне подвергся рассмотрению вопрос о соблюдении Договора по противоракетной обороне 1972 г., невыходе из него по меньшей мере на протяжении 10 лет после подписания договора по СНВ.

Анализ историографии и мемуарных материалов показал, что вторая встреча с Дж. Шульцем, как и предыдущая, не ограничилась разоруженческой проблематикой. Советско-американские отношения были обсуждены теперь уже не только в философском, концептуальном плане, а в реальной плоскости. В этом смысле особенно показательна дискуссия в связи с ирано-иракской войной и участием в ней США.

Развитие советско-американских отношений начиналось с того, что СССР и США прошли этап первоначального прощупывания,

---

¹ См.: Ивашов Л. Безопасность России или очередное отступление? // Военно-промышленный курьер. 2010. № 7 (323). 24 февр.

философских рассуждений и общих оценок, а заодно и взаимной пикировки, «обстрела» претензиями и упреками¹. В результате американские партнеры признали, что пришла пора уходить от старого стиля ведения дел, отбросить инструментарий времен «холодной войны».

Чем шире разворачивалась дискуссия в мире вокруг перестройки в СССР, интенсивней становились контакты с политиками, влиятельными общественными организациями других стран, тем острее становилась необходимость в новых идеях, новых взглядах на проблемы, в поиске их решения. Все очевиднее становилось, что нужно заканчивать с противостоянием военно-политических блоков, поднимать роль международных организаций, и прежде всего ООН. В расколотом мире в годы «холодной войны» она не могла эффективно выполнять функции, возложенные на нее при основании и записанные в ее Уставе. Размышлениями на эту тему в сентябре 1987 г. М. С. Горбачев поделился в газете «Правда»².

О роли Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности в структуре силового баланса

Анализ историографии и мемуарных материалов показал, что во второй половине 1980-х гг. самой важной темой переговоров в советско-американских отношениях была проблема стратегических наступательных вооружений.

Визит в Вашингтон Генерального секретаря ЦК КПСС состоялся 7 декабря 1987 г., в его ходе был подписан первый Договор о ядерном разоружении — договор, по условиям которого стороны согласились уничтожить ракеты средней и малой дальности как класс ракет под контролем инспекторов. Подобного визита не было с 1974 г.

Шаг за шагом стороны продвигались навстречу друг другу в том, что касалось подуровней, крылатых ракет морского базирования, телеметрии, многих других частных, но весьма существенных проблем. Однако все упиралось в СОИ и противоракетную оборону. Какие ограничения налагает Договор по противоракетной обороне на испытания

---

¹ См.: Доклад об активных мероприятиях и пропаганде, 1986-87 гг. Впервые издано Государственным департаментом США. 1987. Август.

² См.: Горбачев М.С. Реальность и гарантии безопасного мира // Правда. 1987. 17 сент.

СОИ, что случится после окончания «периода невыхода» из этого соглашения — вот вопросы, составлявшие предмет страстных споров. Американцы добивались принятия совместного заявления, предусматривавшего право обеих сторон после десятилетнего периода разворачивать оборонные системы. СССР настаивал на том, что Договор по противоракетной обороне автоматически останется в силе и каждая из сторон обязана будет не менее чем за полгода сообщить о своем намерении выйти из него.

Дискуссии по стратегическим наступательным вооружениям продолжались практически на протяжении всего визита, а работа над положениями, относящимися к Договору по противоракетной обороне, продолжались практически до конца встречи на высшем уровне. Наконец обе стороны согласились с формулой, в соответствии с которой стороны будут соблюдать Договор в том виде, в каком он был подписан в 1972 г., исследования, разработки, испытания в рамках СОИ не должны противоречить этому договору, США и СССР не выйдут из договора какое то время.

По свидетельству М. С. Горбачева, потом были Договоры СНВ-1 и СНВ-2, но все началось с Договора о ликвидации ракет средней и малой дальности, подписанного 7 декабря 1987 г.¹ Не будь его, вряд ли появились бы последующие. Да и в мире многое могло оказаться другим — ведь сам Договор по ракетам средней и малой дальности был первым зрелым плодом изменившейся ситуации, началом пути по выходу из «холодной войны»².

Участники договора обязались не производить, не испытывать и не развёртывать БР и КА наземного базирования средней (от 1 000 до

---

¹ Следует, однако, отметить, что окончательно эта классификация была введена только договором 1987 г. До его подписания в США баллистические ракеты делились на межконтинентальные (свыше 5 000 км), средней (от 500 до 5 000 км) и меньшей (от 150 до 500 км.) дальности. В СССР до середины 1980-х гг. выделялись и оперативно-тактические ракеты (от 1 до 500 км). В США тактические (оперативно-тактические) ракеты имели дальность полета от 1 до 150 км. В 1987 г. была окончательно установлена новая классификация. Поэтому применительно к периоду до середины 1980-х гг. в исторических работах правомерно использование обеих классификаций. (См.: Волков Е.Б. Договор СНВ-2 и военно-стратегическое равновесие. М.: ГШ РВСН ЦИПК, 1994.)

² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

5 500 км) и малой (от 500 до 1 000 км) дальности. Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности вступил в силу 1 июня 1988 г.¹ Согласно ст. 3 Договора, уничтожению подлежали как ракеты средней и малой дальности, так и крылатые ракеты (табл. 12).

Таблица 12

Сокращение ракет средней и малой дальности

СССР	США
<i>Ракеты средней дальности</i>	
1. РСД-10 «Пионер», «Р-12», «Р-14» (по классификации НАТО, «СС-20», «СС-4» и «СС-5» соответственно)	1. «Першинг-2»
2. Крылатые ракеты наземного базирования РК-55 (по классификации НАТО — SSC-X-4 «Slingshot»)	2. «BGM-109G» (крылатая ракета Tomahawk наземного базирования)
<i>Ракеты малой дальности</i>	
1. ОТР-22 «Темп-С»	1. «Першинг-1А»
2. ОТР-23 «Ока» («СС-12» и «СС-23»)	

Историография проблемы свидетельствует, что политическое значение договора огромно. Он позволил поставить на деловую почву переговоры о более значительном 50 % сокращении стратегических наступательных вооружений СССР и США. Советский Союз, страны Варшавского Договора были готовы и дальше делать шаги к разоружению, но не только США, но также Англия и Франция не желали расставаться со статусом ядерных держав. США упорно не желали брать обязательство первыми не применять ядерное оружие. В странах НАТО срочно разрабатывались планы «компенсации и довооружения» взамен уничтожаемых ракет. Но более опасную угрозу представляли планы США относительно милитаризации космоса².

В соответствии с договором стороны в течение трёх лет должны были уничтожить все пусковые установки и ракеты наземного

¹ В августе 1988 г. был создан штаб по ликвидации ракет средней дальности под непосредственным контролем инспекционных групп США методом пуска с полевых позиций. Всего проведено 72 пуска из районов г. Чита и г. Канск. Все пуски были успешными (прим. авторов).

² См.: Галимов А.Х., Юрин В.Н. История создания и развития отечественного ракетного оружия и Ракетных войск. М.: МО СССР, 1988. С. 85.

базирования с радиусом действия от 500 до 5 500 км, включая ракеты как на европейской, так и на азиатской территории СССР.

Вместе с тем Договор о ликвидации ракет средней и малой дальности был первым в истории случаем договорённости о реальном сокращении имевшихся вооружений. Договор также предусматривал процедуры проверки инспекторов, которым надлежало следить за уничтожением ракет противоположной стороны. В течение трех лет Советский Союз брал на себя обязательство демонтировать 1 752 ракеты, США — 869. Арифметический проигрыш компенсировался общим снижением напряженности, началом реального процесса разоружения¹.

По свидетельству М.С. Горбачева, советские военные специалисты, прекрасно понимали, что размещение СС-20 было не адекватным, потому как против «Першингов-2» у СССР не было защиты. Маршал С. Ф. Ахромеев — «крупный военный специалист, прямой, честный человек не скрывал своего отрицательного отношения к этой пагубной затее и сыграл большую роль в том, чтобы ликвидировать опасность». Глава советского государства имел возможность лично убедиться в масштабах опасности, побывав в Подмоскowie на одном из оборонных объектов и встретившись с экспертами высшего класса. Практически целый день он слушал доклады (с Генсеком были представители политического руководства, военно-промышленного комплекса, Совета Министров СССР) о возникшей ситуации. Особенно «докапывался», есть ли у нас средства, способные отразить атаку «Першингов». И получил ответ (разумеется, на тот момент), что таких средств нет².

Генеральный секретарь М. С. Горбачев до поездки в США еще 4 февраля 1987 г. лично посетил строящуюся радиолокационную станцию системы противоракетной обороны «А-135» (п. Софрино Московской области), где заслушал доклады руководителей работ, встретился со строителями объекта. В ходе этих встреч подтвердились опасения об отсутствии на тот момент защиты от «Першингов». Впоследствии, в

---

¹ К июню 1991 г. договор был выполнен полностью, в соответствии с ним СССР уничтожил 1 846 ракетных комплексов (из них около половины — произведённые ракеты, не находившиеся на боевом дежурстве); США — 846 комплексов (*прим. авторов*).

² См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

1989 г. под председательством руководителя государства М. С. Горбачева прошло заседание Совета Обороны, на котором было принято решение об усовершенствовании системы противоракетной обороны в целях расширения ее боевых возможностей¹.

Как утверждает М. С. Горбачев, «подписанием Договора по ракетам средней и малой дальности мы, по сути дела, отвели пистолет от виска страны. Я уж не говорю об огромных, ничем не оправданных материальных затратах, связанных с производством и обслуживанием СС-20, которые пошли на потребу военно-промышленного комплекса, этого всепожирающего молоха»². Поэтому, надо было действовать как можно быстрее, пока программа установки американских ракет средней дальности не была полностью реализована. Если бы это произошло, НАТО вряд ли захотело бы поступиться обретенным преимуществом. Не утверждаю этого безапелляционно, но, во всяком случае, при таких условиях было бы труднее заключить Договор по ракетам средней и малой дальности³.

Договор, помимо его основного назначения, содержал много полезного, что должно было понадобиться уже в ближайшее время для работы над соглашением о стратегических наступательных вооружениях.

---

¹ См.: Голубев О.В., Каменский Ю.А., Минасян М.Г., Пупков Б.Д. Российская система ПРО: прошлое и настоящее — взгляд изнутри. М.: Техноконсалт, 1994. С. 68.

² М.С. Горбачев утверждал, что министр обороны СССР Д. Ф. Устинов доложил Л. И. Брежневу, что ракеты малой дальности, дислоцированные в европейской части СССР, устарели, их надо заменить. Но суть состояла не в «устарелости». Исследовательские работы по совершенствованию оружия подвели к возможности создания ракет СС-20, намного превосходивших своих предшественников по дальности, точности, управляемости — по всем параметрам. По существу, они имели стратегические характеристики. Под каким бы предлогом ни принималось решение о размещении СС-20, какие бы аргументы на этот счет ни использовались, такие люди, как Ю.В. Андропов, А.А. Громыко, в не меньшей мере и А.Н. Косыгин, хорошо понимали, чем оно грозит. Но никто по-настоящему не просчитал вероятной реакции Запада.

Откровенно говоря, такое наше решение отвечало интересам Соединенных Штатов в «холодной войне». Но не только и, может быть, не столько. В результате принятых НАТО ответных мер под угрозой оказалась безопасность Советского Союза, так как под удар «Першингов-2» попадала самая населенная часть страны. Они достигали целей не более чем за 5 минут, и защиты против них у нас практически не было. (См.: Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.).

³ См. там же.

Особенно это касалось проблемы контроля. Стороны выходили на новую ступень доверия в советско-американских отношениях, начинали реальный процесс разоружения, создавали систему безопасности, основанную уже не на угрозе взаимного уничтожения, а на комплексном сотрудничестве¹.

Договор по ракетам средней и малой дальности в советско-американских отношениях стал первым практическим шагом на пути к ядерному разоружению. В соответствии с ним предстояло ликвидировать целый класс оружия. Кроме того, в одностороннем порядке было принято решение о сокращении вооруженных сил СССР на 500 тыс. человек.

Результаты исследования историографического материала показали, что на сессии Генеральной ассамблеи ООН в Нью-Йорке 8 декабря 1988 г. в речи М.С. Горбачевым в развернутом виде была представлена концепция нового политического мышления². Во-первых, она утверждала приоритет общечеловеческих ценностей, их преобладающее значение по отношению к интересам отдельных держав и социальных групп. Советский Союз отказывался от тезиса о том, что в международной политике главенствуют классовые ценности и интересы классовой борьбы во всемирном масштабе. По сути, это означало призыв к деидеологизации международных отношений, разрыв с традицией политического и силового противопоставления Востока и Запада по принципу будто бы присущей им ориентации на защиту противоположных классовых интересов. Во-вторых, в ряду общечеловеческих ценностей главной провозглашалось выживание человечества. В центр международных отношений помещалась проблема обеспечения мира и устранения угрозы мировой ядерной войны. Этот интерес провозглашался всеобщим и объединяющим («синтезирующим») для всех стран мира, независимо от их общественного строя, идеологии, силы, величины и т.д.

Из концепции нового политического мышления для внешней политики СССР следовали важные установки, главными из которых во второй половине 1980-х г. были:

---

¹ См.: Александров В.В. На пути к безопасному миру (Поэтапная ликвидация ядерного оружия). М.: Знание, 1991. 64 с.

² См.: Горбачев М.С. в Нью-Йорке 6-8 декабря 1988 г.: документы и материалы. М.: Политиздат, 1988. 31 с.

1) достижение компромисса с США в вопросах сокращения потенциалов стратегических вооружений;

2) экономическое и политическое сближение с западноевропейскими странами, в том числе ценой возможных уступок в вопросах объединения Германии;

3) нормализация межгосударственных отношений с КНР и расширение советско-китайского политического и экономического сотрудничества;

4) сотрудничество с Западом в урегулировании региональных конфликтов в Азии, Латинской Америке и Африке;

5) содействие реформированию политических режимов стран Восточной Европы по образцу реформирования СССР, каким его представляло себе новое советское руководство;

6) изменение политики в отношении прав человека и приведение внутреннего законодательства и политической практики СССР в большее соответствие международным нормам.

Дальнейшее изучение историографического материала свидетельствует о реализации провозглашенного нового политического мышления советским руководством. СССР начал вывод своих войск из Афганистана, а ровно через год после вашингтонской встречи последний солдат 40-й армии вернулся домой. Весной 1989 г. Президиум Верховного Совета СССР принял указ о сокращении армии на 500 тыс. человек, а также расходов на оборону на 14,2 %. Вывод советских войск из Афганистана наряду с возвращением вьетнамских войск из Кампучии сделал возможным диалог с Китаем. В мае-июне 1989 г. Горбачев совершил поездку в Китай, где были урегулированы спорные территориальные вопросы. СССР пошел на изменение границ по фарватеру пограничных рек.

Важнейшим направлением курса Горбачева-Шеварднадзе становится идея строительства «общеевропейского дома»¹.

Главными же событиями 1989 г. стали социально-политические перемены в Восточной Европе, где разразились антикоммунистические «бархатные революции». Руководители СССР, занимая позицию невмешательства, фактически приветствовали этот процесс, рассматривая его как неизбежный ход исторического развития, как «базу перемен,

---

¹ См.: Бромлей Ю. В. Мы живем в одном доме // Известия, 1988. 23 апр.

сближающих европейские страны». Правительства большинства коммунистических восточноевропейских стран были вынуждены уйти в отставку или были свергнуты. Долго сдерживаемый СССР социальный взрыв в условиях нового мышления и отсутствия контроля со стороны Советского Союза реализовался в ряде буржуазно-демократических революций.

Переломный характер в развитии советско-американских отношений носила встреча в декабре 1989 г. Генерального секретаря ЦК КПСС и президента США Дж. Буша на Мальте¹. Там не заключались какие-либо конкретные договоренности, но готовность договориться возникла по самым кардинальным направлениям. В военно-политической области — решено подписать советско-американский договор о 50 % сокращении стратегических наступательных вооружений, многостороннее соглашение о сокращении обычных вооруженных сил и вооружений в Европе, советско-американское соглашение о сокращении арсеналов химического оружия.

Дж. Буш не скупился на обещания покончить с «экономической войной» против СССР, допустить Советский Союз в международные экономические и финансовые организации, снять ограничения, тормозящие торговлю. В обмен на обещания всеяческих послаблений в экономической сфере советская сторона, считали одни, шла на беспрецедентные односторонние уступки в военной и политической сферах. Эта оценка исходила от сторонников сохранения СССР как сильной державы. Они прямо называли Мальту местом, где был «сдан СССР, произошла его капитуляция в «холодной войне». Что же касается защитников идеи радикальной ликвидации «советской империи», то они приветствовали договоренности и призывали Горбачева еще решительнее демонтировать советскую военную мощь. Так сформировались две основные точки зрения на новое мышление во внешней политике и результаты этой политики.

Во время переговоров в декабре 1989 г. на Мальте было намечено приступить в ближайшем будущем к 50 %-ному сокращению стратегических наступательных вооружений. Предусматривалось снижение

---

¹ Перед встречей в верхах, впервые первые советские ракетные части и соединения 12-22 июня 1989 г. посетил Председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США ген. У. Кроу // Красная звезда. 1989. 22 июня.

численности войск в Европе, радикальное сокращение запасов химического оружия. На встрече с канцлером ФРГ Г. Колем в Москве (февраль 1990 г.) М. Горбачев согласился с возможным воссоединением Германии, при этом не был оговорен выход ФРГ из структур НАТО. И уже 3 октября 1990 г. ГДР прекратила свое существование.

В 1990 г. М. С. Горбачев получил Нобелевскую премию мира. Реакция в Советском Союзе была двойственной: с одной стороны, в 1989 г. закончилась афганская война, опасность нового конфликта также снижалась, с другой стороны, СССР терял свои позиции в мире. Авторитет Горбачева возрастал обратно пропорционально падению престижа Советского Союза.

Внутриполитический кризис в СССР в 1990-1991 гг. ослаблял внешнеполитические позиции советского государства. Советский Союз практически самоустранился от разрешения региональных конфликтов, что показали иракско-кувейтская война и операция «Буря в пустыне» (1991 г.). Теряло значение в новых условиях сотрудничество СССР и стран Восточной Европы. Свое существование Совет Экономической Взаимопомощи (СЭВ) прекратил 28 июня 1991 г. Главы делегаций Болгарии, Венгрии, Польши, Румынии, Чехословакии и Советского Союза 1 июля 1991 г. подписали в Праге протокол о прекращении действия Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи от 14 мая 1955 г.

В мае 1991 г. была завершена ликвидация ракет средней дальности (РСД-10, Р-12, Р-14).

Наиболее значительным документом этого периода стал Договор об ограничении стратегических наступательных вооружений (СНВ-1)¹, подписанный представителями США и СССР в июле 1991 г. в Москве и предусматривающий сокращение различных видов наступательного оружия.

Президент России 26 октября 1991 г. подписал распоряжение «О прекращении испытаний ядерного оружия на полигоне Новой Земли».

---

¹ В нем были установлены равные лимиты на общее количество носителей ядерного оружия (межконтинентальных баллистических ракет, БР подводных лодок, тяжелых бомбардировщиков) — по 1600 единиц, а также определено сокращение числящихся за этими носителями ядерных боезарядов — до 6000 единиц (*прим. авторов*).

Указом Президента 12 ноября 1991 г. СССР предусматривалось создание нового вида Вооруженных Сил СССР — Стратегических сил сдерживания (на базе РВСН, систем предупреждения о ракетном нападении, контроля космического пространства, противоракетной обороны и управления начальника космических средств). Главнокомандующим стратегическими силами сдерживания был назначен генерал армии Ю.Н. Максимов. В связи с распадом СССР указ в дальнейшем реализован не был.

В декабре подписаны Беловежские соглашения, которые привели к распаду СССР как единого государства. Группировка РВСН была расчленена на составные части: на территории России осталось 1 035 ПУ межконтинентальных баллистических ракет; в Украине — 176; в Казахстане — 104; в Белоруссии — 72.

Таким образом, проведенный анализ научной и общественно-публицистической литературы, посвященной проблеме разоружения стратегических вооружений в советско-американских отношениях в 1985–1991 гг. позволяет сделать следующие выводы.

К началу 1980-х гг. в мире насчитывалось огромное количество ядерных боеприпасов. Над человечеством нависла реальная угроза не только уничтожения участников ядерной войны, но гибель всей цивилизации и жизни на планете. Военные расходы, экономические трудности государств также способствовали пониманию лидеров о необходимости снижения бремени, обусловленного стратегическими ядерными наступательными и оборонительными вооружениями.

Историография проблемы свидетельствует, что лишь в 1985 г. президент США, ведущей державы Североатлантического блока, согласился с СССР в том, что ядерная война не должна быть развязана и в ней не может быть победителей.

Встреча в Женеве (1985 г.) позволила яснее понять характер разногласий, снять часть накопившихся предрассудков. Стороны договорились обменяться визитами на высшем уровне, развивать двустороннее сотрудничество, продолжать и расширять консультации по региональным проблемам. В ходе женевской встречи произошел прорыв в советско-американских отношениях и мировой политике, появился шанс отвести от мира ядерную угрозу.

Вместе с тем, попытка достичь соглашения М. С. Горбачёва и Р. Рейгана на переговорах в Женеве в ноябре 1985 г. завершилась неудачей. США отказывались вывести ракеты средней дальности из Европы, а СССР был близок к повторной блокировке пакета.

Но после того, как Генеральный секретарь ЦК КПСС провозгласил в январе 1986 г. программу поэтапной ликвидации ядерного оружия во всём мире, СССР пошёл на ряд серьёзных уступок. На последующей встрече в Рейкьявике глав двух сверхдержав, СССР согласился «разблокировать пакет» — вести переговоры по ракетам средней дальности отдельно от СОИ.

Договор по сокращению ракет средней и малой дальности в декабре 1987 г. (вступил в силу 1 июня 1988 г.) стал первым документом, приведшим к полной ликвидации целого класса ядерных вооружений. В соответствии с договором стороны в течение трех лет обязались уничтожить все пусковые установки и ракеты наземного базирования с радиусом действия 500 — 5 500 км, включая ракеты на европейской и на азиатской территории СССР.

Анализ научной и мемуарных трудов, общественно-публицистической литературы, посвященной проблеме разоружения стратегических вооружений в советско-американских отношениях в 1980-х гг. показал, что в отечественной историографии существует два мнения относительно Договора 1987 г.

Первая точка зрения отражает мнение, что, с одной стороны, и Министерство обороны, МИД, эксперты, работавшие под руководством ГШ ВС СССР, были согласны в том, что постановка вопроса о ракетах меньшей и малой дальности была обоснована. Ракета меньшей дальности по техническим данным практически выходила на нижний уровень, при незначительной модернизации и снижении веса она могла бы запускаться на более далекие расстояния. Настаивая на сохранении этой ракеты, СССР рисковал получить ситуацию, аналогичную той, какую создало размещение СС-20 и «Першингов-2», тем более существовала уже программа модернизации аналогичной американской ракеты. С другой стороны, Договор по ракетам средней и малой дальности нанес ущерб безопасности СССР и принес экономические потери, нарушил баланс интересов, что М. С. Горбачев пошел на него лишь ради того, чтобы подкрепить свои амбиции насчет «нового мышления».

Противоположное мнение выражено только в положительной оценке Договора по сокращению ракет средней и малой дальности и сделанных уступках по сокращению ОТР СС-23, не попадавших под категорию ракеты средней и малой дальности. По свидетельству М.С. Горбачева, размещение ракет СС-20 в Европе отражало стиль политики тогдашнего руководства, методы принятия решений, имевших серьезные последствия для страны. Это важнейшее решение, затрагивающее интересы не только СССР, но Европы и мира, было принято без анализа последствий политического и стратегического порядка. Поэтому в интересах начала разоруженческого процесса на данных условиях и был заключен Договор по ракетам средней и малой дальности 1987 г.

Вместе с тем политическое значение договора огромно. Он позволил поставить на деловую почву переговоры о более значительном 50 % сокращении стратегических наступательных вооружений СССР и США. Советский Союз, страны Варшавского Договора были готовы и дальше, но не только США, но также Англия и Франция не желали расставаться со статусом ядерных держав. США упорно не желали брать обязательство первыми не применять ядерного оружия. В странах НАТО срочно разрабатывались планы «компенсации и довооружения» взамен уничтожаемых ракет. Но более опасную угрозу представляли планы США относительно милитаризации космоса.

Исторические факты проявления «холодной войны», отраженные в историографии о советско-американских отношениях свидетельствуют, что достигнутый баланс стратегических ядерных сил, технологический и научный паритеты в ракетостроении, изменения военно-политической обстановки в конце 1980-х — 1990-х гг. позволили по-новому осмыслить и оценить бесперспективность гонки вооружений, пойти на обоюдное сокращение ядерных вооружений. Однако распад СССР знаменовал конец советской политики разоружения в советско-американских отношениях в исследуемый период.

Глава II. МЕЖДУНАРОДНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ И СТРАТЕГИЧЕСКАЯ СТАБИЛЬНОСТЬ НА РУБЕЖЕ XX — XXI вв.

2.1. США во внешней политике РФ в 1992–2010 гг.

Поиск внешнеполитических приоритетов обновленной Россией

В процессе самоопределения России вопрос о необходимости разработки концепции ее внешней политики, в том числе и основ российско-американских отношений, возник с самого начала, в 1991-1992 годах. Перед руководством страны, намного сократившейся территориально и не имевшей такого влияния и веса в международных делах, какой был у СССР, но объявившей себя его правопреемницей, стала нелегкая задача — определить свое место на мировой арене, обозначить приоритеты и национальные интересы государства. Основное влияние на характер внешнеполитической деятельности России в рассматриваемый период оказывали новые взгляды президента Б. Ельцина, позиция тогдашнего министра иностранных дел А.В. Козырева, а также связанной с ними политической и научной элиты.

Создание Российской Федерации сопровождалось эйфорией по поводу международных перспектив нового самостоятельного государства. У большинства российских лидеров и населения существовала уверенность в том, что по мере демократизации страна успешно интегрируется в сообщество цивилизованных государств, объединяемых понятиями Запада или «общеевропейского дома». Ожидалась и массивная экономическая помощь в рамках нового «плана Маршалла». Запад, в свою очередь, рассчитывал на быструю трансформацию России в развитую демократию с процветающей рыночной экономикой, занимающую солидарную с ним позицию по основным вопросам международной политики.

Российскую политику начала 1990-х гг. отличал очевидный американоцентризм. Даже мысль о существовании «единственной сверхдержавы» отвергалась. «Гегемония Соединенных Штатов, которой нас пугают, и разговоры о единственной сверхдержаве — все это стереотипы и зашоренность. Никакой единственной сверхдержавы нет», —

подчеркивал Козырев, выдвигая план стратегического союза с США, позднее трансформированный в идею стратегического партнерства.¹ Трансформация взглядов страны на Запад и его внешнюю политику, пересмотр многих положений прежней идеологии, возраставшие экономические и другие внутренние трудности сопровождалась пересмотром политики СССР в отношении социалистических стран, международного коммунистического движения, стран «третьего мира».

Испытывая вначале значительное воздействие горбачевского «нового мышления» на внешнюю политику «новой России», ее лидеры чем дальше, тем больше стали внедрять новые внешнеполитические установки. Они заключались в следующем — Россия отказывается от своих прежних идеологических установок, мировоззрения, которые являлись причиной прежней конфронтации, проводя демократические реформы внутри страны, берет курс на сближение с Западом (партнерство) на основе общности демократических идей, идеалов и ценностей.

Данная стратегия начала реализовываться на практике. Горя желанием в сжатые сроки построить в России «демократическое государство с процветающей рыночной экономикой», новые власти рассматривали Запад как главного политического и идеологического союзника, основной источник экономической помощи, необходимой для проведения внутренних реформ, а также как образец для подражания.

Отказавшись от прежних идеологических установок, которые российское руководство объявило почти единственной причиной конфронтации в холодной войне, президент Ельцин и министр иностранных Козырев дел неоднократно подчеркивали, что Россия и США имеют «общие интересы и поддерживают хорошо отрегулированные и основанные на партнерстве» отношения, благодаря чему «паритет в ядерной мощи перестал быть необходимым». Выступая на заседании Совета безопасности ООН 31 января 1992 г. президент РФ Б. Ельцин выделил то обстоятельство, что Россия теперь разделит с Западом основополагающие внешнеполитические принципы: «главенство демократических прав и свобод личности, законности и морали».²

---

¹ Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2004. С. 729.

² Послание Президента Ельцина участникам конференции // Дипломатический вестник. 1996. № 2. Март. С. 29.

Но цельной официальной концепции, лежащей в основе отношений двух стран, вначале не существовало. Российская внешняя политика в целом «плыла по воле волн», реагируя, как правило, на текущие события.

Попытка заложить официальные основы внешней политики России была предпринята в феврале 1992 года на научно-практической конференции в МГИМО МИД РФ «Преображенная Россия в новом мире». В послании президента Ельцина к участникам конференции отмечалось: «Наша внешняя политика впервые исходит из отсутствия у России противников, даже потенциальных...» В отношениях с западными странами ставка делалась на Соединенные Штаты как лидера «цивилизованного мира», играющего главную роль в таких организациях как НАТО, МВФ, МБРР и других институтах.

Тогдашний посол России в США В.П. Лукин на конференции в продолжение выше изложенного высказал более конкретную точку зрения о роли США в российской внешней политике: «США были и остаются наиболее важной для нас страной на некоторый обозримый период» как «страна, которая в состоянии организовать очень многое для нас, если она захочет это сделать, или, наоборот, дезорганизовать. Наша важнейшая задача в этом направлении с точки зрения пользы для нашей страны — следить за политикой США и стараться повлиять на нее»¹.

Российская дипломатия наивно полагала, что с учетом таких установок Запад пойдет на сотрудничество и даже на жертвы для «становления в России демократии и рыночной экономики», содействия России в нахождении новых экспортных рынков² на основе «общности демократических ценностей и взаимно дополняющихся национально-государственных интересов»³.

В этот период во внешней политике Российской Федерации представление о национальных интересах государства было довольно смутным, размытым. Козырев пытался сводить их в духе «нового мышления» Горбачева к «общечеловеческим, универсальным ценностям в рамках международного права»⁴.

---

¹ Международная жизнь. 1992. № 3-4. С. 25.

² Речь Козырева в МИД РФ на заседании Совета по внешней политике РФ // Дипломатический вестник. 1992. № 15-16. С. 45.

³ Козырев А.В. Преображение. С. 226-228.

⁴ Там же. С. 73.

Такова была официальная установка руководства дипломатического ведомства, исходившая главным образом из благих пожеланий. Надо отметить, что США и другие страны Запада поспешили воспользоваться в своих интересах, где только могли, готовностью России идти на союз с ними, но отнюдь не торопились ответить полной взаимностью на ее «объяснения в любви».

Жизнь чем дальше — тем больше убеждала в ошибочности и бесперспективности односторонней прозападной ориентации и способствовала постепенному отрезвлению политического руководства России. Президент Ельцин в октябре 1992 года выступил в МИД РФ с критикой внешнеполитической деятельности этого ведомства. Он, в частности, отметил, что «в основе российской внешней политики может быть лишь одна идеология — идеология интересов Российской Федерации... Россия воспринимается сейчас на Западе как государство, говорящее только «да», государство, которое иногда не замечает, как по отношению к нему другие не выполняют своих обязательств, которое молча сносит обиды и даже оскорбления»¹.

Слишком уж очевидным становилась ущербность крена в сторону союза с Западом в роли младшего партнера, а также отсутствия четкой концепции, в результате чего важные текущие вопросы решались походя.

В конце 1992 года определенный сдвиг в официальных установках все же произошел. Министерство иностранных дел при участии Совета по внешней политике разработало Концепцию внешней политики Российской Федерации. Правда в ней среди стран дальнего зарубежья первая роль отводилась США, «так как развитие полнокровных отношений с Соединенными Штатами способствует созданию благоприятной внешней среды для проведения внутренних реформ в России»².

Уже в 1993 г. уязвимость политики Козырева и самой личности министра иностранных дел России стала очевидной, в том числе и для американской администрации в лице госсекретаря США У. Кристофера и первого заместителя госсекретаря США Ст. Тэлботта. В конце февраля 1993 года состоялась первая встреча Козырева с государственным секретарем У. Кристофером. По мнению Кристофера и Тэлботта, Козырев

---

¹ Независимая газета. 28.10.1992.

² Концепция внешней политики РФ // Дипломатический вестник. 1993. Январь. С. 11-14.

действовал по принципу — «делайте, как мы говорим, или вам придется иметь дело кое с кем похуже»¹. В дальнейшем, по словам Тэлботта, общаться ему с Козыревым было легче, отчасти от того, что он избегал официальных встреч, во время которых его окружали подчиненные, многих из которых он не любил, не доверяя им².

Серьезнейший удар по козыревской политике был нанесен открывшейся перспективой расширения НАТО вопреки многочисленным заверениям, данным западными лидерами еще М. С. Горбачеву, что этого никогда не произойдет. Американоцентризм не улучшал отношения с Западом, но закрывал многие другие дипломатические направления — в том числе в Азии и в мусульманском мире. Внутри страны Козырев не стремился к созданию даже видимости консенсуса вокруг внешнеполитического курса, а сознательно заострял идеологическое измерение своей политики, объявляя своих критиков «красно-коричневыми». Его курс стал ассоциироваться с узким идейным течением, терявшим позиции внутри страны. А коль скоро стержнем политики объявлялось вхождение в западное сообщество», от участвовавших атак на Козырева страдала правильная сама по себе идея сотрудничества России с Западом³.

В 1994 году руководство МИД России сформулировало свою трактовку политики партнерства с США. Козырев писал: «полномасштабное партнерство — это взаимное признание друг друга в качестве государств — единомышленников, приверженных общим демократическим ценностям, нормам ООН и СБСЕ, и предусматривающее необходимость не только взаимного информирования о принятых решениях, но и предварительное согласование подходов»⁴.

Такая формулировка понятия «партнерство» существенно отличалась от американского понимания этого термина и от того смысла, который руководители США вкладывали в него.

Весь 1995 г. Козырев продержался только на поддержке Ельцина, который все более и более становился недоволен его деятельностью.

---

¹ Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. N.Y.: Random House, 2002. P. 48-49.

² Talbott S. Op. cit. P. 75-76.

³ Иванов И.С. Новая российская дипломатия: Десять лет внешней политики страны. М., 2002. С. 34.

⁴ Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 4.

Особенно негативно президент отнесся к начатым министром консультациям с администрацией США об условиях расширения НАТО, которые Ельцин воспринял как покушение на его всевластие. Последний раз глава государства публично выразил недовольство Козыревым в сентябре 1995 г. после натовских бомбардировок в Боснии и Герцеговине.

В 1995-1996 гг. в официальных установках российского руководства по вопросам внешней политики появляются некоторые коррективы. Это видно в первую очередь из документов руководства страны. В Послании президента РФ Ельцина Федеральному Собранию от 16 февраля 1995 года в последовательности приоритетов США «поменялись местами» со странами Центральной, Восточной и Западной Европы. И если в 1992 году взаимодействие с США сводилось к тому, чтобы добиться (а вернее выпросить) содействия Соединенных Штатов в различных сферах деятельности Российского государства, то в 1995 году в президентском Послании говорится уже о равноправном сотрудничестве двух стран¹.

Перемены во внешнеполитическом курсе обозначились более отчетливо после назначения 9 января 1996 года новым министром иностранных дел Е.М. Примакова, который уже на первой своей пресс-конференции сказал о необходимости равноправного, взаимовыгодного, учитывающего интересы друг друга партнерства с бывшими противниками по холодной войне².

В свете новых реалистичных внешнеполитических подходов в Послании Президента РФ Федеральному Собранию «О национальной безопасности» от 1996 года говорилось следующее: «В подходах США к России просматривается определенная двойственность. С одной стороны, США не заинтересованы в появлении на мировых рынках и в мировой политике сильного конкурента, с другой — в долгосрочной перспективе США должны быть заинтересованы в том, чтобы Россия была достаточно консолидированным центром силы, играющим стабилизирующую роль в Евразии»³.

---

¹ Из Послания президента РФ Федеральному Собранию от 16 февраля 1995 года // Дипломатический вестник. 1995. № 3. С. 3, 6.

² Дипломатический вестник. 1996. № 7. С. 3-4.

³ О национальной безопасности. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Дипломатический вестник. 1996. № 7. С. 24-25.

Через год, в марте 1997 года, президент Ельцин в Послании Федеральному Собранию говорил, что «наша цель — отстаивать национальные интересы России, не сползая к конфронтации, а укрепляя основы стабильности и сотрудничества в международных отношениях.» Президент отмечал, что цели российской внешней политики должны исходить из многополюсности мира без доминирования какого-то одного центра силы. Ельцин выражал обеспокоенность перспективой расширения НАТО на Восток, как противоречащего интересам безопасности России.

Совместно с США предусматривалось участие в урегулировании региональных конфликтов — ближневосточном, Боснии и Герцеговине. Кроме этого, говорилось об укреплении отношений — с Китаем, Индией, странами АСЕАН, Японией¹.

В Послании Федеральному собранию в феврале 1998 года президент Ельцин подчеркнул заметную активизацию внешней политики России по всем направлениям, основанную на твердом отстаивании национальных интересов государства².

«Доктрина Примакова» как основа статуса России из приоритета национальных интересов

В мае 1998 года Ельцин в выступлении в МИД России подтвердил тезисы о многополярности современного мира и о недопустимости диктата одного государства, даже самого мощного. Президент отметил, что внешнеполитическая концепция России получила, наконец, четкие очертания и задачи: сохранение территориальной целостности России; обеспечение национальной безопасности; демократизация общества; проведение реформ и интеграция нашей экономики в мировое рыночное хозяйство.

В шкале внешнеполитических приоритетов США переместились на третье место после СНГ и деятельности в составе «восьмерки»; было

---

¹ Послание Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию от 6 марта 1997 года // Дипломатический вестник. 1997. № 3. С. 3-4.

² Из Послания президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Россия на мировой арене» от 17 февраля 1998 года // Дипломатический вестник. 1998. № 3. С. 3-4.

отмечено налаживание равноправного взаимодействия с США после периода некоторых иллюзий и завышенных ожиданий. По проблеме расширения НАТО Россия, сохраняя негативное отношение к этому процессу, стремилась к налаживанию отношений с альянсом¹.

Новый министр иностранных дел Примаков, имевший сложившуюся систему взглядов на мир, весьма критически отзывался о политике Козырева, проводившего внешнеполитический курс России в качестве «ведомой страны». В противовес Примаков фактически провозгласил собственную доктрину, хотя и не оформленную в виде отдельного документа. Она основывалась на четырех основных постулатах.

Первый — приоритет российских интересов и отказ от роли «младшего партнера» в отношениях с США и Западом в целом, не допуская при этом обострения отношений. Второй постулат — установление многополярного мира, многовекторность внешней политики и проведение в ряде острых международных вопросов линии, альтернативной позиции США: «Сегодня действительно можно считать, что в мире есть одна супердержава, но мы не должны закрывать глаза на процессы, идущие в других частях мира». Отсюда перенос акцентов на развитие отношений со странами Западной Европы, стремящихся к собственной внешнеполитической идентичности, попытки создания оси Москва — Пекин — Дели, независимая линия в отношении Ирана, Ирака, Югославии.

Третий постулат — продолжение интеграции России в глобализирующийся мир. Выступая на Всемирном экономическом форуме в Давосе в 1998 г., Примаков заявил: «Мы не предпринимали и не собираемся предпринимать никаких шагов, которые экономически изолируют Россию в международном плане». Наконец, весьма революционными были перемены, которые Примаков привнес в политику на постсоветском пространстве. Отказавшись от попыток превратить Содружество в полноценное интеграционное объединение, Москва начала реализацию идеи развития СНГ «на разных скоростях» и формирования «интеграционного ядра» в лице государств, готовых выйти на более высокую планку сотрудничества,² что оказалось довольно успешным.

---

¹ Выступление президента РФ Б.Н. Ельцина в МИД России. Место и роль России в период формирующегося многополярного мира. 12 мая 1998 года // Дипломатический вестник. 1998. № 6. С. 3-5.

² Современные международные отношения и мировая политика. С. 733-734.

«Доктрина Примакова» лежала в основе внешней политики на протяжении практически всех четырех лет второго срока президентства Ельцина — и когда Примаков был министром иностранных дел, и после того, как он в сентябре 1998 г. возглавил правительство и его сменил в МИДе И.С. Иванов.

Главным препятствием в реализации «доктрины Примакова» оставалась унаследованная российской внешней политикой после холодной войны дилемма — несоответствие заявленных целей оставшимся международным возможностям, внутренним проблемам и ресурсам России. Потеря былого престижа негативно сказывалась на эффективности реализации внешнеполитической доктрины. На концептуальном уровне были провозглашены совершенно справедливые идеи и приоритеты российской внешней политики: твердое отстаивание национальных интересов, отход от америкоцентризма, стремление к сотрудничеству с целым рядом стран (в том числе и с бывшими союзниками СССР). Но недостаток внешнеполитических ресурсов и недостаток политической воли, отсутствие четкой стратегии реализации провозглашенных целей и разногласия в ельцинском руководстве привели к кризису «доктрины Примакова» и к кризису российско-американских отношений, что особенно проявилось в конце 1990-х гг. в связи с политикой США в отношении Ирака и бывшей Югославии.

В декабре 1998 г. президент Ельцин сделал два Заявления по поводу ракетно-бомбовых ударов США и Великобритании по Ираку с осуждением и требованием прекращения силовой акции, грубо нарушившей Устав ООН и общепринятые принципы международного права, нормы и правила ответственного поведения государств на международной арене. Российский президент справедливо подчеркивал, что, по сути, речь шла о подрыве всей системы международной безопасности, центральным звеном которой является ООН и ее Совет Безопасности¹.

В ходе рабочего визита 25-27 января 1999 г. в Москву госсекретаря США М. Олбрайт президент Ельцин довольно твердо выразил озабоченность России действиями Вашингтона в связи с переводом в практическую плоскость работ по созданию национальной системы противоракетной обороны (НПРО)².

---

¹ Дипломатический вестник. 1999. № 1. С. 24, 30.

² Дипломатический вестник. 1999. № 2. С. 11-13.

«Доктрина Примакова» проходила испытание на прочность трижды — во время борьбы по поводу расширения НАТО в 1996-1997 гг., иракского кризиса конца 1997 — начала 1998 гг. и в период войны против Югославии весной 1999 г. И практически в каждом случае России, несмотря на справедливо заявленную твердую позицию, пришлось отступить.

У России не оказалось возможности противостоять объединенному Западу. Прекращение контактов с ним приводило бы к растущей изоляции России, что было крайне нежелательно, особенно учитывая постоянно увеличивавшуюся зависимость экономической политики Ельцина (вплоть до финансового краха в августе 1998 г.) от кредитов западных финансовых структур. К концу 1990-х гг. стало очевидно, что и на глобальном уровне Россия не в состоянии противопоставить что-либо существенное расширению НАТО. Идея треугольника Москва — Пекин — Дели не материализовалась. Стратегическое партнерство с Китаем ограничивалось узким кругом вопросов.

Кризис внешней политики второй половины 1990-х гг. был связан с войной в Югославии. Примаков, тогда премьер-министр, изначально занял крайне жесткую позицию, которая отражала настроения всего политического общества в России. Но когда НАТО попала в сложное положение, не представляя, как закончить войну, Ельцин вопреки своей изначальной позиции направил бывшего премьера В.С. Черномырдина «выручать» Запад. Тем самым президент отказался от приматовской альтернативности, обеспечив себе благоприятные условия для участия в Кельнском саммите «большой восьмерки» в июне 1999 г. К этому времени Примаков был отправлен в отставку. Что, впрочем, было связано не столько с внешней политикой, сколько с недовольством Ельцина и окружения президента ростом популярности Примакова.

С лета 1999 г. и до марта 2000 г. внутри страны шли предвыборные бои, принесшие успех и на парламентских, и на президентских выборах коалиции политических сил во главе с В. В. Путиным. А на Западе между тем резко усилились антироссийские настроения, подстегиваемые скандалами, связанными с коррупцией в окружении Ельцина, влиянием его «семьи», министерской чехардой, новой войной в Чечне и выяснением

вопроса «кто потерял Россию?». Отношения Запада и Москвы дошли почти до точки замерзания¹.

Российско-американские отношения на рубеже 1990-х — 2000-х гг. находились в неопределенном состоянии, на грани разрыва. Конфронтация между Москвой и Вашингтоном ушла в прошлое, но и провозглашенное в 1993 году стратегическое партнерство не состоялось. Пришедший к власти президент Путин провозгласил доктрину «интеграционизма», имеющую определенную преемственность с предыдущими концепциями российско-американских отношений.

В программной статье «Россия на рубеже тысячелетий», вышедшей 30 декабря 1999 г. — за день до отставки Ельцина, — Путин отмечал: «Россия переживает один из самых трудных периодов в своей многовековой истории. Пожалуй, впервые за последние 200-300 лет она стоит перед лицом реальной опасности оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Отдавая отчет в относительном ослаблении потенциала страны, Путин в то же время полагал, что Россию преждевременно отпевать в качестве великой державы. Россия уже давно не урезанная карта Советского Союза, а самостоятельное государство, вполне самодостаточное, приобретает все большую и большую уверенность в себе».

Президент критически высказывался в отношении либералов козыревской школы. Явным камнем в их огород выглядело заявление о том, что «Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции». Продолжая линию Примакова, он разделял концепцию многополярного мира, выступая «против попыток искусственного возврата к одностороннему решению ключевых проблем мировой политики и экономики, против разделения мира на ведущих и ведомых».

При этом, отвечая на вопрос о путях преодоления отставания России, Путин заметно усиливал акцент на необходимости более тесного сотрудничества с Западом, отвергая идею опоры на собственные ограниченные ресурсы и объявляя стратегическим курс на экономическую открытость и интеграцию в мировую экономическую систему. Это сочеталось с повышенной дипломатической активностью, основанной на принципах независимости и прагматизма: «Самостоятельность нашей внешней политики не вызывает сомнений. Основу этой политики

---

¹ Современные международные отношения и мировая политика. С. 734-735.

составляют прагматизм, экономическая эффективность, приоритет национальных задач»¹.

Логика Путина легла в основу Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной президентом в июле 2000 г., где содержалась развернутая и структурированная система приоритетов.

В Концепции подчеркивалась активная роль России в происходящих современных фундаментальных и динамичных переменах в межгосударственных отношениях; отмечалась негативная тенденция к установлению однополярного мира при экономическом и силовом доминировании США. Негативно оценивалась стратегия односторонних действий в решении межгосударственных противоречий, которая подрывала основы правопорядка. Отмечалось, что Россия будет добиваться формирования многополярной системы международных отношений на основе взаимного учета интересов и коллективного решения ключевых проблем.

Концепция подчеркивала, что РФ проводит самостоятельную и конструктивную внешнюю политику, основанную на последовательности и предсказуемости, взаимовыгодном прагматизме.

В области укрепления международной безопасности Россия выступала за дальнейшее снижение роли фактора силы в международных отношениях при одновременном укреплении стратегической и региональной стабильности. В этих целях РФ: собиралась неукоснительно выполнять взятые на себя обязательства по действующим договорам и соглашениям в области ограничения и сокращения вооружений; готова была идти на дальнейшее сокращение своего ядерного потенциала на основе двусторонних договоренностей с США и — в многостороннем формате — с участием других ядерных держав. Россия собиралась добиваться сохранения и соблюдения Договора по ПРО 1972 года — краеугольного камня стратегической стабильности. В документе указывалось, что реализация США планов создания ПРО территории страны неизбежно вынудит РФ принять адекватные меры по поддержанию на должном уровне своей национальной безопасности.

В целом, Концепция внешней политики 2000 г. осуждала односторонние силовые методы США без санкции ООН по урегулированию международных и региональных конфликтов. Концепция называла

---

¹ Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999.

традиционные сферы взаимных интересов России и Соединенных Штатов — разоружение, сокращение ядерного оружия, но и в свете новых угроз международной безопасности определяла новые аспекты взаимодействия — борьба с международным терроризмом, противодействие незаконному обороту наркотиков и росту организованной преступности. В новых областях взаимодействия Россия предлагала наладить сотрудничество и с другими странами¹.

В 2000 году была принята Военная доктрина России, которая отсутствовала в период президентства Б. Ельцина. В Военной доктрине распространение ядерного оружия и средств его доставки было причислено к основным факторам военно-политической обстановки. В документе говорилось, что Россия «выступает за придание универсального характера режиму нераспространения ядерного оружия и средств его доставки, за решительное повышение эффективности этого режима, за прекращение и всеобъемлющее запрещение испытаний».

При анализе основных угроз военной безопасности России подчеркивалось, что «в современных условиях угроза прямой военной агрессии в традиционных формах против Российской Федерации и ее союзников снижена благодаря позитивным изменениям международной обстановки, проведению нашей страной активного миролюбивого внешнеполитического курса; поддержанию на достаточном уровне российского военного потенциала, прежде всего потенциала ядерного сдерживания».

К «основным внешним угрозам» в ядерной сфере были отнесены «действия, направленные на подрыв глобальной и региональной стабильности, в т.ч. путем воспрепятствования работе российских систем государственного и военного управления, на нарушение функционирования стратегических ядерных сил, систем предупреждения о ракетном нападении, ПРО, контроля космического пространства и обеспечения их боевой устойчивости, объектов хранения ядерных боеприпасов, атомной

---

¹ Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4: Документы. 1945-2003 / Сост. Е.Г. Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004. С. 536-550.

энергетики, атомной и химической промышленности, других потенциально-опасных объектов»¹.

Таким образом, между двумя государствами сохранялась военно-стратегическая концепция ядерного сдерживания, что предполагало поддержание ядерного вооружения и обороноспособности на должном уровне. При этом в доктрине указывалось, что новые угрозы безопасности, наряду с противодействием нераспространению ядерного оружия — это те сферы, в которых США и Россия могли бы сотрудничать.

На начальном отрезке президентства Путина установился некоторый период ожидания в области отношений России и США. Российское руководство не желало усугублять наметившуюся конфронтацию между странами. Камнем преткновения выступало намерение американской администрации начать развертывание НПРО, сталкивавшееся с жесткими возражениями Москвы: если США выходят из Договора по ПРО, Россия, в свою очередь, выйдет из системы договорных отношений по ограничению и контролю над вооружениями и приступит к проведению самостоятельной политики в области ядерного сдерживания. В качестве альтернативного пути обеспечения безопасности, в том числе и от ракетной угрозы со стороны т.н. «стран-изгоев», Путин предлагал дальнейшие глубокие сокращения стратегических вооружений в рамках будущего Договора СНВ-3, создание общей глобальной системы контроля за нераспространением ракет и ракетных технологий, разработку совместной с Западом системы ПРО.

Одновременно, отдавая дань «многовекторности» российской внешней политики, активизировались контакты с Китаем, Индией, Ираном, Северной Кореей.

В июле 2001 г. состоялся российско-американского саммит в Любляне по Договору ПРО 1972 г. На этой встрече была сделана попытка сблизить российскую и американскую позиции по этому вопросу. В частности, после беседы с Дж. Бушем В. Путин заявил, что решать эту проблему Россия и США будут, исходя «из обоюдного понимания, что мы являемся партнерами». «...Думаю, — добавил он, — что мы можем

---

¹ Российская газета. 25.04.2000.

Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М., 2001. С. 145-150.

выработать общий подход. ...Есть элементы, которые нас объединяют с нашими партнерами в США»¹.

***Стратегическая стабильность: отказ от принципов
после 11 сентября 2001 г.***

Определенным водоразделом в мировой политике стала атака террористов на Всемирный торговый центр в Нью-Йорке и Пентагон 11 сентября 2001 г., создавшая основу для налаживания межгосударственного сотрудничества России и США. Появились перспективы совместной борьбы с общим врагом — международным терроризмом.

Надо отметить, что оба государства постарались использовать открывшуюся возможность. Россия — в плане перспективы наладить стратегическое партнерство с лидером Запада — США, хотя бы в рамках анти-террористической коалиции. А Америке нужна была международная поддержка выдвинутой ими концепции «превентивных, упреждающих ударов». Для осуществления полномасштабной борьбы с международным терроризмом (а на практике, для укрепления гегемонистских устремлений) Соединенным Штатам необходимо было получить доступ в Центральную Азию, отчасти в Грузию, которая ранее рассматривалась как зона эксклюзивного стратегического влияния РФ, и на применение военной силы в непосредственной близости от этого пространства (Афганистан). Россия оказала поддержку США организацией и вооружением антиталибского Северного альянса, предоставлением разведывательной информации, воздушных коридоров для военных самолетов, доступа к базам в бывших советских республиках, а также доставкой гуманитарных грузов.

Президент Путин был первым, кто принес соболезнования и оказал поддержку американскому президенту в антитеррористической кампании. На саммите в Вашингтоне и в Кроуфорде в ноябре 2001 г. было подписано Совместное Заявление о новых отношениях между Россией и США, в котором говорилось, что ни одна из сторон не рассматривает другую в качестве противника или источника угроз. В документе совершенно справедливо подчеркивался принцип верховенства закона в

---

¹ Совместная пресс-конференция президента Российской Федерации В.В. Путина и президента США Дж. Буша. 16.06.2001. URL: http://president.kremlin.ru/appears/2001/06/16/0000_type63380_28562.shtml [дата обращения 10.10.2001].

международных отношениях. Но утверждения о том, что ОБСЕ (организация, на которую делает ставку Россия) является региональной организацией, а НАТО — всеобъемлющей, открывало путь к разногласиям¹.

Для изменения двусторонних отношений значение имели подвижки в самом Вашингтоне, где почувствовали и осознали необходимость совместных действий против международных террористов, и получаемые от этого дивиденды. Это предопределило повышение заинтересованности администрации Дж. Буша-младшего в укреплении партнерства с Россией.

Выступая с Посланием Федеральному Собранию в 2002 г., Путин подтвердил в качестве главных направлений своей внешней политики прагматизм, обусловленный имеющимися возможностями и национальными интересами, и намерение строить со всеми государствами мира конструктивные, нормальные отношения. Три основные географические приоритеты по-прежнему включали в себя страны СНГ, Европейского союза, которые были упомянуты под углом зрения экономического сотрудничества, и Соединенные Штаты — в контексте стратегической стабильности и участия России в антитеррористической коалиции².

На официальном концептуальном уровне в российской внешней политике произошло некоторое усиление америкоцентризма.

Как подчеркивал президент В. В. Путин на расширенном совещании с участием послов в МИД России 12 июля 2002 г., «в основе наших сегодняшних отношений — новое прочтение национальных интересов двух стран, а также — схожее представление о самом характере современных мировых угроз. Доверительное партнерство России и США — не только в интересах наших народов. Оно оказывает позитивное воздействие на всю систему международных отношений и потому остается одним из наших безусловных приоритетов»³.

Россия пошла 24 мая 2002 года на подписание российско-американского Договора о сокращении стратегических наступательных

---

¹ Совместное заявление президента РФ В.В. Путина и президента США Дж. Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года // СИМО. Т. 4. С. 562-563.

² Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. Москва. 2002 г // Дипломатический вестник. 2002. № 6. С. 3.

³ Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2004. С. 740.

потенциалов, несмотря на возражения критиков, недовольных его неконкретностью и возможностью для США не уничтожать, а складировать сокращаемые боеголовки¹.

Несмотря на налаживавшееся российско-американское партнерство в антитеррористической коалиции и провозглашенные с обеих сторон взаимные принципы и приоритеты, Соединенные Штаты в одностороннем порядке в 2002 году вышли из Договора ПРО, лежавшего в основе современной стратегической стабильности. Россия была вынуждена согласиться с этим и, по сути, отказаться от некогда священного принципа ядерного паритета.

Решение пражского (2002) саммита НАТО о присоединении к блоку семи стран ЦВЕ, включая государства Балтии, было названо российским руководством «бесполезным», но не вызвало дипломатических осложнений.

Новый — достаточно сложный этап во взаимоотношениях России с Западом начался с марта 2003 г., когда американско-британские войска вторглись в Ирак. Реакция Путина была крайне негативной, что объяснялось не только внутривнутриполитическими соображениями (начало избирательной кампании, опасения недовольства мусульманского населения), но и противодействием политике США со стороны Франции и Германии, взявшими на себя сначала роль оппозиции, но через некоторое время отказавшись от этой роли.

В результате Россия поддержала резолюцию СБ ООН, которая фактически легитимизировала присутствие Соединенных Штатов и Великобритании в Ираке, выразила готовность сотрудничать с ними в послевоенном восстановлении этой страны. Таким образом, отношения с Соединенными Штатами были более или менее выровнены, но на американских условиях. В ходе встреч Путина и Буша-младшего в Санкт-Петербурге и Кемп-Дэвиде российский президент назвал это конкретным и прагматичным сотрудничеством².

Но проблемы, разногласия и естественное столкновение национальных интересов в отношениях России и США сохранялось. В Послании президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию от 16 мая 2003 г. было отмечено, что международная обстановка остается сложной.

---

¹ Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г // СИМО. Т. 4. С. 564-565.

² Современные международные отношения и мировая политика. С. 741-742.

Страны с высокоразвитой экономикой оттесняют там, где могут Россию с перспективных мировых рынков. А их видимые экономические преимущества дают повод для роста геополитических амбиций.

Среди основных угроз были названы: распространение ядерного оружия; угроза международного терроризма; использование национальных армий не для борьбы с терроризмом, а для расширения зон стратегического влияния отдельно взятых государств.

В Послании президентом были отмечены определенные внешнеполитические успехи России — в июне 2002 года Россия была приглашена стать полноправным членом клуба восьми наиболее развитых государств мира. В документе отмечалось успешное активное участие России в антитеррористической коалиции в сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки, с другими странами.

Путин подчеркнул, что основной задачей российской внешней политики является реализация национальных интересов. При этом базовым принципом остается соблюдение норм международного права. В решении международных конфликтов главную роль должен играть СБ ООН.

Шкала внешнеполитических приоритетов в Послании была распределена следующим образом: сотрудничество в рамках международной коалиции, в первую очередь с США; СНГ; Европа¹.

Как видно из документа, российско-американское направление оставалось одним из важнейших внешнеполитических ориентиров.

В связи с усилением гегемонистских устремлений США, планами размещения элементов евроПРО возле российских границ и фактическим прекращением российско-американского переговорного процесса по разоружению 10 февраля 2007 г. на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности президент В.В. Путин выступил с речью о неприемлемости однополярной модели мира, о гипертрофированном использовании военной силы, нарушении норм международного права со стороны США. Потенциальная опасность дестабилизации международных отношений, отметил Путин, связана и с очевидным застоем в области разоружения. Россия выступает за возобновление диалога по этому важнейшему вопросу. Важно сохранить устойчивость международно-правовой разоруженческой базы, при этом обеспечить преемственность

---

¹ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. Москва. 16 мая 2003 г // СИМО. Т. 4. С. 570-578.

процесса сокращения ядерных вооружений. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства по Договору о СНП и надеется, что американцы будут делать то же самое¹.

Пришедший в 2008 году к власти президент России Д.А. Медведев в области внешней политики придерживался основных стратегических установок, провозглашенных В.В. Путиным в Мюнхене, с учетом меняющихся военно-стратегических условий, в первую очередь, по проблеме евроПРО. Президентом Медведевым была выдвинута новая философия российско-американского партнерства — концепция «объединенного евроатлантического пространства от Ванкувера до Владивостока».

Определенные подвижки на последнем году президентства произошли со стороны администрации Дж. Буша-мл. ввиду разраставшейся в США критики его внешней политики. 6 апреля 2008 г. в Сочи по итогам встречи на высшем уровне была принята Декларация о стратегических рамках российско-американских отношениях, в которой был отражен комплексный характер взаимодействия между Россией и США по основным направлениям в целях обеспечения стабильной преемственности на перспективу: в сфере безопасности, нераспространения, борьбы с терроризмом, в том числе ядерным, но и нашли отражение разногласия по проблемам ПРО, расширению НАТО².

Поддержка Вашингтоном грузинской агрессии в августе 2008 г. против российских миротворцев и мирных жителей Южной Осетии привела к осложнению российско-американских отношений.

В Послании президента Медведева Федеральному собранию 5 ноября 2008 г. по сути была подчеркнута важность военного фактора в обеспечении безопасности России и в международных отношениях в целом в связи с конструированием системы ПРО, окружением России военными базами, безудержным расширением НАТО.

В гонку вооружений Россия не собиралась втягиваться, но определенные меры предпринять собиралась. В целях эффективного противодействия навязываемым администрацией США новых элементов

---

¹ Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtselect> [дата обращения 21.10.2011].

² Российско-американские отношения (справочная информация). URL: <http://www.mid.ru> [дата обращения 01.03.2011].

глобальной системы ПРО, включая в Европе, российский президент решил воздержаться от ранее планировавшегося снятия с боевого дежурства и расформирования трех ракетных полков ракетной дивизии, дислоцированной в Козельске. Кроме того, для нейтрализации при необходимости системы ПРО в Калининградской области был развернут ракетный комплекс «Искандер». Российское руководство предусматривало использование в этих целях и ресурса Военно-Морского Флота. С территории западного региона, то есть Калининградской области, планировалось осуществлять радиоэлектронное подавление новых объектов системы ПРО США.

Президент собирался предпринять шаги по развитию международного режима контроля над вооружениями, в основе которого должен быть прогресс в российско-американского взаимодействия.

Президент Медведев выступил с инициативой о разработке договора о европейской безопасности, объединяющем Россию, Евросоюз и Соединенные Штаты, для формирования согласованной позиции по созданию надежных инструментов контроля над вооружениями¹.

В программной статье «Россия, вперед!» Д. Медведев определил пять стратегических векторов экономической модернизации нашей страны, одним из которых являлось сохранение и поднятие на новый качественный уровень ядерных технологий².

После прихода к власти в США администрации Б. Обамы из Вашингтона начали поступать сигналы о желании вернуть двустороннее сотрудничество в нормальное русло и осуществить «перезагрузку» российско-американских отношений, готовность наладить полноформатное взаимодействие в решении актуальных проблем, что позволило вывести российско-американские отношения в области контроля и сокращения вооружений из кризиса.

Возобновление российско-американского диалога шло в тех сферах, где интересы обоих государств могли достигнуть компромисса — сокращение вооружений и борьба с терроризмом. Американская администрация, реанимируя советско/российско-американский процесс

---

¹ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 05.11.2008. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> [дата обращения 15.09.2011].

² Медведев Д.А. Россия, вперед! 10.09.2009. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> [дата обращения 15.09.2011].

сокращения вооружений, в то же время углубляла взаимодействие с Россией по сложной для США афганской проблеме. Был активизирован диалог по ПРО — проблеме, ставшей центральной с 2008 года в российско-американских отношениях.

1 апреля 2009 г. на полях саммита «двадцатки» в Лондоне в ходе первой личной встречи президентов Д. Медведева и Б. Обамы было решено продолжить переговоры о дальнейших сокращениях СНВ. 6-8 июля 2009 г. в ходе рабочего визита Б. Обамы в Москву и состоявшихся переговоров с президентом Д. Медведевым были подписаны: соглашение о транзите американского вооружения, военной техники, имущества и персонала через территорию России в Афганистан; совместное понимание по СНВ; совместные заявления по Афганистану; по вопросам ПРО и о сотрудничестве в ядерной сфере. Было принято решение о создании Российско-Американской Президентской комиссии по развитию сотрудничества (координаторами являются главы внешнеполитических ведомств).

После отказа администрации Б. Обамы от планов размещения третьего позиционного района в Восточной Европе 23 сентября 2009 г. на полях 64-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН в ходе очередной встречи президентов России и США были обсуждены вопросы двустороннего взаимодействия и международной повестки, включая проблему ПРО.

В Послании Федеральному собранию 12 ноября 2009 г. идеи и задачи внешней политики, провозглашенные президентом Медведевым в 2008 году, получили дальнейшее развитие.¹ Главной задачей прагматичной внешней политики являлось укрепление статуса России как мировой державы и экономическое развитие страны.

В Послании Федеральному собранию 30 ноября 2010 г. президент Медведев большое внимание уделил проблеме реформирования Вооруженных сил России в целях эффективного обеспечения национальной безопасности и обороны. Был взят курс на глубокую модернизацию Вооруженных Сил, на проведение в них системных, значимых преобразований: обновление боевого состава; системы боеготовности, управления и материально-технического обеспечения войск; проведение регулярных

---

¹ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 12.11.2009. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> [дата обращения 15.09.2011].

боевых учений. В рамках Госпрограммы вооружения до 2020 года войска начали оснащаться современной техникой.

В связи с развитием планов США по ПРО в области укрепления боеспособности национальной обороны России ставились задачи: укрепления воздушно-космической обороны страны, объединения существующих систем ПВО и ПРО, предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства под единым управлением стратегического командования; развития современных армии и флота; укомплектования новейшим оружием и высокотехнологичными специалистами; развития международного сотрудничества в сфере безопасности. Россия была готова совместно с заинтересованными государствами работать над укреплением механизмов противодействия ракетному распространению.

На саммите Россия — НАТО (2010 г.) в Лиссабоне Д. Медведев поделился своими соображениями о формировании возможной архитектуры европейской ПРО, которая сопрягает потенциалы России и Североатлантического альянса, где ведущую роль играют США, и обеспечивает защиту всех стран Европы от ракетных ударов. Президент подчеркнул, что в ближайшее десятилетие Россию и США ждет следующая альтернатива: или мы достигнем согласия по противоракетной обороне и создадим полноценный совместный механизм сотрудничества, или же (если не удастся выйти на конструктивную договорённость) начнется новый виток гонки вооружений. И России придется принимать решение о размещении новых ударных средств¹.

Современная российская ядерная стратегия была представлена в новой «Военной доктрине Российской Федерации», опубликованной в феврале 2010 г.², в основе которой лежит доктрина ядерного сдерживания. Порядок применения ядерного оружия был определен следующим образом: Россия «оставляет за собой право применить ядерное оружие в ответ на применение против нее и (или) ее союзников ядерного и других видов оружия массового поражения, а также в случае агрессии против Российской Федерации с применением обычного оружия, когда под угрозой поставлено само существование государства».

---

¹ Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 30.11.2010. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2011).

² Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. URL: http://newskremlin.ru/ref_notes/461 [дата обращения 15.09.2011].

Иными словами, во-первых, ядерные силы России предназначены для ответного ядерного удара в качестве возмездия за ядерный удар противника по России и (или) ее союзникам. Во-вторых — для первого ядерного удара в ответ на нападение на Россию и ее союзников с использованием химического, бактериологического или радиологического оружия. В-третьих — для первого ядерного удара в условиях неминуемой национальной катастрофы в результате нападения (но не на ее союзников) с использованием обычных вооруженных сил и вооружений. Последнее, очевидно, адресовано угрозам, проистекающим от превосходства расширившейся НАТО по силам общего назначения и высокоточным обычным вооружениям, а также вероятным опасностям меняющейся не в пользу России стратегической ситуации на востоке.

В целом можно отметить, что, во-первых, доктрина сдерживания совершенно определенно сохраняет свою актуальность; во-вторых — ядерное оружие сохраняется в качестве главной опоры безопасности страны.

Таким образом, в 2010 году задачи внешней политики провозглашались с учетом складывавшейся неблагоприятной геополитической и стратегической обстановки вокруг России. А именно: расширение НАТО, выход США из Договора по ПРО 1972 г., стремление Соединенных Штатов создать систему ПРО на европейском континенте у самых границ России. Исходя из названных проблем, президентом Д.А. Медведевым и пришедшим к власти в 2012 г. президентом В.В. Путиным ставились задачи укрепления боеспособности Вооруженных сил, воздушно-космической обороны страны, развитие современного ядерного вооружения. Кроме этого, указывалось, что целью внешней политики остается экономическое развитие России.

Подводя итог, следует констатировать, что внешнеполитические устремления России 1992-2010 гг. по поддержанию международной безопасности и стратегической стабильности в межгосударственном взаимодействии, в первую очередь с США, можно разделить на три этапа. Первый — 1991-1995 гг. — этап америкоцентризма, когда международная деятельность государства концентрировалась главным образом на отношениях с Западом и в первую очередь с США. Второй — 1996-1999 гг. — после смены внешнеполитического руководства, когда было заявлено о многовекторности международных связей России. Третий — с 2000 г. — этап интеграционизма и прагматичной внешней политики президентов В.В. Путина и Д.А. Медведева.

В итоге назовем основные идеи, которыми руководствовался российский МИД и президент в отношениях с США на разных этапах.

В первый период это:

1. США и Россия больше не являются противниками, даже потенциальными.

2. Отношения с Соединенными Штатами являются приоритетными, т.к. США являются ведущей страной Запада, могут отказать России финансовое содействие и служить образцом в деле реформ, а также в создании благоприятной внешней обстановки.

3. США и Запад не просто партнеры, но и союзники на основе общности демократических ценностей и идеалов и общности антикоммунистических устремлений.

4. Россия должна добиться включения ее в «цивилизованный мир», «сообщество демократических государств», в международные финансовые и политические организации Запада, лидером которых являются США.

В период с 1996 года в отношениях с Соединенными Штатами были декларированы следующие принципы:

1) самостоятельная внешняя политика «по всем азимутам».

2) отношения с США — приоритетные, но с твердым отстаиванием российских национальных интересов.

3) российско-американские отношения строятся на основе совпадающих интересов в различных областях сотрудничества — наука, космос, нераспространение оружия массового уничтожения, экономическое сотрудничество, борьба с терроризмом и др.

4) продолжение политики партнерства, но на принципах равноправия.

В 1990-е гг., особенно в первой половине, сохранялось размытое представление об угрозах национальной безопасности России и задачах Вооруженных сил. Военный фактор и применение военной силы в отстаивании национальных интересов был полностью отброшен. Декларативно заявлялось, что США и Россия больше не являются противниками, но военно-стратегическая концепция с обеих сторон сохранялась прежняя — поддержание ядерного сдерживания. Вся эта теоретическая часть накладывалась на процессы сокращения в российской армии личного состава и боевой техники, недофинансирования, устаревания вооружений,

в том числе ядерных, что привело к нарушению стратегического паритета между Россией и США.

Как видно, в целом, внешнеполитические установки Российской Федерации в середине 1990-х годов претерпели существенные изменения. Вместо «поддакивания» Западу, в первую очередь США, был декларирован самостоятельный международный курс, исходящий из национальных интересов, но предполагающий партнерство с Западом. В чем же причины этой перемены?

В самом начале у руля политического (в том числе внешнеполитического) руководства в стране оказались политические силы, исходившие из ряда иллюзорных, нереалистических идей. Среди них — следующие. Поскольку Россия будет строить новое общество, в основе которого будут лежать ценности и черты западной цивилизации (рынок, деньги, индивидуализм, демократия, права человека и т.п.), — «Запад нам поможет». Тем более, что именно Запад, в первую очередь США, рассматривались как образец для подражания. С точки зрения российской правящей элиты важным аргументом в пользу симпатий политического руководства западных стран к России должен был стать жесткий антикоммунизм теоретиков и практиков ее политики.

Отсутствие эффективного механизма реализации внешнеполитических решений усугубляло ситуацию не только идеологической «заикленности», но также сказывалась неопытность дипломатического персонала, особенно руководства, которые первоначально не поняли (а может быть, не захотели понять) жесткий мир реальной мировой политики.

Во второй половине 1990-х годов в российском обществе созрела убежденность, что западный лагерь не является надежным союзником, что многие властвующие политики в США и в Европе предпочли бы видеть Россию слабой экономически и политически. Тем более, что недостатка в недружественных акциях со стороны Запада не было: расширение НАТО, односторонние действия НАТО в Боснии, фактическое игнорирование требований русскоязычного населения в балтийских республиках, попытки воспрепятствовать развитию нормальных деловых отношений с Ираном и Ираком, нежелание Запада согласиться с интеграцией бывших советских республик и т.п.

На протяжении 1990-х годов российско-западные отношения сохраняли внешнюю дружественность (под знаком «партнерства»).

Старания удержать прежний статус в новом идеологическом обрамлении (предложения о «совместной мировой гегемонии» с США, расчет на быстрое вступление в НАТО или, в качестве альтернативы, на придание ОБСЕ статуса «европейской ООН» со своим Советом безопасности) оказались напрасными. Осознав это, Москва попыталась добиться равенства в отношениях с Западом при помощи различных геополитических комбинаций. В разное время формирование «российского центра силы» призваны были обеспечить интеграция стран СНГ вокруг России, активность московской дипломатии на Балканах и на Ближнем Востоке, стратегическое партнерство с Пекином в рамках концепции «многополярного мира», а также закрепление за Москвой роли посредника между США и режимами-изгоями. Эта стратегия потерпела поражение в ходе косовского кризиса 1999-го, совпавшего по времени с первой волной расширения НАТО на Восток. Уравновесить Запад «с позиции партнера» России не удалось.

Но нельзя не отметить, что в периоды президентства В.В. Путина и Д.А. Медведева наблюдаются определенные успехи российской внешней политики. Произошло закрепление позиций России в ведущих международных институтах. Россия обрела статус в рамках «большой восьмерки». Все это означает усиление интеграции России в глобализирующийся мир и определенное развитие отношений с основными внешнеполитическими партнерами. Разногласия остаются — ЕвроПРО, НАТО, Ирак, Иран, и др. Но не будет преувеличением сказать, что сейчас отношения России с США, странами Евросоюза, Китаем, Японией, Индией, Бразилией и другими центрами силы более или менее равные.

С началом нового века и президентства В.В. Путина и Д.А. Медведева Москва внесла коррективы в стратегию отношений с Западом. От попыток немедленной интеграции в Запад, а затем поиска нового равновесия с ним Россия перешла к политике, в центре которой находится идея самоусиления преимущественно посредством экономической и военной модернизации. Интересно, что в ходе осуществления этого курса Россия вновь пережила — теперь уже в ослабленных формах — ренессанс как интеграционистского синдрома (после 11 сентября 2001 года), так и «многополярного подхода» (в период иракского кризиса 2003-го).

К концу первого срока президентства В. Путина стало ясно, что не только конфронтация с Западом, но и интеграция с ним уже не является

актуальной, Россия, отвергнув «особый путь» в экономике и идеологии, отчетливо обозначила стремление к внешнеполитической и стратегической самостоятельности¹.

Таким образом, в концептуальном плане в первом десятилетии XXI века (на третьем этапе) в России была выработана новая философия внешней политики, представленная следующими элементами:

- прагматическое восприятие внешнего мира и национальных интересов страны.

- адекватное представление об угрозах безопасности государства, в том числе и в ядерной области;

- возобновление российско-американского процесса сокращения стратегических вооружений.

- укрепление обороноспособности России.

- сохранение концепции ядерного сдерживания в военно-стратегических отношениях с США.

- геоэкономическая ориентация и сочетание «многополярной» стратегии с многовекторной.

Основным интересом России в начале XXI века становится всесторонняя модернизация страны при ведущей роли модернизации экономической. Запад может стать важнейшим внешним ресурсом для проведения такой модернизации, но надежды на масштабную помощь со стороны США, ЕС или контролируемых ими международных финансовых институтов бесперспективны. Более того, чрезмерная зависимость от Запада недопустима.

В целом, внешняя политика России нацелена на содействие решению общенациональных задач. К их числу относятся повышение конкурентоспособности нашей экономики, кардинальное увеличение ВВП, интеграция России в мировую хозяйственную систему, укрепление национальной безопасности на основе сохранения и развития обороноспособности государства.

Таким образом, российское руководство после периодов поисков и метаний возвращается на историческо-традиционный путь великой державы, в основе которого независимость, самостоятельность в политике, активность, глобализм. Это предопределяет сложности развития

---

¹ Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. Т. 8. № 3. 2004. С. 9-22.

отношений с Америкой, во внешней политике которой лежит активная и достаточно жесткая мессианская идеология.

2.2. Российское направление во внешнеполитической концепции США в 1992-2010 гг.

В начале 1990-х гг. американские аналитики и политические деятели в связи с окончанием холодной войны приступили к пересмотру международной стратегии США. В политических дебатах центром внимания была роль США как единственной сверхдержавы, геополитические задачи страны, соответствие внешнеполитической активности национальным интересам. В разногласии предложений звучал общий мотив — определить оптимальное устройство мира после холодной войны и пересмотреть основы внешней политики США.

Научное и политическое сообщество Соединенных Штатов разделилось на два основных лагеря — менее влиятельного — новых изоляционистов (националистов) и более сильных — новых интервенционистов (глобалистов). Первые призывали отказаться от излишней вовлеченности США в международные дела и сосредоточиться на внутренней политике. Вторые — неоинтервенционисты — усматривали новые возможности для Соединенных Штатов после окончания холодной войны для реализации американских геополитических интересов.

В ходе предвыборной кампании 1992 года будущий президент Б. Клинтон критиковал своего предшественника Дж. Буша за американскую политику в отношении России: за «пророссийскую» позицию в ущерб другим государствам СНГ, таким, как Украина и Казахстан, за недостаточное давление с целью добиться скорейшего вывода ее войск из Прибалтики. Клинтон отмечал необходимость более «сбалансированного» подхода к СНГ. Также раздавались настойчивые требования ограничить экспорт оружия с территории бывшего СССР, заставить новые государства признать за международными организациями (ООН, СБСЕ, Международный суд или даже НАТО) права арбитров в решении их внутренних проблем при явном нежелании самих США уступить малейшую часть своего национального суверенитета международным структурам¹.

---

¹ Кортунов А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993. С. 22.

На характер международной политики администраций Б. Клинтона и Дж. Буша-мл. (которые исходили из идеи однополярности как следствия крушения СССР и ОВД, и являлись в своей основе неоинтервенционистскими) оказывали влияние ряд факторов. В первую очередь, это предвыборные установки Демократической партии, к которой принадлежал президент Б. Клинтон, и Республиканской партии, к которой принадлежал Дж. Буш-мл. Наряду с этим позиции Демократической и Республиканской партий, которые получали большинство в обеих палатах Конгресса (так, в 1994 году большинство получило Республиканская партия при президенте-демократе). Во-вторых, взгляды представителей научной и политической элиты, в частности, таких крупных в прошлом консервативных деятелей, как Киссинджер, Бжезинский и другие, рекомендации которых учитывались при разработке внешнеполитической стратегии. В-третьих, стремление извлечь максимум возможного из складывающейся обстановки для достижения амбициозных целей США, отраженных во внешнеполитической стратегии руководства. В-четвертых — геополитический фактор — историческая преемственность в американской внешнеполитической мысли, появление нового импульса к возрождению идей американской «исключительности» и «мессианства». В-пятых — личностный фактор — амбиции президентов Б. Клинтона, Дж. Буша-мл., Б. Обамы и отдельных членов администраций.

Президент Клинтон и его администрация стали определять внешнеполитическую концепцию государства и проводить ее в жизнь в изменившемся мире, ставя превыше всего державные «национальные интересы», гегемонистские устремления с целью сохранить и усилить международную роль Соединенных Штатов. В этом контексте рассматривались и отношения с новой Россией.

Говоря о значении России для внешней политики США, Клинтон в свой программной внешнеполитической речи 1 апреля 1992 года сказал, что практические дивиденды Америки в случае успеха российских реформ будут состоять «в получении доступа посредством мировой торговли к гигантским ресурсам России, создании нового крупного рынка для американских товаров и услуг». Клинтон выступал как сторонник помощи России, республикам СНГ, но в основном в области выделения средств для уничтожения российского ядерного оружия. Вместе с тем

президент Клинтон выражал заинтересованность США в поддержке именно президента России Б.Н. Ельцина¹.

С окончанием периода некоторой растерянности, связанной со стремительным окончанием холодной войны и глобальными изменениями в мире, что выражалось в активных дебатах среди американских политиков и ученых, начали оформляться контуры новой внешнеполитической стратегии США².

В июле 1994 года был подготовлен ежегодный официальный документ американского президента «Стратегия национальной безопасности», утверждавшая стремление США к мировому лидерству. В документе было провозглашено «содействие развитию демократии» и экономическим реформам «в странах бывшего СССР» и то, что «России принадлежит ключевая роль в этом смысле»³.

Помощник президента Э. Лейк заявил, что «поддержка реформ в России отвечала и отвечает американским национальным интересам, и мы намерены ее продолжать»⁴.

В феврале 1995 и в феврале 1996 года Белый дом представил два доклада, составленные на основе нового документа СНБ⁵.

Администрация Клинтона, не отказываясь от военно-политической стратегии сдерживания, облекла ее в новую форму стратегии «расширения» — расширения мирового сообщества «свободных рыночных демократических государств», включая государства, возникшие на территории бывшего СССР, страны ЦВЕ и Западной Европы и АТР. Стратегия расширения предполагала оказание отпора странам, рассматриваемым американцами в качестве агрессоров и содействие либерализации стран, противящихся «рынку и демократии» (Ирак и Иран).

---

¹ Джерри Дж.Б. Клинтон и внешняя политика США // США-ЭПИ. 1993. № 5. С. 25.

² Maynes Ch.W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1993-1994 — Winter, № 93.

³ Стратегия национальной безопасности США // США-ЭПИ. 1995. № 1. С. 22; Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США-ЭПИ. 1994. № 3; Maynes Ch.W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1993-1994 — Winter, № 93.

⁴ Карпов М. Клинтон о внешней политике // Независимая газета. 03.03.95.

⁵ A National Security Strategy of Engagement and Enlargement // The White House. — Wash., D.C., 1995 (February). URL: <http://www.whitehouse.gov> [дата обращения 15.09.1998]; Стратегия национальной безопасности США // Независимая газета. 1994. 26 октября.

Великодержавный прагматизм новой американской стратегии вы­являлся, в частности, при подходе к вопросу о том, какими путями осу­ществлять эту стратегию. Президент Б. Клинтон заявлял по этому по­воду, наш девиз должен быть следующим: «Когда мы можем — действовать вместе со всеми, а когда должны — будем действовать само­стоятельно»¹. Эти идеи развивали в своих выступлениях государствен­ный секретарь У. Кристофер, тогдашний представитель США в ООН М. Олбрайт², помощник президента по национальной безопасности Э. Лейк.

На официальном уровне США подтвердили принятие политики партнерства с Россией в ряде совместных документов — Кэмп-дэвидская декларация в феврале 1992 года, Хартия российско-американского парт­нерства и дружбы» в июне 1992 года, Ванкуверская декларация в апреле 1993 года, российско-американское заявление «Партнерство для эконо­мического прогресса» в сентябре 1994 года, Московская декларация в ян­варе 1994 года и другие. Но надо обратить внимание на то, что идея парт­нерства с Россией в американской трактовке изначально существенно отличалась от российского варианта «равноправного партнерства» с За­падом. Главное отличие состояло в том, что, во-первых, США не рассмат­ривали Российскую Федерацию в качестве равноправного партнера в преобразовании мирового порядка и, во-вторых, считали партнерство возможным только при условии, что Россия успешно завершит демокра­тические реформы и будет выполнять условия Запада. Двустороннее партнерство в американской трактовке также предполагало непротиво­действие со стороны России любым действиям США. При этом умалчи­валось о равенстве и учете законных национальных интересов России.

В заявлениях, во многих официальных документах, декларациях и выступлениях американских государственных деятелей У. Кристофера, Т. Пикеринга, М. Маккери³ цели США по отношению к России выгля­дели благородными: поддержка рыночных реформ и демократии, оказа­ние всякого рода помощи, установление политики партнерства. Но

---

¹ U.S. Department of State Dispatch. Vol. 4. No. 4 (January 25, 1993).

² International Documents Review. Vol. 4. No. 37 (October 18-22, 1993).

³ The Washington Post. 27.01.1996; Выступление посла США в России Т. Пике­ринга 11.01.96 на заседании Научного совета РАН // США-ЭПИ. 1996. № 6. С.70-74; The New York Times. 23.01.1996.

повседневная практика американско-российских отношений показывала другое — выталкивание России из зон влияния СССР, противодействие отношениям с давними союзниками — Ираном, Индией, ограничения в торговле оружием, расширение НАТО, а главное — противодействие укреплению отношений с бывшими советскими республиками. Инвестиции США в российскую экономику оказались не так велики, как были обещаны. Выделенные средства в основном направлялись в военную область, на демонтаж ядерных вооружений, что, с одной стороны, в условиях трансформировавшейся России и недостатка финансирования позволило выполнить условия Договора СНВ-1. Но с другой стороны, США, безусловно, преследовали задачу ослабить своего бывшего противника. При чем нередко предоставление помощи сопровождалось оговорками, касающимися политической сферы Российского государства, в частности, подчеркивалось, что Соединенные Штаты будут ее осуществлять только в том случае, если у власти в России будет находиться устраивающее американцев правительство.

Критические высказывания в адрес России усилились после того, как произошла активизация ее деятельности на постсоветском пространстве. Действия России во второй половине 1993–1994 гг. в Грузии и Средней Азии были охарактеризованы западными политологами как возрождение «неоимперских» тенденций.

В 1994 году во внешней политике администрации Клинтона произошел отход от поддержки только России, она перестала быть приоритетом № 1. Американская администрация стала делать ставку на другие постсоветские республики, особенно на Украину, объем финансовой помощи, которой существенно увеличился. Такая политика США была направлена на создание своего рода буфера или противовеса против возрождающейся России¹.

Изменению внешней политики США в отношении России и постсоветских республик способствовала победа республиканцев в 1994 году

---

¹ Back in the USSR. Russia's Intervention in the Internal Affairs of the Former Soviet Republics and the Implications for the United States Policy toward Russia / Harvard University. — John F. Kennedy School of Government. January 1994. P. 2-3; Aidred K. and Smith M. Superpowers in Post-Cold War Era. P. 122-124; Foreign Affairs. September-October, 1995, p. 35; Бжезинский 36. Вне контроля (Глобальный беспорядок накануне XXI века). М., 2002. С. 156-157; The Washington Post. 1994, December 26.

на выборах в обеих палатах Конгресса, которые выступили с критикой «пророссийской» политики Клинтона.

В целом, администрация Клинтона не была заинтересована в ухудшении отношений с Россией в период, когда основной задачей ее внешнеполитической деятельности было укрепление американского присутствия в Европе и в мире. Хотя признавалась слабость России, США продолжали рассматривать ее в качестве влиятельного участника международных процессов, особенно в сфере безопасности. В силу этого официальная позиция США по действиям России в ближнем зарубежье оставалась осторожной: администрация не делала официальных заявлений относительно позиции США по предоставлению «особых прав» России в ближнем зарубежье, но и не заняла непримиримую позицию по этому вопросу.

С 1994 года во внешней политике Соединенных Штатов стала активно проводиться линия на расширение НАТО на восток, приближение ее к границам России. В январе 1994 года президент Клинтон прилетел в Москву после саммита НАТО, на котором было объявлено о возможности расширения Североатлантического блока. В беседе с президентом Ельциным, а также во время выступления на российском телевидении Б. Клинтон дал понять, что США в ответ на признание России равноправным партнером и искренним другом США рассчитывают, что Россия не будет выступать против включения стран ЦВЕ в Североатлантический альянс.

Часть политических деятелей в США выступала с критикой такой позиции администрации Б. Клинтона. Так, специалист по России, дипломат Дж. Кеннан критиковал ставку на расширение НАТО как «недальновидный шаг», подчеркивая, что США и Россия должны оставаться партнерами прежде всего для решения такого важного вопроса эпохи, как ликвидация оружия массового поражения»¹.

Но идея расширения НАТО оставалась очень актуальной, и делалось все для ее воплощения в жизнь, несмотря на двусмысленную позицию России в этом вопросе. Основными причинами расширения НАТО являлись следующие. Во-первых, ограничение влияния России в Европе, особенно в странах Центральной и Восточной Европы, даже вытеснение

---

¹ U.S. News and World Report, 06.03.1996.

ее оттуда. Во-вторых, укрепление американского влияния в Европе. США стремились прибрать к рукам государства ЦВЕ, чтобы иметь возможность влиять на политику России. В-третьих, администрация США старались удовлетворить интересы военно-промышленного комплекса. А в-четвертых, идею расширения блока активно поддерживали республиканцы и даже давили на правительство в этом вопросе.

В американо-российских отношениях серьезное внимание при первой администрации Б. Клинтона уделялось сотрудничеству в военной области, где у двух стран, по признанию министра обороны США У. Перри, имелись взаимные интересы. В США проявляли заинтересованность в том, чтобы сохранить «прагматичное партнерство», добиться от России выполнения подписанных договоров, в частности, СНВ-2, и продолжить усилия в области ограничения и сокращения вооружений.

Характерно, что позднее, 5 февраля 1997 года на слушаниях в специальном комитете сената США по разведке, сенатор Р. Керри сообщил, что директивой президента Б. Клинтона утвержден специальный секретный список угроз Соединенным Штатам, рассматриваемых как угрозы первостепенной важности, где на первом месте стояла Россия. Несмотря на трудные для российских военных времена, Россия, сказал директор ЦРУ Дж. Теннет, «сохраняет крупный ядерный потенциал, почти 6000 стратегических боеголовок на боевом дежурстве, равно как и широкий круг программ развития стратегических сил и сил общего назначения... На международной арене Москва стремится обеспечить свой статус великой державы, укрепляя свои связи с Германией, Францией, Китаем и Японией и требуя равного голоса в решении международных проблем, в особенности в том, что касается будущей архитектуры европейской безопасности и роли в ней НАТО»¹.

Поскольку это была открытая часть слушаний, естественно, что все, что изложено, было сильно приглаженной версией того, что говорилось за закрытыми дверями, в том числе и того, что касается угроз национальным интересам США. Однако и из материалов открытых слушаний достаточно очевидно, что несмотря на все рассуждения о «стратегическом партнерстве» России и США, Россия все же рассматривается на первом месте в списке угроз «жизненно важным интересам» Соединенных

---

¹ «USIA Wireless File», EVR 424, 06.02.1997.

Штатов. Именно по этой причине Вашингтон настаивал на ратификации Договора СНВ-2 и активно воплощал идею расширения НАТО в жизнь.

Кроме того, во внешней политике США наблюдалось стремление ослабить влияние России в тех регионах, где оно традиционно было сильным (Индия, Сербия) и сделать так, чтобы затруднить улучшение отношений с Китаем, Японией¹.

В период президентской кампании 1996 года в предвыборной платформе республиканцев и демократов отношениям с Россией не было уделено много внимания. Демократы заявляли о своей приверженности поддержке реформ в России.

В республиканской концепции мировой гегемонии США, предложенной кандидатом на пост президента от Республиканской партии Р. Доулом, сохранялся тезис об устрашении потенциальных врагов. Более того — произошла реанимация «образа врага» в лице России в условиях, когда она, очевидно, не представляла прямой военной угрозы Соединенным Штатам и испытывала серьезные экономические трудности².

Американские лидеры, независимо от политической окраски, считали, что то, каким путем пойдет Россия — «по пути демократии и свободного рынка» (путь со специфически российскими особенностями) или же по пути возвращения к «демократическому централизму» — во многом определит общий ход мирового развития в XXI веке.

В 1996 году Б. Клинтон был переизбран на второй срок, и администрация приступила к реализации глобальной стратегии, в основе которой было определение США как «незаменимой нации», т.е. нации, без активной политики которой невозможно демократическое преобразование международных отношений. Хотя на официальном уровне признавалось существование трех ведущих регионов-полюсов силы (Большой Европы, АТР, Америки), основополагающим было положение о сверхдержавном положении США и их доминированием в этих регионах и в мире в целом. Фактически принималась однополярно-трехполюсная модель с сильным акцентом на лидерстве США, интерпретация которого была часто тождественна гегемонии. Концепции «трехполюсного мира

---

¹ Kohen S. Op. cit. P. 473.

² Dole R. Shaping American Global Future // Foreign Policy. No. 98 (Spring 1995). P. 29-43.

была выдвинута политологами Ч. Купчаном, ранее И. Валерстайном и Ч. Мейнсом.

Но отношения с Россией стали развиваться в тот период достаточно сложно, что справедливо отмечали некоторые американские специалисты по внешней политике. Они считали, что никакие успехи США в бывших соцстранах не могли по своему значению превзойти важность отношений с Российской Федерацией, все еще остающейся ядерной сверхдержавой, взявшей на себя многое из советского наследства, играющей роль центра притяжения во всем постсоветском мире¹.

В этой области президент Клинтон хотя и пытался в ходе предвыборной кампании представить отношения с Россией как несомненный «успех», все же не только не добился существенного углубления сотрудничества по сравнению с периодом Дж. Буша, но создал предпосылки для осложнения отношений.

Дискуссии об американской политике в отношении России приобрели особую остроту, начиная с 1996 года. Назначение на пост министра иностранных дел Е.М. Примакова, провозгласившего многовекторную внешнюю политику, вызвало резкую реакцию со стороны республиканцев и консервативных аналитиков в США. Они заявили об окончательном повороте России к экспансионистской внешней политике в отношении соседних государств, о возврате к имперской стратегии в отношениях с Западом. Отмечалось, что внешнеполитическая риторика российского руководства все более отражает склонность оценивать международные отношения с позиций соперничества между Востоком и Западом, что Россией вновь во главу угла ставились великодержавные интересы.

Конгрессмен Дж. Соломон на заседании палаты представителей 24 января 1996 года выступил с довольно резкими предложениями по российской политике: прекратить экономическую помощь России, прежде всего ее правительству; заверить восточноевропейские страны, что их вступление в НАТО будет решено в самом ближайшем будущем; противостоять курсу России в ближнем зарубежье, прежде всего увеличению числа российских военных баз на их территории; предотвратить аннексию стран Балтии; покончить с незаконной оккупацией Молдовы; оказывать противодействие российской дипломатии в Иране, Ираке,

---

¹ Rummer E. Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. №96. Fall. 1994. P. 130.

Сирии, Ливии, а также на Кубе; отказаться от безоговорочного продолжения политики сокращения и контроля над вооружениями; выступить с предложением о выходе США из Договора по ПРО 1972 года, пересмотреть положения Договора СНВ-2¹.

В 1996 году на пост государственного секретаря США была назначена М. Олбрайт, более критически настроенная в отношении России, нежели ее предшественник У. Кристофер. В 1970-х — нач. 1980-х гг. она работала в аппарате СНБ, возглавляемом Зб. Бжезинским, который был помощником президента по НБ Дж. Картера².

При М. Олбрайт в американо-российские отношения была внесена определенная доля напряженности. Хотя некоторые официальные выступления М. Олбрайт проходили в духе «дружбы» с Россией. Выступая в Сенате США в апреле 1997 г., она заявила, что «невозможно построить неразделенную и свободную Европу, если демократическая Россия не будет ее полноценным участником»; что НАТО перестала быть военным блоком, целью которого было обеспечение обороны против Советского Союза, и что речь в настоящее время идет о «новом альянсе», не направленном против России³.

Но большинство своих речей М. Олбрайт по отношению к России произносила в жестком ключе. Российские думские комитеты по безопасности и международным делам оценили выступление госсекретаря США М. Олбрайт в России в конце 1998 года как вмешательство во внутренние дела РФ и, изучив ее речь, пришли к выводу, что США в отношении России преследуют цель: уменьшить ее военный потенциал, прежде всего ядерный; предотвратить возможность появления в лице России геополитического соперника и добиться, чтобы политика России в максимальной степени соответствовала интересам США⁴.

Победа Клинтона на президентских выборах 1996 года была расценена его администрацией как национальное признание выдвинутой ею

---

¹ Congressional Record. January 24, 1996. 104th Congress. 2nd Session. — 142 Cong. Rec. E 80. Vol. 142. No. 9.

² Walker M. Markers of the American Century. N.Y., 2000. P. 357-359.

Е.М. Примаков. Годы в большой политике. М., 1999. С. 273.

Blood Th. Madam Secretary: A Biography of Madeleine Albright. N.Y., 1999. P. 52.

³ Dobbs M. Madeleine Albright: A Twentieth — Century Odyssey. N.Y., 1999. P. 84.

Gibbs N. The many lives of Madeleine // Time. N.Y., 1997. Febr. 17. P. 30.

⁴ Независимая газета. 21.11.1998.

внешнеполитической стратегии США не только на конец XX века, но и на грядущее столетие. Стратегия расширения была оформлена в «Стратегию национальной безопасности в новом столетии», в которой были изложены основы политики администрации Клинтона на второй срок президентства¹.

В Стратегии США оставляли за собой право на односторонние действия. Стратегия предусматривала широкомасштабное регулирование международных отношений на глобальном и региональных уровнях, в том числе в сферах влияния России. США не собирались отказываться ни от одной из заявленных целей, что окончательно развеивало надежды на то, что интересы России будут приниматься во внимание.

В Стратегии был существенно понижен «российский фактор». Россия из разряда «приоритетного государства» была переведена в разряд «одного из государств», с которым США придется иметь дело в ходе реализации глобальной стратегии. В документе Россия не была выделена в отдельное региональное направление американской политики, рассматривалась как одно из новых независимых государств, отношения с которым объявлялись важными для европейской безопасности и бесконфликтного развития Европы. В документе выделялись четыре цели американской политики в отношении новых независимых государств: уменьшить угрозу ядерной войны и распространения ядерного оружия и любого оружия массового уничтожения; оказывать помощь этим государствам в развитии демократии и рыночной экономики, способствовать их интеграции в сообщество демократических государств; включить Россию, Украину и другие государства в новую систему европейской безопасности; оказывать помощь всем новым независимым государствам в разрешении этнических и региональных конфликтов, поддерживать их устремления к укреплению независимости.

Соединенные Штаты заявили о готовности развивать и поощрять любые двусторонние экономические связи с государствами, не входящими в ЕС, в частности, с постсоветскими государствами и странами Центральной и Восточной Европы. Политика США в странах СНГ и

---

¹ A National Security Strategy for a New Century. October 1998. URL: <http://www.whitehouse.gov> [дата обращения 15.09.1998].

Стратегия национальной безопасности США для нового столетия // Независимая газета. Сценарии. 1999. № 2.

Балтии наделялась особым статусом. Объявлялось, что независимость, суверенитет и территориальная целостность, а также успех политических и экономических реформ в этих государствах представляли особую важность для американских интересов. Фактически страны СНГ объявлялись зоной жизненно важных интересов Соединенных Штатов.

В качестве приоритета американской политики объявлялось сокращение торговых барьеров и принятие России в Парижский клуб (18 сентября 1997 года Россия стала членом Парижского клуба стран-кредиторов), а также в ВТО. В мае 1998 года в г. Бирмингеме (Великобритания) на встрече глав государств и правительств промышленно развитых стран («семерка») Группа семи была официально преобразована в Группу восьми — «политическую восьмерку»¹.

Несмотря на то, что к России высказывались серьезные претензии внутри— и внешнеполитического характера, существовали острые разногласия в связи с готовившимся расширением НАТО и другими вопросами безопасности, на официальном уровне Россия признавалась ядерной сверхдержавой, которую невозможно было не учитывать при планировании внешней политики США. Лишь небольшая группа американских внешнеполитических экспертов заявляла о том, что России ввиду ее экономической слабости не следует уделять серьезного влияния при планировании политики США.

Но расширение НАТО, бомбардировки Белграда силами НАТО в марте 1999 года без согласования с ООН, свертывание программ сотрудничества России и НАТО в 1999–2000 гг. позволили вновь заговорить о кризисе в российско-американских отношениях, о наступлении «холодного мира». Приходилось признать и американской и российской стороной неизбежность расхождения и столкновения интересов России и США и главенство национальных интересов над любыми формами партнерства обоих государств.

По мнению Г. Киссинджера, Россию рассматривали не как серьезную силу, но как объект снисходительного внимания к ее внутренним проблемам. Наблюдалось повышенное внимание к личности Бориса Ельцина². Отставка Ельцина была воспринята президентом Клинтоном и

---

¹ Wills G. Bully of the Free World // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 2 (March/April 1999). P. 50-59.

² Киссинджер Г. Дипломатия. С. 67.

американскими политическими деятелями с нескрываемым сожалением¹.

Несмотря на то, что определенная часть американской политической элиты продолжала поддерживать идею развития действительно партнерских отношений с Россией с учетом ее геополитических интересов, на официальном уровне все более укреплялась линия на дистанцирование от тесного партнерства с Россией, активизацию политики на постсоветском пространстве, укрепление американского лидерства, закрепление силового, зачастую одностороннего, подхода в решении международных проблем.

К концу 1990-х годов, через десять лет после прекращения холодной войны отношения между двумя бывшими противниками находились в состоянии «холодного мира». Провозглашенное партнерство так и не состоялось. Это было связано с рядом субъективных и объективных причин.

С одной стороны, для стратегического партнерства США и России не была четко определена сфера совпадающих интересов. С другой стороны, 1990-е годы стали периодом беспрецедентного успешного экономического развития США и болезненного и глубокого кризиса в России, не имеющей реальной, продуманной стратегии экономических и политических реформ. В результате возник огромный разрыв в военных потенциалах двух государств, что предопределило асимметрию их положения в новой системе международных отношений.

США, исторически претендуя на роль «единственной сверхдержавы», мирового лидера, не были готовы и не собирались признавать Москву равноправным партнером. Они пытались диктовать условия интеграции России в глобальный рынок, сделали ставку на расширение НАТО за счет бывших советских союзников, игнорировали российские интересы при решении региональных конфликтов, взяли курс на пересмотр военно-стратегического баланса в свою пользу.

В конце 1990-х годов у России и США накопились серьезные расхождения по целому комплексу экономических, политических и военных вопросов. Война НАТО против Югославии в 1999 г. спровоцировала самый острый кризис в российско-американских отношениях после холодной войны. Смена руководства в России и США в 2000 г. позволила снять

---

¹ President Bill Clinton, «Remembering Yeltsin» // Time. January 1, 2000; Киссинджер Г. Указ. соч. С. 68.

остроту кризиса, но противоречия между двумя странами не были разрешены.

В ходе подготовки и проведения президентских выборов в 2000 году американские политологи отмечали, что будущая администрация должна продолжить начатую демократами политику на укрепление глобального лидерства США, поскольку она наилучшим образом отвечает интересам Соединенных Штатов.

Либеральные стратеги, работавшие на демократическую администрацию, указывали, что в сложившейся к 2000 году относительно стабильной международной ситуации Соединенные Штаты могли более активно и полно воспользоваться своим уникальным положением, довершить демонтаж старого мирового порядка и сконструировать новый в соответствии с американскими идеалами и исторически сложившимися интересами¹.

Демократы предлагали полноформатное включение России в «семерку» (имелось в виду реальное, а не формальное включение в нее Российской Федерации, которая считалась членом «политической восьмерки» с 1998 года)².

Дж. У. Буш, претендовавший на пост кандидата в президенты от Республиканской партии, выступил в 1999-2000 гг. с докладами по внешней и военной политике США о поддержке и укреплении лидирующей роли Соединенных Штатов в мире³. Что касается России, то критика в ее адрес

---

¹ The 2000 Democratic National Platform: Prosperity, Progress and Peace. National Democratic Party Convention. — Los Angeles. August 14-18, 2000 URL: <http://www.democrats.org>; America 2000. The Plan for the Future of the Democratic National Committee. — Democratic National Committee. — Wash., D.C., 2000. URL: <http://www.democrats.org>; How Would Al Gore Govern in Foreign Policy? Wash., D.C.: American Enterprise Institute. June 14, 2000 URL: <http://www.algore2000.com/speeches>; Remarks as Prepared for Delivery by Vice-President Al Gore. — International Press Institute. April 30, 2000 URL: <http://www.algore2000.com/speeches>; Al Gore: Strengthening the World's Greatest Military Force.— Speech Before of the Armed Force Journal.-April 5, 2000 URL: <http://www.algore2000.com/speeches>; Transcript of Al Gore's Remarks. — 50th Anniversary of NATO. — Ellis Island. April 21, 1999. URL: <http://www.algore2000.com/speeches>; President William J. Clinton State of the Union Address. January 27, 2000. — Wash., D.C., 2000 URL: <http://www.whitehouse.com>

² Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000. URL: <http://www.republicans.org>

³ The Ottawa Citizen. 1999. November 26.

Bush G. A Charge to Keep. — Oxford University Press. — N.Y. 2000. P. 95.

усилилась. В предвыборных выступлениях республиканец Дж. Буш предупреждал, что при неблагоприятном развитии отношений с Россией (а также с Китаем и Индией) Соединенные Штаты будут готовы противостоять их политике и сдерживать их любыми доступными средствами. Отношения с Россией были поставлены в зависимость от того, насколько взаимодействие с ней не будет противоречить американским интересам и планам реализации глобальной стратегии, и в зависимость от того, насколько Россия сможет «вписаться» в американскую политику¹.

С. Тэлботт отмечал в мемуарах, что республиканцы пришли к власти с вполне конкретной установкой на отношения с Россией, о чем можно судить по приведенным им словам из выступления К. Райс в период подготовки к президентским выборам: «Вопрос заключается в том, насколько мы близки к тому, чтобы начать проводить политику сдерживания и карантина в отношении России, а не политику сотрудничества»².

Основные положения внешнеполитической программы Республиканской партии были представлены К. Райс в статье «Продвигая национальные интересы» и Р. Зелликом в статье «Внешняя политика республиканцев»³. И умеренные и жесткие республиканские аналитики считали, что уважение к силе должно оставаться в основе политики США⁴.

Придя к власти, республиканская администрация сохранила в качестве основополагающего положения утверждение о том, что мир однополюшен, США единственная сверхдержава, американские институты и ценности — самые передовые и наиболее привлекательные для других стран, желающих идти по пути прогресса, рыночной экономики и демократии.

В целом, администрацию Дж. Буша можно характеризовать как одну из наиболее непреклонных в отстаивании широко трактуемых интересов собственного государства. «Мы собрали лучшую в истории всех

---

¹ Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000. URL: <http://www.republicans.org>

² Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. N.Y.: Random House, 2002.

³ Rice C. Promoting National Interest // Foreign Affairs. Vol. 79. No. 1 (January-February 2000). P. 45-63;

Zoellick R. A Republican Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 79. No. 1 (January-February 2000). P. 63-78.

⁴ Sunday Telegraph. 2000, January 16.

администраций команду по национальной безопасности», — заявил президент Буш 4 марта 2001 года¹. «Национальная безопасность» стала приоритетным элементом внешней политики американской администрации.

Вскоре после вступления в должность в 2001 году президента Буша стратегия Соединенных Штатов в области контроля и сокращения ядерных вооружений приняла совершенно новое направление. Президент предложил выйти из официальных договоров о контроле над вооружениями, сокращая при этом в одностороннем порядке американские арсеналы, создавая систему противоракетной обороны и разрабатывая новые виды ядерного оружия. Со временем давление со стороны международного сообщества и Конгресса заставило Буша внести изменения в свой проект: в 2002 году он согласился на заключение договора о СНП с Россией, а в 2007 году американская администрация начала переговоры с Москвой о договоре СНВ-3, который должен был прийти на смену принятому в 1991 году Договору о СНВ-1. Однако в целом идеология американских властей заключалась в том, что контроль над вооружениями является ненужной помехой для могущества США. Американская администрация даже после событий 11 сентября 2001 г. продолжала уменьшать значение договоров и политики, направленных на предотвращение распространения оружия массового уничтожения и осуществление контроля над ним. Политика администрации Дж. Буша-мл. исходила из того, что в строгом контроле над ядерными арсеналами Москвы нет необходимости², т.к. они и так слабеют.

Стратегические рамки американо-российских отношений в контексте антитеррористической деятельности

На официальном уровне, на саммитах в Любляне и Генуе летом 2001 г. президенты Дж. Буш и В.В. Путин договорились возобновить диалог по всем аспектам взаимодействия США и России. Однако начавшиеся консультации на уровне высокопоставленных чиновников не привели к каким-либо серьезным подвижкам в позициях сторон. Администрация

---

¹ Hatcheson G. U.S. National Security: The Bush Team// Electronic Journals of the U.S. Department of State. — URL: <http://usinfo.state.gov> (дата обращения 05.09.2007)

² A Return to Arms Control. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/02>

Буша объявила, что не рассматривает Россию в качестве «врага» и намерена создать «новые стратегические рамки» американо-российских отношений. Но раскрывать содержание этих «рамок» США не торопились, добиваясь в то же время скорейшего слома прежней модели, основанной на концепции взаимного ядерного сдерживания. Вашингтон призвал Москву совместно объявить о прекращении действия Договора по ПРО, не предлагая ничего взамен. Такой подход оказался неприемлемым для России.

Скептически в отношении американо-российских отношений были настроены и официальные представители США. Так, например, советник Президента США по национальной безопасности К. Райс в одном из первых своих интервью после вступления в должность советника заявила: «Я полагаю, Россия будет все больше сближаться с арабскими странами, включая Иран. В конце концов такая политика приведет ее к отказу вносить свой вклад в усилия по сохранению мира... Я искренне считаю, что Россия представляет опасность для Запада вообще и для наших европейских союзников в частности. Ни они, ни мы еще не осознали в полной мере ту опасность, которую таят в себе ядерный арсенал и баллистические средства доставки Кремля»¹.

Двойственная позиция прослеживалась и в официальных документах администрации Буша. В первом доктринальном документе администрации — «Четырехгодичном оборонном обзоре», который был опубликован 1 октября 2001 г., но подготовлен в основном до событий 11 сентября, говорилось о возможности сотрудничества с Россией в сфере военной безопасности и борьбы с международным терроризмом, но подчеркивалось, что «в то же время в ряде вопросов Россия стремится к политическим целям, которые противоречат интересам США»².

Итак, при всех различиях в подходах российских и американских элит к проблеме российско-американских отношений, эти подходы объединяла стойкая уверенность в том, что у конструктивного взаимодействия двух стран на мировой арене нет будущего. Во всяком случае, именно такой взгляд превалировал на рубеже веков и в Москве, и в Вашингтоне.

---

¹ Российская газета. 2001. 22 февр. С. 11.

² Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense, September 30, 2001. pp. 4-5.

После террористического нападения на США и объявления американцами войны международному терроризму ситуация в российско-американских отношениях изменилась. Такой поворот вызвал оживленную дискуссию в серьезной американской прессе. Как писала газета «Уолл-стрит джорнел», «президенту Путину необходимо делать самый сложный выбор за все время своего пребывания на президентском посту — он должен решить, насколько далеко может зайти Россия, поддерживая войну Америки против терроризма»¹.

В новых условиях началась переоценка Вашингтоном возможной международной роли России. В Москве прошли переговоры между заместителем государственного секретаря Армитиджем и заместителем министра иностранных дел Трубниковым по вопросам сотрудничества в борьбе с терроризмом. Интенсивные контакты происходили и на более высоком уровне. Состоялось несколько телефонных разговоров президентов Дж. Буша и В.В. Путина. В начале октября 2001 г. российский министр обороны Иванов заявил, что Россия поддерживает любые усилия, направленные на то, чтобы прекратить международный терроризм.

Телеобращение В.В. Путина к гражданам России от 24 сентября 2001 г., в котором было заявлено об участии России в антитеррористической операции, было встречено американским руководством — Дж. Бушем, К. Пауэллом, К. Райс — с воодушевлением².

Одним из оснований сотрудничества двух государств стало согласие России на развертывание американских военных баз в бывших советских среднеазиатских республиках, несмотря на существовавшие опасения усиления влияния США в этом регионе, создания в Афганистане марионеточного режима и прозападного правительства.

Администрация Буша попыталась рассеять опасения по поводу американских намерений в Центральной Азии. В интервью газете «Известия» К. Райс заверяла, что США руководствуются «духом Любляны и Женевы», что они не намерены вытеснить Россию из Центральной Азии и признают, что у России есть свои интересы в этом регионе.³ В начале ноября 2001 г. министр обороны США посетил Москву, чтобы

---

¹ The Wall Street Journal. 2001. September 25.

² The Washington Post. 2001. October 18.

³ Известия. 2001. 15 окт.

заручиться российским согласием на расширение американского военного присутствия в бывших советских республиках.

По сведениям британской газеты «Гардиан», «американцы все-таки обещали не создавать постоянные военные базы в Средней Азии и, кроме того, обещали совместно с россиянами оказать поддержку Северному альянсу. Имеется также неформальное соглашение между Вашингтоном и Москвой о том, что ни одна из сторон без дальнейших консультаций друг с другом не предпримет шаги с целью приведения к власти в Афганистане нового режима и что никаких планов строительства нефте- и газопроводов не будет разрабатываться без взаимного согласия»¹.

События 11 сентября и согласие России на участие в антитеррористической войне потребовали от США отойти от двойных стандартов в подходе к чеченскому терроризму и выступить с его официальным осуждением². До этого США на протяжении нескольких лет остро критиковали Россию за «нарушение прав человека в сепаратистской республике». Изменение позиции произошло сразу вслед за предложением Москвы, позволяющим Соединенным Штатам использовать российские базы и воздушное пространство для ведения войны с терроризмом.

В свете произошедших событий 11 сентября американский и российский президенты подписали целый ряд совместных документов, провозгласивших установление новых стратегических отношений между двумя государствами.

В Вашингтоне 13 ноября 2001 года американским и российским президентами было подписано Совместное заявление «О новых отношениях между Россией и США». В документе было еще раз подчеркнуто, что Россия и США не рассматривают друг друга в качестве противника или источника угроз. Стороны подтвердили приверженность осуществлению значительных сокращений СНВ³.

В целом, в Совместном заявлении провозглашались новые стратегические, союзнические, отношения между Америкой и Россией в области борьбы с терроризмом, распространением ОМУ, региональной

---

¹ The Guardian. 2001. September 26.

² The Guardian. 2001. September 26.

³ Совместное заявление президента РФ В.В. Путина и президента США Дж. Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года // СИМО. Т. 4. С. 562-563.

нестабильностью. В документе неоднократно подчеркивалась важность принципа верховенства закона. Это предполагало, что оба государства в своих совместных действиях будут руководствоваться нормами международного права. Исходя из смысла документа, ОБСЕ является региональной европейской организацией, а НАТО — всеобъемлющей, что опять создавало почву для российско-американских разногласий. Россия с начала 1990-х гг. проводила линию на укрепление ведущей роли ОБСЕ в создании системы коллективной безопасности, в решении европейских и мировых проблем. США решающую роль отводили НАТО, и эта линия оказалась более успешной.

13 ноября 2001 г. было подписано Совместное заявление президентов по Афганистану, в котором говорилось, что Россия и США не собираются и не могут сформировать будущее правительство Афганистана. «Только сами афганцы определяют свое будущее»¹.

24 мая 2002 года в Москве Россия и США подписали подготовленный в шестимесячный срок Договор о сокращении стратегических наступательных потенциалов (Договор СНП), в котором стороны согласились в три раза уменьшить количество стратегических ядерных боезарядов — до 1700-2200 единиц к 31 декабря 2012 года².

В Москве рассчитывали, что российско-американское сотрудничество в антитеррористической коалиции и общее потепление отношений заставит Вашингтон отказаться от планов строительства ПРО, но тщетно. В 2002 году американская сторона официально вышла из Договора ПРО 1972 года.

Новые подходы во внешней политике и изменения в американо-российских отношениях нашли отражение в «Стратегии национальной безопасности США» администрации Дж. Буша-мл. от 20 сентября 2002 года, которая была приурочена к годовщине террористической атаки и анонсирована более чем за месяц³.

---

¹ Совместное заявление президента РФ В.В. Путина и президента США Дж. Буша по Афганистану. Вашингтон. 13 ноября 2001 года // СИМО. Т. 4. С. 563-564.

² Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. // СИМО. Т. 4. С. 564-565.

³ National Security of the United States of America. September 2002. URL: <http://www.whitehouse.gov> [дата обращения 05.04.2002].

Стратегия национальной безопасности США в XXI веке // Королев В.И. «Император вся Земли», или За кулисами «нового мирового порядка». М., 2004.

Стратегия 2002 года не содержала положений об участии США в международных миротворческих операциях под эгидой ООН, ориентируя американское руководство на создание таких отношений и институтов, которые будут способствовать управлению локальными кризисами по мере их возникновения.

СНБ 2002 г. рассматривала Россию и Китай как союзников США в борьбе с международным терроризмом, хотя и признавала, что в отношениях Америки с ними существует ряд проблем. К спорным и опасным моментам Стратегии национальной безопасности 2002 г. следовало отнести стремление США действовать самостоятельно, без учета мнения международного сообщества; право на упреждающие действия даже в случаях, когда неясно происхождение угрозы; политика нераспространения ОМП была представлена как политика противодействия распространению ОМП, что предусматривало изъятие ОМП у «подозреваемых» стран. Эти положения шли в разрез с нормами международного права, нормами ООН, ОБСЕ, нормами советско/российско-американских отношений в области ОСВ и СНВ, инициировали возможность нарушения суверенитета государств, утверждали право США решать международные проблемы при помощи военной силы.

После террористических преступлений 11 сентября сотрудничество в борьбе с терроризмом между Соединенными Штатами и Россией возросло в ряде областей. Президент США Дж. Буш выступил 28 января 2003 г. на совместном заседании обеих палат Конгресса с традиционным посланием о положении страны. В Послании подчеркивалась, что под флагом борьбы с террористами США собирались разработать и развернуть «эффективную противоракетную оборону, чтобы защитить Америку и ее союзников от внезапной атаки». Дж. Буш и К. Райс высоко оценили взаимодействие с Россией в антитеррористической коалиции¹.

Анализируя послание Дж. Буша можно сказать, что террористические акты не только способствовали мобилизации американского государства, но усилили как политические, так и экономические позиции и притязания США, и подкрепили планы США по ПРО.

---

¹ President Bush's State of the Union Address. URL: <http://www.whitehouse.gov> [дата обращения 05.09.2001].
Известия. 2001. 15 окт.

США и Россия являлись, бесспорно, ведущими участниками анти-террористической коалиции, созданной после 11 сентября 2001 г. Без российско-американского сотрудничества не удалось бы столь быстро и эффективно ликвидировать режим талибов и базы «Аль-Каиды» в Афганистане (тем самым была существенно снижена угроза со стороны исламского экстремизма южным рубежам СНГ)¹.

Сближение России и США в рамках антитеррористической коалиции позволило Москве и Вашингтону учредить Совет Россия — НАТО, который был призван стать, как это говорится в Декларации глав государств и правительств стран — членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г., «механизмом для консультаций, выработки консенсуса, сотрудничества, совместных решений и совместных действий России и государств-членов НАТО по широкому спектру вопросов безопасности в Евроатлантическом регионе»². Не приходится сомневаться в том, что именно позиция, занятая Кремлем 11 сентября 2001 г., во многом способствовала решению США и Евросоюза о признании рыночного статуса российской экономики. На встрече на высшем уровне стран «большой восьмерки» в июне 2002 г. в Канаскисе (Канада) была достигнута договоренность о выделении США, членами Евросоюза, Японией и Канадой до 20 млрд долл. на уничтожение ядерных и химических вооружений в России и повышение защищенности ядерных объектов.

Россия разрешила пролет через свою территорию и воздушное пространство транспортных самолетов стран-членов антитеррористической коалиции и проезд наземным путем и посодействовала созданию военных баз и опорных пунктов США в Киргизии, Узбекистане и Таджикистане. К сентябрю 2010 г., по оценкам заместителя госсекретаря США У. Бернса, в рамках двустороннего соглашения о воздушном транзите США и НАТО было осуществлено порядка 500 авиарейсов, в ходе которых в страну было переброшено порядка 60 тыс. американских

---

¹ Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. Т. 1. 2003. № 3. Июль-сентябрь. С. 91.

² Декларация глав государств и правительств стран-членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г. // СИМО в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4: Документы. 1945-2003. / Сост. Е.Г. Капустян и др. М. 2004. С. 565-569.

военнослужащих. Большое количество снаряжения было перевезено в Афганистан транзитом по железной дороге¹.

С одной стороны, были определены сферы американо-российского сотрудничества. А с другой стороны, США, пытались подменить сотрудничество с Россией в области сокращения вооружений на проблему борьбы с терроризмом. США, став наиболее сильной державой, приступили к реализации своих интересов как таковых, без какой-либо оглядки на интересы других государств и народов. Особенно вызывало опасение стремление США реализовать планы строительства НПРО, носившие явно антироссийскую направленность.

В результате, в свете объявленной борьбы с терроризмом и концепции противодействия распространению ОМП администрация Дж. Буша в периоды первого и второго президентства втянула США в войны в Афганистане и Ираке, угрожала превентивными ударами по Ирану и КНДР, блокировала дальнейшие переговоры по разоружению; совершенствовала системы НПРО на Аляске и в Калифорнии.

Хотя Дж. Буш в своих мемуарах указывал, что решение США о начале войны в Ираке было принято на основе ошибочных данных американских разведслужб о том, что Ирак имел химическое, биологическое оружие и в скором времени мог создать ядерное оружие, но все же «отрешение Саддама Хусейна от власти было правильным». Несмотря на оппозицию Германии, Франции и России Дж. Буш принял решение, поддержанное конгрессом, о начале войны². В целом, из мемуаров Дж. Буша, явствует, что главная цель США в войне Ирака была свержение законного правительства.

В период президентства Дж. Буша с наибольшей силой проявилось двойственность (бифуркация) в отношениях США с Россией, когда реализация глобальной стратегии стала более откровенной и жесткой, в том числе из-за совершенных терактов в 2001 г. Бифуркация проявилась на двух уровнях: концептуальном и дипломатическом. Наметилось серьезное расхождение во взглядах США и России на формирование мирового порядка и место держав в новой системе международных отношений. Соединенные Штаты видели порядок моноцентричным (американоцен-

---

¹ Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011. С. 71.

² Bush G.W. Decision Points. N.Y., 2010. P. 241-244.

тричным), объявляли себя главным творцом новых институтов и норм. Россия не соглашалась с таким видением, и ее критическое отношение постепенно нарастало. Кроме того, на политико-академическом уровне невозможно стало продолжать говорить о данных России обещаниях (членство в ВТО, поправка Джексона-Вэника, нерасширение НАТО за счет отдельных стран СНГ, невмешательство во внутренние дела ряда постсоветских стран и т.д.), так как ни одно из них за 15 лет не было выполнено. После 2005 г. российские политики и эксперты (значительное большинство) перестали соблюдать политическую корректность и откровенно заявили о несогласии¹, о неправомерности нарушения суверенитета стран под предлогом демократических преобразований, об интересах России в разных регионах мира, вступающих в противоречие с американскими. Заявка на одну из ведущих позиций в мировом регулировании, вместе с другими растущими державами (Индией, Китаем, Бразилией), свидетельствовала о том, что Россия сохранила внешнюю политику, основанную на национальных интересах, и начала ее укреплять и реализовывать в новых исторических условиях².

Стратегия национальной безопасности 2002 года, выдвинутая президентом Дж. Бушем-мл, итоги деятельности США в составе антитеррористической коалиции, война в Ираке и Афганистане получили неоднозначные оценки в американском политическом сообществе. Большинство политологов (М. Хэш, Дж. Айкенберри, М. Мэнделбаум, Зб. Бжезинский и др.), не отвергая в принципе стремление США к лидерству, подвергали критике американские односторонние действия в борьбе с терроризмом в Афганистане и в Ираке и нежелание прислушаться к мнению России, Франции, Германии.³ Политику односторонних действий Дж. Буша критиковали

---

¹ Рогов С.М. Конец однополярного мира. Новый этап в международных отношениях // НГ — НВО. 2006. 15 дек.

² Шаклеина Т. А. Российско-американские отношения в конце первой декады XXI века. Интернет-издание Россия и Америка в XXI веке. URL: <http://rusus.ru/?act=archive&edition=13> [дата обращения 01.02.2012].

³ Hirsh M. Bush and World // Foreign Affairs. 2002. September-October. Pp. 18-38. Ikenberry G. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs. 2002. September-October. Pp. 44-54; Mandelbaym M. The Inadequacy of American Power // Foreign Affairs. 2002. September-October. Pp. 61-70; Бжезинский Зб. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы: Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2010. С. 17; Олбрайт М. Сотрудничать, бомбить или угрожать // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3. Октябрь-декабрь. 2003. С. 32-52.

видные политические деятели — К. Пауэлл, Р. Армитейдж, Д. Эванс, Дж. Тенет, Б. Скоукрофт, Дж. Бейкер и др.¹

Бывший вице-президент А. Гор осуждал отказ Буша от сотрудничества с Россией в области сокращения вооружений и от международных договоров, в т.ч. и нератификации ДВЗЯИ (о всеобъемлющем запрещении ядерных испытаний). Буш нанес урон ДНЯО при попытке заключения ядерными сделки с Индией. А. Гор осуждал выход США из Договора по ПРО².

В 2008 году в ходе предвыборной президентской кампании, проходившей под лозунгами критики политики президента Дж. Буша-мл., сохранялось сходство взглядов на Россию у демократов (кандидат Б. Обама) и республиканцев (кандидат Дж. Маккейн). Оно существовало уже в 2000 г., хотя в то время противников ужесточения критики в адрес РФ было больше, и они выступали активнее. Если и можно было заметить отдельные нюансы в формулировании тезисов о России, то основная мысль была одна и та же — Россия не самая важная страна для США, но в то же время — проблема³.

Так, Б. Обама заявил о том, что будет работать с разными политическими деятелями и лидерами стран, взаимодействие с которыми необходимо Америке для выполнения поставленных внешнеполитических задач⁴. В области внешней политики он выступал за умеренную изоляцию России: «Если мы хотим сохранить режим нераспространения, без сотрудничества с Россией не обойтись»; против поспешного развертывания систем ПРО в Восточной Европе и разделения Европы на старую и новую⁵; против войны в США в Ираке и за полный вывод американских войск из Ирака.⁶ «Мы

---

¹ Примаков Е.М. Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике. Т. 1. 2003. № 3. Июль-сентябрь. С. 80-85; Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США // Россия в глобальной политике. Т. 1. 2003. № 3. Июль-сентябрь. С. 86-101.

² Гор А. Атака на разум: Пер. с англ. СПб.: Амфора, 2008. С. 254, 265, 268.

³ Шаклеина Т.А. Американские выборы и будущее российско-американских отношений // Индекс безопасности. № 3. Т. 14 (осень 2008). С. 15-32.

⁴ Remarks of Senator Barack Obama to the Chicago Council on Global Affairs. 2007. 23 April. URL: http://www.thechicagocouncil.org/dynamic_page.php?id=64 [дата обращения 05.09.2008]; Barack Obama's Foreign Policy Speech. 2007, 2 October. URL: <http://www.cfr.org/publications/14356>.

⁵ URL: <http://www.pravda.rv.ua/analitica/Barack%20Obama.php#P3> [дата обращения 05.09.2010].

⁶ URL: <http://www.barackobama.ru/politics/platform> [дата обращения 05.09.2010].

должны полностью изменить Америку» — это лозунг предвыборной кампании Барака Обамы на выборах президента 2008 года.

Оба кандидата заявляли о продолжении политики сокращения стратегических вооружений совместно с Россией, укреплении ДНЯО.

Дж. Маккейн хотя и говорил о возможности российско-американского взаимодействия, объявил Россию «реваншистской» державой¹. Предложенный Маккейном план построения новых международных институтов на основе демократических ценностей исключал две важнейшие мировые державы — Китай и Россию, что можно было расценить как стремление американского руководства начать новую холодную войну².

После вступления Б. Обамы на пост президента США в 2009 году переговорный процесс с Россией в сфере сокращения стратегических вооружений был продолжен, результатом его стало заключение в 2010 году Договора СНВ-3.

В общем концептуальном плане Б. Обама выдвинул стратегию сотрудничества ради нового «международного порядка», базирующегося на дипломатии и совместных действиях.

В целом, в период президентства Обамы американо-российские отношения развивались не просто. Вашингтон продолжал вооружать Грузию, несмотря на то что это беспокоит Россию, а факт грузинской агрессии в августе 2008 г. признан мировым сообществом. Отказавшись от размещения в Польше и Чехии элементов евроПРО, новая американская администрация не может, а скорее, не хочет, достигнуть согласия на российско-американских переговорах по ПРО. США не собираются уходить с военной базы в киргизском Манасе и продолжают попытки усилить свое присутствие в соседних государствах этого нестабильного региона.

---

¹ McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future // Foreign Affairs. 2007, November/December URL: <http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86602/john-mccain/an-enduring-peace>.

² McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future // Foreign Affairs. 2007, November/December. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86602/john-mccain/an-enduring-peace>; Zakaria F. McCain Vs. McCain. Newsweek. 2008, 26 April URL: <http://www.newsweek.com/id/134317>; Kuchins A. Time to Treat Russia as a Partner // The Moscow Times. 22 September 2008. URL: <http://www.moscowtimes.ru/articles>; A Return to Arms Control. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/02>

Сказанное в полной мере относится и к провозглашенной Б. Обамой «перезагрузке» отношений с Россией, единственным реальным достижением которой является Договор по СНВ-3.

Необходимо отметить, что на протяжении 1990-х годов политико-правовые основы внешней политики США претерпели определенную эволюцию.

В период президентства Б. Клинтона в основу американской внешней политики была положена историческая американская идеология мирового лидерства, мировой гегемонии, облеченная в стратегию расширения. В более жесткой и амбициозной форме стратегия гегемонии получила развитие при Дж. Буше-мл., провозгласившем политику односторонних действий, нанесения превентивных ядерных ударов по «неблагонадежным» странам. Если Рейган пестовал мировое лидерство Америки в целях сокрушения коммунистической «империи зла», то Буш утверждал такое лидерство, имея в виду «крестовый поход» против мирового терроризма¹. Б. Обама облек стратегию гегемонии в доктрину «международного порядка».

Одним из факторов, влияющих на внешнюю политику США, в т.ч. и на российском направлении, является цивилизационный фактор, который представляется возможным определить как экспансионистский мессианизм (американские исследователи подчас обозначают его как идеализм, интернационализм, а также демократический мессианизм)². О его присутствии в американской истории говорил президент США Б. Обама: «У нас в ДНК... отпечатано стремление к расширению — географическому, экономическому и идеологическому»³. После поражения США во Вьетнаме фактор экспансионистского мессианизма резко ослабел, но на современном этапе произошла его реанимация⁴.

Если отойти от официальных документов и деклараций о партнерстве с Россией, и проанализировать практический аспект американо-российских отношений, можно выделить действительные цели, преследуемые

---

¹ Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 510.

² Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 32.

³ Цит. по: Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США. С. 32.

⁴ Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США. С. 33.

руководством США, которые в силу понятных обстоятельств не предназначались к сведению широкой публики (за исключением первой цели):

1) сохранение и укрепление лидирующей роли США в мире в отношениях с союзниками и бывшими противниками по холодной войне за счет ослабления международной роли ООН, ОБСЕ, пересмотра норм международного права.

2) сохранение той или иной степени влияния на внутреннюю и внешнюю политику российского руководства.

3) недопущение существенного экономического и, в особенности, военно-политического усиления России.

4) недопущение восстановления сфер влияния России в Прибалтике, Центральной и Восточной Европе, на Ближнем Востоке или в каких-то других регионах мира и укрепление американского влияния на постсоветском пространстве.

5) сохранение переговорного механизма по сокращению стратегических вооружений в целях, с одной стороны, информированности о возможных технологических прорывах России в сфере стратегического и оборонного (ПРО) вооружения, с другой стороны, в целях ослабления второй ядерной державы.

6) сохранение и расширение рынка для потребительских и сельскохозяйственных товаров США и закрепление роли России в качестве поставщика энергоресурсов, но без допущения энергетической монополии России на европейском континенте.

7) предотвращение слишком большого сближения России с Германией, Индией, Китаем или Японией.

8) сохранение и укрепление военно-политического «страховочного механизма» на основе НАТО на случай неблагоприятного для США развития событий в России, а также как средство политического давления на Россию.

Естественно, что реализация почти каждой из выше указанных целей в полном объеме практически невозможна, так как речь идет о сильном суверенном государстве, что хорошо понимают в США. Поэтому цель Соединенных Штатов — добиваться на каждом из этих направлений максимально всего того, что США могут реализовать с помощью дипломатии, экономического и военного давления, политического торга и других рычагов внешней политики.

Эти задачи ставятся в целях ослабить международное влияние России, стабилизировать статус России в качестве предсказуемого (в американском понимании) государства, региональной державы, имеющей свои законные интересы, но не мешающей лидирующей роли США в мире.

Определенные изменения произошли в американской внешней политике с приходом к власти президента Б. Обамы. Новый президент более осторожно, нежели его предшественник Дж. Буш-мл., строит отношения с Россией. США и Россия продолжили процесс сокращения стратегических вооружений, был заключен Договор СНВ-3. Но Америка упорно не отказывается от процесса расширения НАТО на восток и планов строительства системы ПРО в Европе. Проблема европейской ПРО особо остро проявилась в американо-российских отношениях после выхода США из Договора по ПРО 1972 года, а с 2008 года стала центральной. В своих действиях Б. Обама вынужден учитывать мнение республиканцев в Конгрессе, получивших большинство в 2011 г.

Объявленная президентами США и России «перезагрузка» отношений между двумя государствами в момент подписания Договора СНВ-3 не принесла пока нашей стране существенных дивидендов. Сохраняются существенные разногласия по ПРО. США, декларируя курс на налаживание отношений с Россией, учет ее интересов, на реальное сотрудничество не соглашается.

В целом, ограничение и сокращение стратегических вооружений, несмотря на отдельные пробелы и спады, остается центральной проблемой в системе американо-советско/российских отношений в 1969-2010 гг.

2.3. Основные принципы обеспечения национальной безопасности в Соединенных Штатах Америки и Российской Федерации

Национальная безопасность США строится в соответствии со стратегией, обновляемой с периодичностью в четыре года. Доктринальное видение американской безопасности определяется следующей структурой:

— фундаментальные (постоянные) интересы, которые по заявлению М. Олбрайт, неизменны в течение более чем 200 лет и заключаются

в обеспечении безопасности, процветания и свободы американского народа;

— миссия государства на данном этапе (что представлено доктриной, отражающей национальные интересы в понимании действующего президента США);

— конкретные целевые установки, разрабатываемые и достигаемые администрацией президента, государственными структурами, группами влияния, коммерческими и неправительственными организациями — субъектами национальной безопасности страны.

Основными факторами, определяющими процесс разработки взглядов на национальную безопасность в США, являются:

- степень реальности внешней угрозы;
- политическая роль президента;
- результаты межпартийной борьбы в Вашингтоне.

Вместе с тем, существует два подхода к процессу разработки американских взглядов на национальную безопасность. В случае выявления уровня высокой степени внешней угрозы процесс формирования политики национальной безопасности становится централизованным и контролируется президентом, жестко соблюдая национальные интересы, переходя от лозунгов к руководству действиями. При этом Конгресс и группы влияния становятся второстепенными звеньями, СМИ разделяют пропрезидентскую точку зрения. Формирование стратегии национальной безопасности становится децентрализованным и бесконтрольным процессом в случае уменьшения внешней угрозы. При этом все больше вовлекаются Конгресс, группы влияния и СМИ. Разнообразие и противоречивость разрабатываемых в этот период вариантов стратегии национальной безопасности связаны с ориентацией членов Конгресса на удовлетворение интересов, прежде всего, нужных групп избирателей и финансовых групп в своих штатах. При этом следует учитывать чередование циклов в общественном развитии США, доминирование общественного или частного интереса (А. Шлезингер)¹.

---

¹ Артур Шлезингер-младший — современный американский историк, политолог и геополитик, родился в 1917 г. в семье известного историка Артура Шлезингера-старшего (URL: <http://uchebnik-online.com/129/1724.html> (дата обращения: 20.04.2016 г.)).

При избрании президента от республиканцев в руководство вопросами национальной безопасности назначаются лидеры деловых кругов, бывшие высшие военные чины и известные ученые-международники (Г. Киссинджер, А. Хейг, Дж. Шлиссенджер, К. Пауэлл). Отличительной особенностью республиканской администрации является жесткий реализм, а доктрина национальных интересов, отдающая выраженный приоритет внешним, а не внутренним делам, ориентируется на использование силовых инструментов, поддержку союзников и выработку такой стратегии, цели которой могут быть выполнены. Для республиканской администрации характерно стремление избежать войны и политического авантюризма. Такая общая модель нашла отражение в деятельности администраций Р. Рейгана и Дж. Буша¹.

Демократов отличает либерализм, особенно в отношении экономических и социальных вопросов. Интересы различных групп населения, поддерживающих демократов (мелкие фермеры, еврейские объединения, выходцы из других стран, юристы и журналисты) больше отличаются друг от друга, чем интересы групп, поддерживающих республиканцев. В администрацию «демократических» президентов назначаются ученые, юристы, политические деятели из Конгресса (С. Вэнс, З. Бжезинский, Э. Лейк, М. Олбрайт, С. Тэлботт)². При решении проблем национальной безопасности демократы ориентируются больше на желаемый результат, нежели на пути и необходимые средства его достижения. Демократы предпочитают право силе, однако используют для этого и военные инструменты, особенно не задумываясь о порядке их использования и последствиях (войны в Корее, Вьетнаме, акция в Сомали и бомбардировки Косово). Демократы с большим трудом управляют внешними конфликтами (например, Югославия (1999 г.), Афганистан, Ливия, Украина, Сирия).

Степень межпартийной борьбы оказывает значительное влияние на политику национальной безопасности США. Межпартийная борьба, с одной стороны, значительно снижает риски, на которые могла бы пойти администрация, поставив под угрозу национальные интересы, а с другой — дает возможность избежать выдвижения рискованных и амбициозных

---

¹ См.: Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

² Там же.

внешнеполитических инициатив. Низкий уровень межпартийной борьбы повышает вероятность осуществления рискованных мероприятий. Двухпартийное согласие привело, например, к войне в Корее и во Вьетнаме, а также к одобрению расширения НАТО. В условиях низкого уровня угроз и слабой межпартийной борьбы процесс определения основных приоритетов страны становится глубоко бюрократическим и приводит к длительному согласованию ключевых национальных целей в администрации президента¹.

С окончанием «холодной войны» для США исчез вынужденный контроль за собственными планами и амбициями, связанный с опасностью противодействия стороны противостояния или эскалацией цены реализации этих планов. В Соединенных Штатах выкристаллизовалось представление об американских возможностях как о стержневом механизме поддержания выгодного для общества мирового порядка (*shaping*). Сочетание этих обстоятельств с множественностью субъектов национальной безопасности воскресило целый спектр доктринальных трактовок роли и места США на рубеже веков, значительно отличающихся от официальных и частично реализуемых отдельными государственными и неправительственными организациями.

По мнению американского исследователя Ф. Нахта, трактовка классификации сводятся в четыре основные группы, которые образует пересечение двух альтернатив в трактовке национальных интересов США:

- изоляционизм (выборочная вовлеченность), что предполагает глобальную вовлеченность в мировые дела;
- опора на собственные силы («односторонники»), с привлечением международных организаций и союзников («многосторонники» — интернационалисты).

Сторонники опоры на международные организации делятся на две группы. К первой группе относятся сторонники американского глобального лидерства с опорой на международные организации и союзников США, которые должны помогать реализовывать глобальные устремления Вашингтона. Разработчики этой доктрины национальных интересов (У. Кристофер, Э. Лейк, П. Тарноф, М. Кеннеди, Р. Хаас) связаны с

---

¹ См.: Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

демократической партией, а также крупнейшими межнациональными корпорациями, в которых ведущие позиции занимает еврейский капитал. Очень тихо в хоре этих заявлений звучат и идеи о необходимости возвращения к забытым принципам мирного сосуществования, конвергенции и т.д. (например, «мутуализма» Х. де Сантиса). Вторая группа «многосторонников» выступает за необходимость четкого выделения наиболее важных интересов США в реальном времени, ориентируя на необходимость дифференциации критериев безопасности. К сторонникам такого «аккуратного» подхода относятся деятели высшей американской бюрократии, как правило технократы — практики из Госдепартамента, Министерства обороны, ЦРУ и т.д. Доктрина выборочной вовлеченности была разработана Г. Киссинджером, У. Мейнесом, Б. Бредли, отчасти З. Бжезинским, Ч. Купчаном, относящимися к демократам и финансируемыми из тех же источников.

Сторонников опоры на исключительно американские силы также представлены двумя группами. Первая группа предлагает глобальную вовлеченность в мировые дела без учета интересов и сотрудничества как с официальными союзниками, так и ООН, ОБСЕ и т.п. При этом делается упор на американскую исключительность. Эти взгляды отражены в доктринах Б. Доула, Н. Гингрича, докладах республиканского «Фонда Наследие» (Фельнер), Кристола и Кагана («доброжелательное лидерство»), З. Халилзада, Д. Джонстона («служение-лидерство») и отражают предпочтения мощных моно— и транснациональных компаний, интересы которых лоббируют группы влияния из теперешнего республиканского конгресса. Вторая группа «односторонников» — это т.н. «неоизоляционисты» или «затворники», отстаивающие необходимость резкого сокращения внешней военно-политической активности США и сосредоточения на экономических и внутренних аспектах безопасности Америки. Данную трактовку интересов США выражают Дж. Хелмс (Сенат) и Дж. Шлиссенджер, а также часть высшей бюрократии, курирующей внутренние проблемы (доктринальное обоснование — Д. Бендоу, К. Лайон). Представителями «затворников», выступают как правило, республиканцы — выразители интересов малого и среднего бизнеса¹.

---

¹ См.: Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

Несмотря на то, что в большинстве перечисленных доктрин отсутствуют прямые антироссийские положения, тем не менее их анализ свидетельствует, что Россия рассматривается как системное препятствие на пути их реализации.

Наименее агрессивно настроены по отношению к России доктрины изоляционистов, что понятно, а также «выборочных» «многосторонников». Доктрины последних исходят из теории баланса сил. Поэтому Г. Киссинджере призывает всячески ограничивать расширение России за счет «ближнего зарубежья», а У. Мейнес — сбалансировать силу РФ проведением скоординированной с ЕС, Китаем, Японией и, возможно, Индией политики сдерживания.

Позиция американских доктрин в отношении России однозначна. Чиновники — практики, вне зависимости от партийной ориентации, реализующие внешнеполитический курс, в том числе в отношении РФ, знают реальную цену усилий по сдерживанию, а мелким и средним бизнесменам до России вообще нет дела. Недружественные для российских интересов направления деятельности обозначены в доктринах глобалистов. При этом, «многосторонники» — демократы в полной мере стремятся расширить демократию и рынок как в РФ, так и в зонах ее бывшего влияния. Именно эти доктринальные установки в полной мере были реализованы и проводятся администрациями Б. Клинтона, Б. Обамы. «Управление реформами» (или кризисом — как угодно) из США уже нанесло РФ значительный ущерб без привлечения силовых методов. Кроме того, расширилось число военных союзов с явной антироссийской направленностью (расширение НАТО, поощрение ГУУАМ). Наиболее явные антироссийские положения содержатся в доктринах глобалистов — «односторонников». Они тоже предполагают необходимым не допустить возрождения РФ в границах СССР, сбалансировать ее мощь в Европе и Азии, развернуть национальную ПРО для нейтрализации ее ядерного статуса, получить свободный доступ к ее ресурсам и рынкам «ближнего зарубежья», отменить ООН, где РФ — постоянный член СБ и т.д.

Агрессивность доктрин глобалистов объясняется прежде всего учетом интересов национальных и многонациональных корпораций. Здесь под национальным интересом понимается прежде всего выгода, размеры которой зависят от успешности использования объективных процессов глобализации.

На рубеже веков эволюция взглядов на национальную безопасности США пришла к своему закономерному итогу. США открыто заявляют о своей силовой «единственности» и безальтернативности как организующего начала в глобальном масштабе. Весь мир стал делиться на тот, который признает «мир по-американски» и тот, который «заблуждается» относительно наступления последнего.

Фактически Б. Клинтон сформировал новую доктрину США как новой оси мироздания, метрополии для всего остального мира, развитие которого зависит от американских ресурсов, воли и интеллекта. США, беря на себя роль глобального лидера, становятся основой международной безопасности и американоцентричной системы международного права («США больше, чем ООН»). В доктрине Б. Клинтона фактически сфокусировались антироссийские положения глобалистов, как демократов — «многосторонников», так и республиканцев — «односторонников».

Американский подход обеспечения национальной безопасности определяется:

- стратегией национальной безопасности (National Security Strategy).
- стратегией национальной обороны (National Defense Strategy).
- национальной военной стратегией (National Military Strategy).

Официальным документом, выражающим резюме по вопросам национальной безопасности, является «Стратегия национальной безопасности» (National Security Strategy). В сентябре 2002 г. администрацией Дж. Буша был представлен документ, обозначивший ключевые принципы и задачи внешней политики США, а также их видение нового мирового порядка. Также в данном документе были определены основные угрозы интересам национальной безопасности Соединенных Штатов, в число которых вошли — международный терроризм, распространение оружия массового поражения, а также чувствительных технологий. В этой связи, в рамках данного документа, администрацией Белого дома в качестве приоритетной задачи было выделено уничтожение международных террористических организаций с использованием всех возможностей Соединенных Штатов Америки, потенциала союзных, а также дружественных государств до того, как террористическая угроза достигнет национальных границ США¹.

---

¹ См.: Стратегия национальной безопасности США (17 сентября 2002 г.) // История США: Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 394.

Данный документ представлял собой концептуальное, цельное и всеобъемлющее изложение внешнеполитического курса США на мировой арене с точки зрения обеспечения безопасности Америки. «Стратегия» рассматривала не только основные вопросы безопасности, но и в целом наиболее важные, стратегические направления внешней политики страны»¹. В стратегии были отмечены следующие официальные задачи Соединенных Штатов — это обеспечение политической и экономической свободы в глобальном масштабе, мирные отношения с другими странами и уважение к человеческому достоинству. «Мы стремимся создать баланс сил, благоприятствующий свободе человека, создать условия, в которых все государства и все общества смогут выбрать для себя блага политической и экономической свободы. В мире, не представляющем опасности, люди смогут сделать свою жизнь ещё лучше. Мы будем защищать мир, сражаясь с террористами тиранами. Мы сохраним мир, выстраивая дружественные отношения между великими державами. Мы будем способствовать расширению сферы мирных отношений, поощряя свободные и открытые общества на всех континентах»². В соответствии с этим документом для достижения данных задач Соединенные Штаты будут:

- стремиться к поддержке уважения человеческого достоинства по всему миру.

- укреплять альянсы с целью поразить глобальный терроризм и работать над предотвращением атак против США и их союзников.

- сотрудничать с международным сообществом в разрешении региональных конфликтов.

- предотвращать угрозы применения оружия массового уничтожения против США и их союзников.

- способствовать продвижению глобального экономического роста с помощью поддержки свободных рынков и свободной торговли.

- расширение развития через открытие обществ и построения демократической инфраструктуры.

---

¹ См.: Стратегия национальной безопасности США (17 сентября 2002 г.) // История США: Хрестоматия / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 394.

² The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. — P. 1-2. URL: whitehouse.gov/nsc/nss.html (дата обращения: 20.04.2016 г.).

— разработка планов сотрудничества в сотрудничестве с другими центрами глобальной силы.

— трансформация институтов национальной безопасности Америки с целью противостоять вызовам XXI века¹.

Обновленная, по сравнению с вариантом 2002 года, версия «Стратегии национальной безопасности США» была опубликована в Вашингтоне 16 марта 2006 года, являвшейся по сути стратегией военного времени, которая была призвана обеспечить безопасность американцев в условиях видоизменившихся вызовов и угроз нового тысячелетия². В качестве главных угроз были названы терроризм, вдохновляемый агрессивной идеологией ненависти и насилия, а также распространение опасных видов вооружений. Основами современной стратегии национальной безопасности США на тот период являлись защита свободы, справедливости и достоинства людей в различных регионах мира, а также исторически обусловленное мировое лидерство США в растущем сообществе демократических государств, противостоящих современным глобальным угрозам³. Отмечалось, что главной целью государственной политики США в области обеспечения национальной безопасности есть создание мирового устройства, предполагающего наличие совокупности демократических, «хорошо управляемых» (well-governed) государств, отвечающих интересам их граждан и ответственных перед мировым сообществом, что является лучшим путем обеспечения безопасности американского народа.

В Стратегии 2006 года была радикально изменена позиция США в отношении Российской Федерации. В 2002 году Вашингтон отмечал некоторые положительные изменения, происходящие в России, и именовал ее как союзника в борьбе с терроризмом. В Стратегии 2002 года подчеркивалось, что Соединенные Штаты не смогут добиться значимых

---

¹ См.: Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том II: Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. С. 14.

² The National Security Strategy of the United States of America. March 16. 2006. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/nss.pdf> (дата обращения: 20.04.2016 г.).

³ The National Security Strategy of the United States of America. March 16. 2006. URL: <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdffiles/nss.pdf> (дата обращения: 20.04.2016 г.).

позитивных изменений без поддержки международных союзников и партнеров. Но в документе 2006 года Вашингтон выразил весьма скептическое отношение к развитию демократии в РФ. В Стратегии 2006 года было записано, что США «должны быть готовы к тому, чтобы действовать самостоятельно в случае необходимости». В связи с чем, кстати, департамент информации и печати МИД России заявил, что, по мнению Белого дома, «главным критерием развития отношений Соединенных Штатов с зарубежными государствами будет соответствие или несоответствие поведения той или иной страны американскому пониманию демократии и потребностям борьбы с неугодными режимами, как это видится из Вашингтона»¹.

В 2010 году американский президент Б. Обама предложил новый широкий пересмотр стратегических приоритетов, которые нашли своё отражение в обнародованной 27 мая того же года Стратегии национальной безопасности. В доктрине подчеркивается, что США должны воскресить свою собственную экономическую, нравственную и инновационную мощь, если хотят и дальше играть ведущую роль в мире.

Так же, как и после Второй мировой войны, Соединенные Штаты должны сформировать новый международный порядок и систему мировых институтов, отражающих действительность XXI века, в которой «величие Америки не гарантировано».

«В то время как мы ведем войны, мы должны видеть и горизонт за ними», — пишет Б. Обама во вступлении к документу. «Чтобы попасть туда, мы должны проводить стратегию национального обновления и мирового лидерства — стратегию, восстанавливающую основание американской силы и влияния». Новая доктрина США представляет собой разрыв с односторонним военным подходом, который его предшественник пропагандировал после терактов 11 сентября. Стратегия американского президента Б. Обамы предлагает «широкое понимание того, на чем основывается наша национальная безопасность». Военное превосходство должно быть сохранено, и «Соединенные Штаты остаются единственным государством, способным вести крупномасштабные военные операции на дальнем расстоянии», — говорится в докладе. Но «когда мы

---

¹ См.: Иванов В. Стратегия безопасности по-американски. URL: http://nvo.ng.ru/realty/2009-06-19/5_strategy.html (дата обращения: 20.04.2016 г.).

злоупотребляем нашей военной мощью, или не используем дополнительные инструменты, или действуем без партнеров», — говорится в документе, — «то наши вооруженные силы чрезмерно напряжены. Американцы несут тяжёлую ношу, а наше мировое лидерство слишком ассоциируется лишь с военной силой». В стратегии упоминаются четыре «постоянных национальных интереса», «неразрывно связанных» между собой: безопасность, процветание, ценности и международный порядок, и отмечается, что центральным элементом стратегии администрации станет расширение взаимодействия США с «другими ключевыми центрами влияния — включая Китай, Индию и Россию, а также с государствами, чье влияние растет, такими как Бразилия, Южная Африка и Индонезия». В ней упоминается о ранее озвученном сдвиге от «большой восьмерки» к «большой двадцатке», которая превращается в «главный форум международного экономического сотрудничества»¹.

В документе признается, что для успешного решения перечисленных приоритетных задач в сфере национальной безопасности потребуются мобилизация всех интеллектуальных, экономических и военных ресурсов США, в том числе «сохранение адекватного потенциала ядерного сдерживания, до тех пор пока ядерное оружие существует, и превосходства в области обычных вооружений», совершенствование деятельности спецслужб и правоохранительных органов, модернизация всей системы государственного управления, более тесное взаимодействие с союзниками, партнерами и международной общественностью².

Американская Национальная военная стратегия обновляется каждые четыре года, определяет руководству вооруженных сил видение состояние мира, положение в нем Соединенных Штатов, какие важные проблемы безопасности для государства могут решать с участием своих вооруженных сил. Принятый в 2004 году документ описывал пути защиты США, предотвращения конфликтов и внезапного нападения, как преобладать над противниками, которые угрожают Соединенным Штатам, развернутым силам, их союзникам и друзьям.

---

¹ National_security_strategy May 2010. URL: http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.04.2016 г.).

² National Defense Strategy of the United States of America. D.C.: Department of Defense, June 2008. Available at: <http://www.defenselink.mil/> (дата обращения: 15.02.2016).

В июне 2008 года министерство обороны США выпустило новую Национальную оборонную стратегию («Стратегия национальной обороны», National Defense Strategy)¹. Официальный документ Пентагона, определяющий среднесрочную идеологию военной политики государства, в течение нескольких месяцев оставался практически незамеченным, так как воспринимался большинством практиков и аналитиков как документ-завещание республиканской администрации Дж. Буша-младшего. Однако 29 сентября 2008 года министр обороны США Роберт М. Гейтс, выступая в Университете национальной обороны, в котором готовится военно-политическая элита страны, представил Национальную оборонную стратегию как балансир будущей военной политики государства, позволяющий увязать возможности и потребности США в применении военной силы². Как следствие, новая стратегия попала в разряд документов, имеющих политическое будущее.

В 2011 году была опубликована новая версия национальной военной стратегии США. В документ, редактировавшийся последний раз в 2004 году, внесены существенные изменения³.

Основным нововведением стало изменение главной задачи стратегии. В документе в качестве такой задачи определялась защита США от возможного внезапного нападения и обеспечение общего военного и технологического превосходства над противником.

В феврале 2011 года была принята «Национальная военная стратегия» (National Military Strategy), которая конкретизируя содержание «Стратегии национальной безопасности» (National Security Strategy), «Стратегии национальной обороны» (National Defense Strategy) и анализируя состояние безопасности в мире, определила цели, задачи и потребности вооруженных сил. В то время как «Стратегия национальной безопасности» и «Стратегия национальной обороны» рассматривают возможности применения военной силы в широком стратегическом

---

¹ National Defense Strategy of the United States of America. D.C.: Department of Defense, June 2008. Available at: <http://www.defenselink.mil> (дата обращения: 15.02.2016).

² Speech Delivered by Secretary of Defense Robert M. Gates at the National Defense University. Washington, D.C. September 29, 2008. Available at: <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1279> (дата обращения: 15.02.2016).

³ URL: <http://press-post.net/novaja-voennaja-strategija-ssha-osoznanie-realnosti> (дата обращения: 2 мая 2016).

контексте в сочетании с другими инструментами национального потенциала, «Национальная военная стратегия» сосредоточивает свое внимание на военной деятельности путем постановки ряда взаимосвязанных задач и выработки объединенных оперативных концепций, на основании которых председатель комитета начальников штабов оценивает степень угрозы, а руководство видов вооруженных сил и командующие объединенными командованиями оценивают свои потребности.

В 2011 году стратегия США исходила из того, что блоковая структура в современном мире более невозможна, а потому глобальную политику будут определять более гибкие и сложные коалиции государственных и негосударственных структур. Как следствие с этого времени основной задачей стало укрепление связей между США и их партнерами за рубежом. Залог безопасности в современном мире определялся через участие в международных коалициях. При этом, несмотря на закрепленную приверженность к коалиционному формату, США в случае необходимости оставляли за собой право действовать самостоятельно.

В 2015 году была принята новая американская «Национальная военная стратегия», в которой в качестве основных угроз были названы «ревизионистские государства, бросающие вызов международным нормам» и экстремистские группировки, такие как «Исламское государство». Одним из «ревизионистских государств» авторы документа считают Россию, которая нарушает международные нормы и подрывает региональную безопасность как напрямую, так и через связанные с ней силы¹.

Среди прочих задач называется укрепление региональной безопасности, противодействие экстремизму, сдерживание агрессии и формирование «вооруженных сил будущего». При этом особо отмечается, что США стремятся к безъядерному миру. Авторы документа предлагают укреплять взаимодействие между Россией и США: «Мы будем укреплять диалог и военное сотрудничество с Россией, исходя из тех успехов, которых мы достигли в сокращении стратегических вооружений», — говорится в тексте документа. Его авторы приводят также примеры наших общих интересов — это противодействие распространению ядерного

---

¹ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1938881.html> (дата обращения: 2 июля 2015).

оружия, борьба с терроризмом, сотрудничество в освоении космоса и в создании системы ПРО.

Что касается военной доктрины США — то если во времена «Великой шахматной доски» З. Бжезинского страшится сил США еще был смысл, то в первом десятилетии XXI века этот талантливый аналитик констатирует явный американский провал¹. З. Бжезинский дал принципиально иную оценку тому положению, в котором оказались Соединенные Штаты. Причем не в результате происков каких-то внешних врагов — международного терроризма, России, Китая, стран «оси зла», а в силу своих стратегических просчетов. По его мнению, США стали жертвой собственных геополитических амбиций. В то же время З. Бжезинский вынужден был признать парадоксальный факт: «Даже самая могущественная сверхдержава может сбиться с правильного пути и поставить свое первенство под угрозу, если ее стратегия окажется неверной, а ее понимание мира ошибочным». Очевидно, что речь идет прежде всего об идеологических (мировоззренческих) просчетах и формулировании на их основе военно-политической доктрины, последовательная реализация которой привела к катастрофическим итогам. Истоки этих просчетов следует искать еще в 1990-х годах.

Предложенное администрацией определение тех сил, с которыми американцев призывают сражаться в ходе «войны с терроризмом», сформулировано крайне туманно. Нагнетание паники некоторыми заинтересованными сегментами американского общества, периодические кампании в средствах массовой информации против той или иной страны — изгоя, избранной на роль очередного «врага года» для Америки, рискуют сформировать параноидальное видение мира.

США и их союзники в НАТО приступили к изучению новой редакции военной доктрины РФ, утвержденной 26 декабря 2014 года Президентом РФ В.В. Путиным, заявила представитель Пентагона Ванесса Хиллмэн. Из новой российской доктрины следует, что ни США, ни союзники по НАТО не являются угрозами для России, и в течение более чем двадцати лет НАТО работает над тем, чтобы построить партнерские отношения с РФ», — передавали РИА Новости слова представителя

---

¹ URL: <http://rusdozor.ru/2015/01/05/kto-kogo-peredoktrinit-voennye-doktriny-rf-i-ssha-kratkij-obzor/> (дата обращения: 2 июня 2016).

Пентагона В. Хиллмэна, которая при этом добавила, что «США и их союзники в НАТО не ищут конфронтации с Россией»¹. Доктрина учитывает появление новых угроз для России, в частности, связанных с ситуацией на Украине и вокруг неё, с событиями в Сирии, Ираке и Афганистане. К числу таких вызовов также отнесены продвижение НАТО к российским границам, планы создания глобальной ПРО и размещение стратегического оружия в космосе.

Вместе с тем, анализ альтернативных взглядов на основные принципы обеспечения национальной безопасности США и их национальные интересы показал следующее.

Столкновение глобальных интересов США и интересов России будет неизбежно. Формы и интенсивность такого столкновения (почти по Хантингтону, а точнее, Гумилеву) могут быть различными: от косвенных и неявных до открытой конфронтации². Доктрина Б. Клинтона была унаследована Б. Обамой и его администрацией в силу преемственности курса, что способствовало сохранению в начале XXI века текущего уровня оперативных угроз в виде расширения НАТО, выдавливания РФ из Закавказья и Центральной Азии, проведения устрашающих операций в отношении потенциальных союзников России, закрытия для российских фирм американского рынка, информационных атак и т.д.

Согласно большинству существующих доктрин США будут объективно генерировать для России системную и долгосрочную угрозу, вытекающую из стремления национальных американских компаний управлять процессами глобализации в интересах собственного сохранения и развития. Американский изоляционизм США для России несет угрозу, сопоставимую по катастрофичности с развалом СССР.

Ущерб РФ даже при сохранении существующего уровня угроз от деятельности США будет нарастать при сохранении тех же условий планирования в области российской национальной безопасности. По мнению отдельных политологов, это связано с отсутствием в России доктринального мышления и формирования доктринально-управленческих, а не администрирующих документов в области национальной безопасности.

---

¹ URL: <http://rusdзор.ru/2015/01/05/kto-kogo-peredoktrinit-voennye-doktriny-rf-i-ssha-kratkij-obzor/> (дата обращения: 2 июня 2016)

² См.: Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

Исторический опыт свидетельствует, что усилия деятельности политико-государственных и военных органов в оборонном строительстве, в послевоенный период, были направлены на укрепление военной безопасности¹ СССР². Результатом этих усилий стали достижение и поддержание военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО³, сохранение военно-стратегической стабильности. Основными направлениями военно-технических факторов достижения военно-стратегического паритета между сверхдержавами стали обеспечение глобального контроля за боевым применением любых типов СНВ, повышение их живучести и достоверности информации предупреждения.

В этой связи тезис Президента РФ о перестройке мира по пути многополярности, отраженный в его Послании Федеральному Собранию в 1999 г., будет иметь силу лишь в том случае, если Россия будет отстаивать эту многополярность, которая не придет сама, всеми располагаемыми на настоящее и будущее время инструментами национальной мощи⁴.

Исторический опыт международных отношений последнее десятилетие XX века свидетельствует о фактах «гуманитарной интервенции», превентивных и упреждающих силовых действий против других государств, НАТО-центристской модели миротворчества, а также незаконность интервенции стран НАТО против Югославии в 1999 г., противоправность принудительных мер, а затем и войны США и ряда стран НАТО против Ирака в 2003 г., политика расширения НАТО и

---

¹ Под военной безопасностью следует понимать состояние, при котором вероятность войны сводится к минимуму вследствие отсутствия побудительных мотивов к применению военной силы и условий, требующих восстановления баланса сил, осуществления мер по предотвращению или парированию военной опасности. (См.: Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и определений / Под общ. ред. В.Л. Манилова. М.: РАЕН, 1998. С. 17-18.)

² См.: Матвеев О.В. История и развитие войск ракетно-космической обороны (Противоракетная оборона как фактор национальной безопасности). М.: МО, 2001. 142 с.

³ См.: Шардаков В.С. Исторический опыт Советского государства по достижению и поддержанию военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО (1945-1985 гг.). М.: ГАВС, 1992. С. 32-61.

⁴ Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

проникновения США и других государств-членов НАТО в страны СНГ, а также отношения России с НАТО — в сумме 12 правовых проблем из перечня, включённых Российской Ассоциацией международного права в список наиболее актуальных международно-правовых проблем для разработки¹. Именно эти проблемы являются сегодня предметом острой дискуссии не только между специалистами по международному праву, но и между политическими руководителями ведущих стран мира, как ещё раз показало выступление Президента России В.В. Путина на международной конференции в Мюнхене 10 февраля 2007 г.² и последовавшая на него реакция.

Система обеспечения национальной безопасности Российской Федерации создается и развивается в соответствии с Конституцией России, Федеральными законами, указами и распоряжениями Президента России, постановлениями и распоряжениями Правительства, федеральными программами в этой области³.

Основу системы обеспечения национальной безопасности России составляют органы, силы и средства обеспечения национальной безопасности, осуществляющие меры политического, правового, экономического, организационного, военного и иного характера, направленные на обеспечение безопасности личности, общества и государства.

Полномочия органов и сил обеспечения национальной безопасности России, их состав, принципы и порядок действий определяются соответствующими законодательными актами Российской Федерации.

Поскольку стратегическая доктрина любого государства предусматривает возможность применения им силы в определённых обстоятельствах в отношениях с другими государствами для защиты своих

---

¹ См.: Российская Ассоциация международного права // Повышение эффективности международного права в XXI веке. Актуальные проблемы для разработки / Подготовили: проф. О.Н. Хлестов и Д.О. Медведева. СПб., 2001. 40 с.

² См.: Выступление Президента России В.В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. (<http://www.president.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118109.shtml>) (дата обращения: 2 июля 2015).

³ См.: Конституция Российской Федерации. М., 1994; Военная доктрина Российской Федерации. М., 2000; Концепция национальной безопасности Российской Федерации. М., 2000; Концепция внешней политики Российской Федерации. — М., 2000 и др.

интересов и содержит обоснование такого применения силы, российская политика обеспечения безопасности строится на основе общие нормы действующего международного права по вопросу о применении силы в международных отношениях.

В формировании и реализации политики обеспечения национальной безопасности России в соответствии с Конституцией принимают участие:

- Президент Российской Федерации.
- Федеральное Собрание Российской Федерации.
- Правительство Российской Федерации.
- Совет Безопасности Российской Федерации.
- Секретарь Совета Безопасности.
- Федеральные органы исполнительной власти.
- Органы исполнительной власти субъектов России.

До 1991 года Россия, находясь в составе СССР, руководствовалась Военной доктриной Советского Союза, принятой в 1987 году. После 1991 года в течение полутора лет были разработаны по меньшей мере семь различных вариантов Доктрины.

Военная доктрина 2000 года была принята в РФ после бомбежек бывшей Югославии (1999 г.), после начала «первой волны» расширения НАТО. Сам процесс расширения НАТО (особенно приема новых членов) стал оцениваться в РФ более критически. Поэтому закономерно, что это отразилось и на содержании военной доктрины, проект которой был одобрен 9 октября 1999 года¹.

Военно-политический, военно-стратегический и военно-экономический компоненты военной доктрины были сконцентрированы не на разрозненных ведомственных задачах, а на комплексных общегосударственных направлениях строительства, подготовки и применения военной организации государства как целостной системы, предназначенной для обеспечения безопасности РФ.

В действующей до конца 2014 года российской Военной доктрине 2010 года в лице НАТО определялись основные внешние военные

---

¹ См.: Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21 апреля 2000 г. Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/33.html> (сайт Совета безопасности РФ).

опасности¹. В п. 8 «Основные внешние военные опасности» подчеркивалось стремление наделить силовой потенциал НАТО глобальными функциями... приблизить военную инфраструктуру... к границам РФ, в том числе путем расширения блока. Поэтому в п. 16 подчеркивалось: «Ядерное оружие будет оставаться важным фактором предотвращения возникновения ядерных военных конфликтов и военных конфликтов с применением обычных средств поражения (крупномасштабные войны, региональные войны)»².

Вместе с тем, в соответствии с российскими военными доктринами 1993, 2000 и 2010 годов не предполагалось планирование применения ядерного оружия в превентивных ударах.

В то же время очевидна модернизация стратегических наступательных вооружений, проводимых США, развертывание глобальной ПРО с интеграцией в нее евроПРО³, материальная и идеологическая поддержка Саакашвили накануне и в ходе агрессии против Южной Осетии в августе 2008 года, фактическое восстановление военного потенциала Грузии. Эти и другие факторы созданы и реализуются не РФ, а США и НАТО. Реакция на них России была вынужденной и объективной.

Как считает экс-начальник Генерального штаба Вооруженных сил России генерал армии Ю. Балувеский, новые угрозы для России не являются только военными, однако могут значительно повлиять на военную безопасность страны: «Подобное мы уже наблюдали во время цветных революций в Северной Африке и ряде стран бывшего СССР». В 2008–2010 годах Ю. Балувеский, был заместителем секретаря Совбеза, возглавлял межведомственную комиссию по разработке новой Военной доктрины РФ, во всех тонкостях знаком с проблемами укрепления

---

¹ См.: Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации до 2020 года» от 5 февраля 2010 г. № 146 // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902197069> (дата обращения: 25.05.2016 г.).

² URL: <http://vpk-news.ru/articles/22618> (дата обращения: 25.05.2016 г.).

³ Российский Президент В.В. Путин выступая на сентябрьском совещании по Гособоронзаказу напомнил, что несколько лет назад США вышли в одностороннем порядке из договора о противоракетной обороне: «Полным ходом идет создание системы ПРО. Успехов на переговорном треке здесь не видно. Более того, создаются соответствующие системы в Европе и на Аляске, то есть вблизи от наших границ» (URL: http://rusvesna.su/recent_opinions/1413973904 (дата обращения: 25.05.2016 г.).

национальной безопасности, которые злободневны в настоящее время¹. На Западе последние два года очень продуктивно сами себя пугают несуществующей «российской угрозой», сами же шарахаются от нее и на этом фоне принимают решения, уже далеко выходящие за рамки пресловутых «двойных стандартов». Это лицемерие в кубе, оно просто зашкаливает. В этом же контексте и планы США по размещению своих военных объектов в Европе. Никакие обеспокоенности российской стороны во внимание не принимаются².

В организации национальной безопасности России особое место занимала Концепция внешней политики РФ³, Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года»⁴. Анализ этих документов свидетельствует о стремлении России в своей внешней политике к цивилизованному решению глобальных и региональных проблем.

Одним из приоритетных направлений во внешней политике России считается обеспечение национальной безопасности страны на многосторонней и двусторонней основе сотрудничества с государствами-партнерами. Сущность такого подхода установлена концепций внешней политики Российской Федерации⁵ и стратегией национальной безопасности РФ до 2020 года⁶. Данное положение подтверждено и в Военной

---

¹ URL: <http://www.belvpo.com/ru/40810.html> (дата обращения: 25.05.2016 г.).

² URL: <http://rusdozor.ru/2015/01/05/kto-kogo-peredoktrinit-voennye-doktriny-rf-i-ssha-kratkij-obzor/> (дата обращения: 25.05.2016 г.).

³ См.: Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (сайт Президента РФ. 15.07.2008).

⁴ См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. № 537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. № 5535 (159) 2011. 22 июля.

⁵ Концепции внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 303 // Российская газета. 2014. 8 апр. Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/acts/785> (сайт Президента РФ. 15.05.2016).

⁶ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (сайт Совета Безопасности РФ. 15.05.2016; Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4KaRukP9L>; Собр. законод-ва Российской Федерации, 2015) (дата обращения: 25.05.2016 г.).

доктрине Российской Федерации, в которой отмечено, что «основными приоритетами военно-политического сотрудничества России являются консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны, а также осуществление миротворческой деятельности с государствами-участниками ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями — вовлечение представителей Вооруженных Сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных Сил и других войск в операциях по поддержанию мира»¹.

Вместе с тем еще в «Военной доктрине Российской Федерации» (2010) и «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» сформулированы некоторые угрозы. В Стратегии «угрозами военной безопасности» названа «политика ряда ведущих зарубежных стран, направленная на достижение преобладающего превосходства в военной сфере, прежде всего в стратегических ядерных силах, путем развития высокоточных, информационных и других высокотехнологических средств ведения вооруженной борьбы, стратегических вооружений в неядерном оснащении, формирования в одностороннем порядке глобальной системы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства, способных привести к новому витку гонки вооружения, а также на распространение ядерных, химических, биологических технологий, производство оружия массового уничтожения либо его компонентов и средств доставки»².

В целом, для РФ военные угрозы (угрозы военной безопасности) представлены следующим возможным спектром:

---

¹ Документ был одобрен на совещании Совета Безопасности России 19 декабря 2014 года. По сравнению с Военной доктриной Российской Федерации от 2010 года (утв. Указом Президента РФ от 5 февраля 2010 г. № 146) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — ГАРАНТ.РУ: <http://www.garant.ru/news/592210/#ixzz4KaUh4CEv/> (дата обращения: 25.05.2016).

² URL: <http://army-news.ru/2014/08/18-ugroz-bezopasnosti> (дата обращения: 25.05.2016 г.).

1. Расширение НАТО на восток, его стремление получить «новое дыхание», укрепить военный потенциал.

2. Появление в окружении России новых центров силы, обладающих ВС, сопоставимыми и даже превосходящими ВС РФ.

3. Расширение «ядерного клуба». Распространение оружия массового поражения, и попадание его в руки террористов.

4. Милитаризация околоземного космического пространства.

5. Появление новых типов средств воздушно-космического нападения в безъядерном снаряжении.

6. Действия международного терроризма, в отдельных районах РФ незаконных вооруженных формирований.

7. Обострение территориальных противоречий между сторонами и отсутствие гарантий того, что они не приобретут более острый характер.

8. Снижение роли и значимости ООН в урегулировании международных конфликтов.

В концентрированном виде свое мнение российский Верховный Главнокомандующий о положении в мире и задачах ВС высказал 19 декабря 2014 года на расширенном заседании коллегии Минобороны. Коллегия впервые прошла в новом Национальном центре управления обороной России. По мнению президента, центр должен «повысить качество управления Вооруженными Силами» и занять «ключевое место в системе обеспечения обороны и безопасности страны».

В условиях роста активности НАТО и создания эшелонированной системы ПРО США Путин отметил, что «свою безопасность мы будем отстаивать последовательно и жестко». Он подчеркнул, что благодаря армии, которые продемонстрировали «четкие, сдержанные, выверенные действия», в Крыму не случилось «кровапролития и гуманитарной катастрофы».

Российский Президент подчеркнул, что события последнего времени показали кардинальные изменения в российской армии, которая «становится современной, готовой выполнять самые сложные и ответственные задачи». Из его выступления следует, что по итогам 2014 года в войска поступило более 4,5 тыс. новых образцов вооружения, военной и специальной техники, в том числе 142 самолета, 135 вертолетов, 4 подводные лодки, 15 надводных кораблей и катеров, 19 зенитно-ракетных комплексов, 590 танков и боевых машин пехоты.

В числе других достижений 2014 г. Президент РФ отметил выполнение заданий гособоронзаказа и рост престижа воинской службы. Рост престижа подтверждает конкурс в вузы Минобороны (до 6 человек на место) и рост числа контрактников (более чем на 75 тыс. человек), две трети, из которых в 2014 году имели высшее или среднее специальное образование.

Верховный Главнокомандующий отметил ряд приоритетных задач. Первой из них он считает завершение разработки Плана обороны на 2016–2020 гг., который должен быть утвержден в декабре 2015 г. Второй главной задачей является развитие стратегических ядерных сил (СЯС), которые являются «важнейшим фактором поддержания глобального равновесия и фактически исключают возможность крупномасштабной агрессии против России». По его словам, в 2015 г. в состав СЯС должны были поступить более 50 межконтинентальных баллистических ракет.

Кроме того, продолжится модернизация стратегической авиации, а также должен быть разработан новый стратегический бомбардировщик. Станут на боевое дежурство ракетные подводные крейсеры «Владимир Мономах» и «Александр Невский». До 2021 г. должны быть оснащены современным вооружением ядерные силы наземного базирования.

Третьей задачей российский Президент считал создание в 2015 г. создание нового вида войск — Воздушно-космических сил. Совокупное применение авиационных комплексов, средств ракетно-космической и противовоздушной обороны значительно «повысил уровень защиты воздушно-космического пространства над Россией».

Еще одной важной задачей стало качественное усиление обороны стратегически важных регионов страны: Арктики и других территорий. Для этого 15 декабря 2014 года на базе Северного флота было образовано Объединенное стратегическое командование¹.

Военно-организаторская деятельность высших органов власти по созданию войск противоракетной и противокосмической обороны (ракетно-космической обороны), а затем и воздушно-космической обороны,

---

¹ Владимир Путин: Об угрозах России и задачах по укреплению ее обороноспособности [Электронный ресурс] // Оружие России. 2014. 25 дек. URL: http://www.arms-expo.ru/analytics/politics_and_society/vladimir-putin-ob-ugrozakh-rossii-i-zadachakh-po-ukrepleniyu-ee-oboronosposobnosti/ (дата обращения: 25.12.2014 г.).

явилась диалектической взаимосвязью борьбы за достижение и поддержание военно-стратегического паритета, сохранение стратегической стабильности. Проблема создания и развития сил и средств выступала не самоцелью военно-технической политики, а средством обеспечения надежного отпора агрессору, гарантированной защиты от внезапного ракетно-ядерного нападения, в том числе и из космоса, на СССР-РФ.

Создание системы Воздушно-космической обороны на основе систем ракетно-космической обороны и противосамолётной обороны, в целях укрепления военной безопасности, направлено:

— на выполнение боевых задач информационно-разведывательными средствами систем предупреждения о ракетном нападении и контроля космического пространства, противоракетной обороны по разведке воздушно-космического пространства, обнаружению средств воздушно-космического нападения и космической (стратегической) разведки в заданных секторах ответственности;

— организацию защиты высших звеньев государственного и военного управления, командных пунктов ВС и стратегическими ядерными силами средствами противоракетной и противокосмической обороны, во взаимодействии со средствами ПВО;

— развертывание воздушно-космической обороны РФ.

К одной из таких группировок следует отнести российские силы и средства войск ракетно-космической обороны¹, создание и развитие которых стало одним из направлений деятельности государственных и военных органов в оборонном строительстве, укреплении военной безопасности, другим направлением — развертывание системы воздушно-космической обороны на основе зенитных ракетных комплексов С-400 и системы ракетно-космической обороны, обеспечивающей воздушно-космическую оборону.

---

¹ Войска РКО были образованы в 1993 г. в соответствии с Указом Президента РФ, ведущие свое начало от войск противоракетной и противокосмической обороны в составе Войск ПВО страны, созданных 30 марта 1967 г. Затем решением Президента РФ Д.А. Медведевым 1 декабря 2011 г. были сформированы Войска воздушно-космической обороны (далее — ВКО), объединившие РКО и часть сил ПВО (*прим. авторов*).

2.4. Оценка российских и американских подходов к стратегической стабильности в конце XX — начале XXI вв.

Имеющиеся в исследуемый период в мире стратегические ядерные вооружения в качественно-количественном отношении являются результатом взаимодействия двух противоположных тенденций: стремления к накоплению огромных количеств все более совершенных боевых средств, что существенным образом повысило возможность всеобщего уничтожения, и борьбы против такой перспективы. Параллельно развитию СНВ совершенствовались и механизмы сдерживания опасности их применения. Отдельными «узлами» этих механизмов стали:

- предотвращение распространения ракетно-ядерного оружия;
- ограничение ядерных испытаний;
- образование безъядерных зон и др.

Эти направления борьбы против ядерной опасности привели к выработке ряда международно-правовых норм, реально приблизивших мир к ее обузданию. Одна из главных ролей в этом процессе обеспечения стратегической стабильности принадлежала Договору по ПРО 1972 года, что признавалось не только ядерными державами, но и всем мировым сообществом.

В США под стратегической стабильностью («strategia stability») понимается такое состояние отношений между сторонами, при которых ни одна из сторон не может решиться использовать СЯС в период кризиса, в связи с чем часто используется также термин «кризисная стабильность» («crisis stability»). Американскими исследователями введено в оборот и более узкое понятие «стабильность первого удара» («first-strike stability»), под которым понимается состояние, определяемое соотношением сил сторон, когда ни одна из них не имеет побудительных мотивов к нанесению первого ракетно-ядерного удара с целью упреждения противника во время кризиса. При этом наиболее общими терминами, используемыми при оценке соотношения сил сторон, являются «военно-стратегический баланс» и «паритет».

Военно-стратегический баланс («military equilibrium») констатируется в случае устойчивого, примерно равновесного соотношения военных сил противостоящих государств (коалиций) в течение

рассматриваемого кризисного периода. Частным случаем подобного баланса является военный паритет («military parity»), который отражает состояние примерного равенства боевых возможностей противостоящих сил. Для выражения минимально необходимого уровня боевых возможностей своих вооруженных сил на Западе используется термин «военная достаточность» («military sufficiency»), под которой понимается такой уровень военного потенциала государства, который обеспечивает гарантированное достижение целей национальной безопасности.

По мнению ряда российских исследователей, под уровнем оборонной достаточности следует понимать минимальный уровень стратегических вооружений страны, достаточный для обеспечения и поддержания стратегической стабильности¹.

В России под стратегической стабильностью подразумевают некоторую обобщенную характеристику военно-политической ситуации, обусловленную результирующей политических, экономических, военных и других мероприятий, проводимых противостоящими государствами, благодаря которым ни одна из сторон не способна или не имеет намерения осуществить агрессию, в том числе в период кризисов и конфликтов.

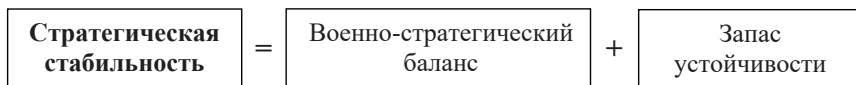
Такое определение соответствует интуитивному пониманию сущности явления, однако имеет чисто описательный характер, не позволяя вычленив сам предмет стратегической стабильности, выработать критерии ее оценки, получить количественные ответы на вопросы, связанные с проблемой обеспечения стратегической стабильности, военно-стратегического баланса.

Более конструктивным и содержательным представляется определение, согласно которому стратегическая стабильность — это «устойчивость военно-стратегического баланса», которая сохраняется или поддерживается в течение длительного периода, несмотря на влияние дестабилизирующих факторов (высокоточное оружие, тактическое ядерное оружие, ядерное вооружение других стран, научно-технические

---

¹ Этому подходу следует Кокошин А.А. в своей книге «В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности». М.: Политиздат, 1989, а также авторы сборника «Россия: в поисках стратегии безопасности (проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчества)». М.: Наука, 1996. 271 с.

прорывы и т.д.)¹. Это определение сужает само понятие, переводит ряд его важнейших аспектов в разряд сопутствующих, переставляет акценты, позволяет выразить ее сущность формулой (Рис. 1).

Рис. 1. Компоненты стратегической стабильности

Понимание военно-стратегического баланса как слагаемого устойчивости стратегической стабильности требует дополнительных разъяснений. Такой подход справедлив, даже если речь идет лишь о РФ и США. С одной стороны, современный мир стал более многообразным и сложным, поэтому при оценке военно-политической обстановки вряд ли можно игнорировать позиции стран, обладающих меньшими ядерными потенциалами или вообще их не имеющих, в связи с чем оценка ситуации в терминах устойчивости и равновесия может быть крайне нестабильной и опасной. С другой стороны, США и РФ — это две ядерные сверхдержавы. После распада СССР только на территории Украины оставалось такое количество ядерных боезарядов, которое превышало ядерные потенциалы Франции, Великобритании и Китая, вместе взятые. Существующий военно-стратегический ядерный паритет России и Соединенных Штатов, признанный в ряде двусторонних документов, по всей видимости, еще достаточно долго будет определять мировую стратегическую ситуацию. С другой стороны, понятие «запас устойчивости» характеризует способность восстановления равновесия в течение времени, которого недостаточно для извлечения выгод стороной, в чью пользу произошло нарушение данного элемента системы стратегического равновесия.

Категория военно-стратегического баланса в меняющемся мире, по всей вероятности, также претерпевает изменения в своей основе. По-видимому, исходя из положения и возможностей РФ в обеспечении

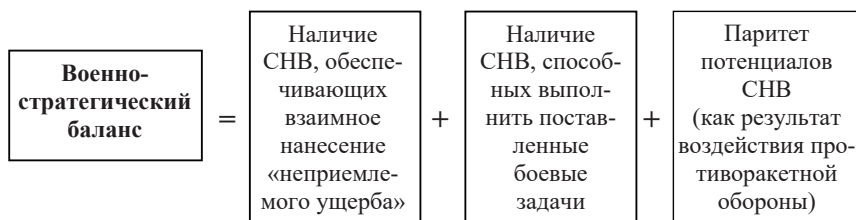
¹ См.: Россия: в поисках стратегии безопасности (проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчество) / Отв. ред. А.Г. Арбатов. М.: Наука, 1996. С. 37.

военного аспекта национальной безопасности с учетом предстоящих сокращений ядерных вооружений, в 1990-х годах баланс мог быть сохранен при обеспечении:

— равновесия, за счет наличия у сторон таких СЯС, боевые возможности которых обеспечивали взаимное нанесение «неприемлемого ущерба» друг другу в ответных действиях, при отсутствии у противоборствующих сторон национальной ПРО.

— равновесия за счет наличия у сторон СЯС, способных выполнить поставленные боевые задачи;

— стратегического ядерного равновесия за счет примерного равенства потенциалов СЯС сторон, ограниченных феноменом Договора по ПРО 1972 года (до выхода из Договора Соединенными Штатами). Методология оценки военно-стратегического баланса в этот период основывалась на совокупности всех трех приведенных подходов в обеспечении военной безопасности, в основу которой положены СЯС. Такое понимание позволяло выразить ее (оценку военно-стратегического баланса) сущность формулой (Рис. 2).

Рис. 2. Оценка военно-стратегического баланса

По-видимому, есть основание утверждать, что Договор по ПРО играл не последнюю роль в обеспечении военно-стратегического баланса, и, как следствие, в стратегической стабильности. Безусловно, современный военно-стратегический баланс — это соотношение количественных и качественных показателей сил двух сторон и факторов, определяющих стратегическую ситуацию. Основу этого баланса составляют стратегические силы, главным элементом которых являются ядерные вооружения. Состояние же баланса зависит не только от ядерного оружия, но и от многих других элементов и факторов. На протяжении пяти десятилетий

существования СЯС постоянно подтверждалась связь между наступательными и оборонительными средствами противостоящих друг другу ядерными сверхдержав. Даже разработка и испытания, не говоря уже о развертывании нового наступательного или оборонительного оружия, претендующего на большую эффективность у одной из сторон, вызывает нарушение существующего паритета, который другая сторона стремится компенсировать развертыванием своего оружия, обеспечивая тем самым стратегическое равновесие на более высоком уровне. В результате складывается ситуация, когда новое оружие порождает проблему создания контроружия, что, в свою очередь, обуславливает разработку нового оружия. Следовательно, можно говорить о действии в области стратегического баланса закона «убывающего эффекта», когда все большее вложение ресурсов в ядерные вооружения приносит все меньший эффект с точки зрения реально значимого изменения соотношения сил. В результате появлялось все больше ядерных боеголовок, нацеленных все на большее число объектов двух сторон, сокращалось время для принятия ответных решений в связи с ядерным нападением, непреднамеренно возникшей конфликтной ситуацией либо вследствие провокационных запусков ракет со стороны третьих стран, что не могло не способствовать росту опасности случайного возникновения всеобщей ядерной войны. По мере совершенствования и усложнения механизма предотвращения ядерной угрозы он «заработал» со все большей отдачей. Удалось подойти к реальному уничтожению ряда вооружений (Договор между СССР и США о ликвидации их ракет средней и малой дальности, договоры СНВ-1 и СНВ-2 об ограничении и сокращении стратегических наступательных вооружений), что, несомненно, послужило делу укрепления международной безопасности.

При заключении Договора СНВ-2 российская сторона не без основания связывала соблюдение Договора по ПРО со своим участием в процессе разоружения. И в США, и в РФ есть как сторонники, так и противники этого договора. Но обе стороны осознавали при этом роль и значение режима ограничения систем противоракетной обороны. Запрещающая создание стратегической системы противоракетной обороны, Договор фактически гарантировал, что стратегические ядерные силы РФ будут в состоянии нанести ответный удар при любом развитии событий. В случае же снятия этого запрета потенциал ответного удара мог

оказаться под угрозой. В аналитических публикациях серьезно обсуждаются положительные и отрицательные стороны СНВ-2 для России¹.

Российские военные и другие специалисты считают, что предусмотренное Договором СНВ-2 уменьшение числа ядерных боезарядов до уровня 3,5 тыс. не нарушал для России стратегической стабильности и позволяет осуществить эффективный ответный удар, но при условии совершенствования системы боевого управления и средств СЯС. Такой удар оставался особенно эффективным при условии сохранения запрета на развертывание новых систем ПРО², как это было предусмотрено Договором по ПРО. При этом военные специалисты утверждали, что «Если даже в обозримой перспективе советско-американские отношения улучшатся настолько, что американская сторона будет готова пойти на достижение взаимоприемлемых и равноправных соглашений по ограничению и сокращению СНВ, то наличие даже в ограниченных масштабах испытанных и развернутых элементов космической системы ПРО намного усложнит переговоры и значительно уменьшит шансы на достижение таких договоренностей. То, что это действительно так, подтверждается практикой разработки договоров ОСВ и СНВ. Без договора по ПРО они были бы недостижимы» отмечал Маршал Ахромеев С.Ф.³

---

¹ См.: Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М.: Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. 159 с.; Договор СНВ-2 и безопасность России // Центр геополитических и военных прогнозов. М., 1993; Отчет «Исследование и разработка критериев и методов анализа стратегической стабильности и их применение для оценки существующих и перспективных систем, образцов вооружений и военной техники» (шифр «Равновесие-92») // ИСКАН РАН, 1992; Фельгенгауэр П. СНВ-2 и мобильные межконтинентальные ракеты «Тополь» // Сегодня. 1994. 1 июля; Арбатов А. Ядерные силы: стратегия, достаточность, состав // Независимая газета. 1994. 8 дек.; Сергеев И. СНВ-2: «Коль» у сердца России? // Подмосковье. 1993. 30 янв.; Воронин С., Воронов В., Брезкун С. Почему для России пагубна ядерная «диада» // Московские новости. 1994. 13-20 марта; Литовкин В. Разработана программа развития СЯС России // Известия. 1994. 9 февр.; Договор СНВ-2: Нет? Да! (Научная программа «Модель демократии для России»). М.: РАУ, 1993. 41 с. и др.

² См.: Договор СНВ-2 и ядерная стабильность // Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. С. 47.

³ См.: Ахромеев С. Договор по ПРО — преграда на пути гонки стратегических вооружений // Правда. 1985. 4 июня; Материалы к обсуждению на рабочем совещании в Комитете по международным делам Государственной Думы РФ 10.07.95 г. и др.

Существует еще один аспект, связывающий Договор СНВ-2 и проблему ПРО. Этот документ юридически взаимосвязан с Договором СНВ-1, так как его выполнение обусловлено выполнением предыдущего. В свою очередь, при подписании Договора СНВ-1 СССР (Россия) юридически связали его выполнение с выполнением Договора по ПРО. И в случае выхода США из Договора по ПРО Россия имела законное право выйти из договоров СНВ-1 и СНВ-2.

Американская сторона, понимая сложившуюся ситуацию, предпринимала попытки внести изменения в Договор по ПРО, пыталась легализовать работы над системами ПРО, в конечном итоге обеспечивающих создание национальной ПРО, что позволило бы США снизить военные расходы на содержание СНС, провести их модернизацию за счет снятия с вооружения устаревших или имеющих заканчивающийся ресурс эксплуатации БР, утвердиться на мировой арене в качестве единственной сверхдержавы, активно борющейся за разоружение. Основная проблема, возникающая в связи с работами в области создания нестратегических противоракетных систем, заключается в том, что подобные работы могут быть использованы для обхода ограничений, установленных Договором по ПРО. Для исключения подобной ситуации в Договор по ПРО включены статьи, накладывающие определенные ограничения на системы, которые не являются стратегическими, будь то системы противовоздушной обороны или локальные системы ПРО.

С другой стороны, Договор по ПРО определял стратегическую противоракетную систему как систему, предназначенную для противодействия стратегическим баллистическим ракетам на протяжении их полета. Кроме этого, система могла считаться стратегической и в том случае, если какой-либо из входящих в ее состав компонентов (например, радиолокационная станция или перехватчик) был бы создан для решения задачи противостояния стратегическим ракетам или был испытан в качестве компонента стратегической системы противоракетной обороны (статья II). Статья VI Договора (пункт а) запрещал придавать перехватчикам, пусковым установкам и РЛС, не являющимся компонентами стратегических систем ПРО, способности противостоять стратегическим баллистическим ракетам. Кроме этого, та же статья запрещала испытывать эти перехватчики, пусковые установки и РЛС в качестве компонентов стратегической ПРО.

Следует согласиться с теми специалистами, которые считают, что в период создания и развертывания национальной ПРО ускоренными темпами будут совершенствоваться средства ее прорыва. Создание подобного рода противоракетной системы может оказаться сильным стимулом и для количественного наращивания ядерных боеголовок в мире. Так, в июле 1992 года министерство обороны Великобритании заявило, что каждая из ПЛАРБ, оснащенная шестнадцатью ракетами типа «Трайидент», будет нести не более 128 боеголовок, и это является не жестким ограничением, а добровольно принятым максимумом, ибо точное количество развернутых боеголовок будет зависеть от того, какой минимум потребуется в качестве надежного и эффективного сдерживающего средства. И со временем могут появиться основания для пересмотра подобной оценки: например, если произойдут ощутимые сдвиги в системах ПРО вследствие несоблюдения Договора 1972 года между США и СССР-РФ¹.

Уже 1990-х гг. становилось ясно, что за выполнением СНВ-1 и СНВ-2 должно последовать заключение новых договоров, предусматривающих еще более радикальное сокращение ядерных потенциалов. С их уменьшением все большую роль будет приобретать Договор по ПРО, обеспечивающий стабильность стратегического равновесия. Более того, несложно понять, что сам процесс глубокого сокращения ядерных арсеналов невозможен без предоставления всем его участникам гарантий того, что уничтожение ядерного оружия не приведет к ослаблению их позиций в обеспечении национальной безопасности или подрыву стратегической стабильности. Поэтому среди множества факторов, определяющих возможность проведения глубоких сокращений стратегических ядерных арсеналов, особое место принадлежало режиму ограничения стратегических систем противоракетной обороны, установленному советско-американским Договором по ПРО 1972 года.

Несмотря на радикальное изменение международной обстановки, произошедшее после дезинтеграции СССР и Варшавского договора, основной задачей ядерных сил, по-видимому, еще долгое время будет оставаться обеспечение политики сдерживания². Вряд ли будет

---

¹ См.: Данбэр Локвуд, Джон Вулфстон. Развитие и распространение ядерного оружия // Специальное приложение к журналу «Мировая экономика и международные отношения». Ежегодник СИПРИ. М.: Наука, 1993. С. 100, 107-118.

² См.: Ельцин Б.Н. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию. М., 1996. С. 24-25.

преувеличением утверждение о том, что осуществление эффективной политики сдерживания возможно только в том случае если стратегические силы смогут обеспечить нанесение эффективного ответного удара по потенциальному агрессору при любом возможном развитии событий. Вероятно, поэтому в мире наблюдается тенденция к обладанию ядерным оружием, ракетными технологиями.

Одной из главных целей американской стороны и на современном этапе остается стремление ослабить ядерные силы, обеспечивающие надежную безопасность РФ, а также лишить ее статуса ядерной сверхдержавы. «Помогая России разоружаться, США укрепляют свою безопасность», утверждал помощник министра обороны США Роланд Ладжой¹. В Вашингтоне исходят из концепции, согласно которой «русские проиграли третью мировую войну», поэтому побежденный должен платить прежде всего ослаблением своей национальной безопасности. Американский «Фонд наследия» в этой связи требовал уничтожения неугодных Соединенным Штатам МБР, в первую очередь СС-18 и СС-20, запускаемых из защищенных ШПУ². И это при всем том, что в условиях соблюдения Договора СНВ-1 на долю всех РВСН РФ приходилось 2/3 всех стратегических носителей ядерных зарядов и 3/4 мегатоннажа. Группировка РВСН включала около 750 пусковых установок, которые организованно сведены в ракетные армии. К 2003 году были ликвидированы все ракетные комплексы, оснащенные БР с РГЧ³. В качестве принятых мер следует отметить попытки продления срока действия ракет УР 100 МУ (SS-19). Данный тип ракет Россия имела право сохранить в рамках СНВ-2, но с одной боеголовкой. Остальные пять РГЧ с ИН можно догрузить на эти БР в случае осложнения отношений с США. Именно поэтому РФ были закуплены на Украине 16 ракет УР 100 МУ (SS-19) выпуска последних лет, которые там были сняты с боевого дежурства в соответствии с Договором СНВ-1 и были размещены на территории России

---

¹ См.: Литовкин В. Помогая России разоружаться, США укрепляют свою безопасность, утверждает помощник МО США Роланд Ладжой // Известия, 1995, 9 августа.

² См.: Коринов В. Партнерство ценою в две бутылки // Правда, 1996, 17 января.

³ Договор СНВ-2 и ядерная стабильность // М.: Российский институт стратегических исследований, ИСК РАН, 1994. С. 48. В случае нанесения ракетно-ядерного удара одной стороной, основу которого составляют баллистические ракеты с одной боеголовкой, повышается эффективность боевого применения противоракетных систем противоборствующей стороны (прим. — авторов)

в ШПУ. Как утверждают российские СМИ, «генералы РВСН готовы к любым внешнеполитическим неожиданностям и, если понадобится, в дополнение к новым ракетам «Тополь» могут быть «востребованы» и возвращены ранее разработанные дешевые малогабаритные ракеты «Курьер».

«Россия недвусмысленно намекала США на то, что нарушение Договора по ПРО и отказ от новых переговоров по изменению и улучшению СНВ-2 может только ослабить безопасность Северо-американского континента», — писал по этому поводу П. Фельгенгауэр¹. Несмотря на то, что к 2003 году в рамках Договора СНВ-2 структура СЯС России изменилась и на долю морской компоненты стало приходиться, по-видимому, на 30–40% больше боезарядов, чем на долю РВСН, последние сохранили ведущую роль в триаде по своим боевым возможностям вследствие более высокой оперативной готовности, гибкости боевого управления, точности попадания и мощности боевого оснащения. Но в самой структуре группировки РВСН произошли существенные изменения. Ожидалось, что после 2000 года в боевом составе Ракетных войск будет до 60% боезарядов на мобильных пусковых установках МБР (в 1995 году на мобильных пусковых установках МБР было до 7% БЗ)².

Поскольку мобильные МБР обладают повышенной живучестью и составляют основу потенциала ответного удара наземной группировки, то такие структурные изменения стали убедительным аргументом заметного переноса опоры в ядерном сдерживании на ответный удар. Однако вместе с многоплановыми функциями стратегического ядерного оружия в соответствии с основными положениями военной доктрины структура СЯС обеспечивала сохранение хотя и резко уменьшенного, но еще достаточно мощного контрсилowego потенциала носителей, оснащенных порядка 3 000 единиц боезарядов. Следовательно, количество носителей в группировке СЯС и суммарное количество ядерных зарядов сокращалось.

Однако способность успешно решать поставленные перед ними задачи сохранились за счет улучшения точности попадания

---

¹ См.: Фельгенгауэр П. Генералы РВСН не боятся неожиданностей // Сегодня. 1995. 18 нояб.

² См.: Журавлев П. Представители МО и МИДа высказались за ратификацию СНВ-2 // Сегодня. 1995. 13 мая.

баллистических ракет, совершенствования их боевого оснащения, повышения надежности и живучести ПЛАРБ и стратегических бомбардировщиков и при условии сохранения и соблюдения режима ограничения стратегических противоракетных систем¹.

По мнению российских военных специалистов, к середине 1995 года военно-политическим руководством США в целом была предусмотрена при необходимости возможность оперативного наращивания боевых возможностей группировки СНС путем увеличения количества боезарядов, размещенных на стратегических носителях. Анализ показывает, что «в случае прекращения действия договоров СНВ-1 и СНВ-2 в период до 2003 года США могли в течение примерно 3-5 лет дооснастить БРПЛ «Трайдент» до 8-10 боеголовок, увеличив тем самым общее количество боеголовок в морской компоненте примерно до 3500–3850 единиц. Кроме того, США могли перевооружить 100 тяжелых бомбардировщиков ядерными крылатыми ракетами большой дальности»². Приводимые специалистами оценки показывают, что в случае форсированного наращивания СНС после срыва договоров по СНВ США смогут за год-полтора увеличить число боезарядов на МБР типа «Минитмен-3» и БРПЛ «Трайдент-2» с 2200 единиц почти до 5000 единиц, и до 7000 единиц с учетом боезарядов на СБ. СЯС РФ за два-три года были способны увеличить число боевых зарядов до 4500 единиц, то заметно проигрывали в количественном отношении.

Однако, как показывали результаты моделирования боевых возможностей, отличие потенциалов сдерживания сторон в таком случае было незначительным, не более чем на 20 % в пользу США. Это было связано прежде всего с прекращением производства американских боезарядов W-88 для БРПЛ «Трайдент-2» и высокой живучестью российской группировки мобильных МБР РВСН. Но это только одна сторона вопроса. Другая состояла в том, что в случае обострения обстановки, нарушения договоров по СНВ, ПРО и возобновления гонки вооружений стратегическое ядерное равновесие нарушалось не из-за кажущихся неравноценными условий Договора СНВ-2. Советский Союз

---

¹ См.: Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры / Пер. с англ. А. Аношиной. М.: Наука, 1988. 149 с.

² См.: Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. С. 92.

поддерживал гонку вооружений таким уровнем милитаризации экономики, которые в нынешних условиях для РФ недостижимы. И если бы «холодная война» разгорелась вновь, то можно было утверждать, что реализация возможностей США по развертыванию национальной ПРО и использование производственных мощностей для выпуска вооружения привела бы в самое ближайшее время к необратимому нарушению стратегического ядерного равновесия, девальвации ядерного потенциала РФ, что чревато лишением статуса сверхдержавы в области ядерных вооружений, последнего для России атрибута мировой державы¹. Если исходить из того, что Договор СНВ-2 — это компромисс, пусть даже и недостаточно оправданный, то потери от него несопоставимы с выигрышем, который в целом получит Россия, если, конечно, США сохранили бы лояльность в отношении Договора по ПРО².

Линтон Брукс (бывший главный представитель США на переговорах по сокращению СНВ) предупреждал американскую общественность, что попытки США в одностороннем порядке внести поправки в толкование некоторых положений Договора ПРО озадачивают российскую сторону и вызовут определенные подозрения. Доверия не прибавляют и попытки реанимировать, казалось, благополучно скончавшуюся «программу звездных войн»³. Кроме того, в 1995 году в совместном докладе начальников штабов ВС США впервые публично было выражено несогласие военных с уровнем сокращения расходов на оборону, реализуемого клинтоновской администрацией. По мнению представителя Объединенного комитета начальников штабов генерала Джона Шеликашвили, к 1998 году военные расходы должны были увеличиться на 60 млрд долларов, особенно в части закупки новой боевой техники и ассигнований на НИОКР. Многие сенаторы и военные связывали свои выступления против снижения военных расходов с тупиковой в 1990-х годах

---

¹ См.: Матвеев О.В. Проблема пролонгации Договора по противоракетной обороне 1972 года в российско-американских отношениях: Дис. ... канд. полит. наук. М.: РАГС, 1997. 287 с.

² Признание взаимосвязи между наступательными и оборонительными стратегическими системами, ограниченными Договором 1972 года, получило свое выражение в подписании договоров СНВ-1 и СНВ-2 (*прим. авторов*).

³ См.: Зимин Н. В США не ожидают скорой ратификации договора СНВ-2 // Сегодня. 1995. 18 нояб.

ситуацией вокруг Договора СНВ-2. И так как «все значительные урезания в военном бюджете США базировались на той предпосылке, что СНВ-2 пройдет ратификацию»¹, то виновной в увеличении расходов США на оборону объявляется Москва, до бесконечности откладывающая реализацию этой процедуры.

Рассматривая проблему потенциального воздействия стратегической противоракетной обороны на политическую обстановку в мире, военно-стратегический баланс и проблему устойчивости стратегического равновесия, следует исходить из того, что в современных условиях возникла сложнейшая макросистема военно-стратегического взаимодействия². Основу этой системы составляют США и РФ, их взаимоотношения, влияние на мировой арене, ядерный потенциал несмотря на то, что общепризнана победа Соединенных Штатов в «холодной войне». Поэтому в ходе встречи в верхах в марте 1997 года стороны констатировали, что Россия и США являются державами с глобальной ответственностью. В этой связи директор ИСК РАН С.М. Рогов отмечал, что «Соединенные Штаты не признают даже на словах подобной роли за кем-либо иным, кроме Москвы»³.

Администрация США, определяя стратегию национальной безопасности на 1995 год, выделяла следующие приоритеты:

- укрепление национальной безопасности.
- реализация лидерства Америки в мире.
- наличие вооруженных сил, необходимых государству с глобальными интересами.

---

¹ В подписанном в Хельсинки Заявлении об ограничении СНВ американская сторона согласилась на продление срока выполнения Договора СНВ-2 на 4 года. В случае закрепления его (Заявления — О.М.) международно-правовым документом, российские МБР с РГЧ ИН останутся на вооружении до конца срока эксплуатации, что обеспечит бюджету существенную экономию. Кроме того, стороны договорились о начале переговоров о заключении Договора СНВ-3 после вступления в силу Договора СНВ-2, по которому будет установлен потолок в 2000-2500 ЯБЗ с 31 декабря 2007 год (См.: Рогов С. Пять пунктов согласия. Встреча в верхах в Хельсинки: успех или провал? // Независимая газета. 1997. 25, 26 марта).

² См.: Велихов Е., Какошин А. Ядерное оружие и дилеммы международной безопасности // МЭ и МО. 1985. № 54. С. 34.

³ См.: Рогов С. Пять пунктов согласия. Встреча в верхах в Хельсинки: успех или провал? // Независимая газета. 1997. 25, 26 марта.

— выработка всеобъемлющего подхода для противодействия угрозам, связанным с разработкой некоторыми странами ядерного и других видов ОМП.

— энергичные усилия в области контроля над вооружениями.

— поддержание разведывательного потенциала.

— выработка стратегии участия в миротворческих операциях в составе многонациональных сил.

— обновление Договора по ПРО с учетом распада СССР, дальнейшей конверсии промышленности этого государств¹.

При этом, ключом к пониманию концепции контроля над вооружением служит установка на обеспечение «лидирующей роли Соединенных Штатов» в мировом развитии и в «новом мировом порядке».

Отсюда возникал и курс на достижение односторонних преимуществ и превосходства в военной области. По-видимому, уже тогда можно было считать, что поставленные цели администрация США сможет достичь при выполнении следующих главных условий:

во-первых, в случае снижения вероятности противостояния с РФ;

во-вторых, при недопущении реанимации военного могущества РФ;

в-третьих, путем уменьшения ядерного арсенала, который явно превысил необходимые для сдерживания пределы;

в-четвертых, добиваясь пересмотра Договора по ПРО в целях легализации ПРО ТВД, разработки национальной ПРО до уровня, обеспечивающего, при необходимости, ее скорейшее развертывание.

в-пятых, добиваясь снижения стратегических ядерных сил РФ до уровня, делающего реальной с военно-технической точки зрения реализацию национальной ПРО США.

По существу, отдельные компоненты стратегии обеспечения национальной безопасности США, реализуемой администрацией Клинтона²,

---

¹См.: Третьяков В. Урок для России // Независимая газета. 1994. 26 окт.

² Лидеры республиканцев в конгрессе Боб Доул и Ньют Гингрич внесли на рассмотрение законопроект о создании к 2003 году масштабной системы противоракетной обороны. Создание глобальной системы ПРО предусматривалось прошлым годом биллем о расходах на оборону, который принял конгресс, однако президент Б. Клинтон наложил вето на законопроект. Выступая в прениях по новому законопроекту, Ньют Гингрич обвинил администрацию в том, что ее политика оставила Америку беззащитной (См.: Возможен возврат к глобальным системам ПРО // Сегодня. 1996. 23 марта).

могли спровоцировать подрыв всего режима ограничения и сокращения ядерных вооружений, что, в свою очередь, приведет к серьезному обострению двусторонних российско-американских отношений¹. Пока Россия и США не вышли за пределы той модели стратегического равновесия, которая определялась взаимным ядерным сдерживанием, Договор по ПРО оставался краеугольным камнем дальнейших сокращений СНВ, в контексте которых, разумеется, могли обсуждаться и решаться отдельные вопросы ПРО. В частности, в ходе подобных переговоров Россия готова была обсуждать самые разнообразные инициативы, касающиеся будь то достижения минимального порога ядерного сдерживания, новой философии партнерства, модели стратегического партнерства двух стран, выходящей за пределы ядерного сдерживания² или выработки новых принципов взаимодействия в ядерную эпоху.

Это тем более было необходимо потому, что и с исчезновением одной из сверхдержав мир не стал более безопасным и вряд ли сейчас можно дать исчерпывающую оценку свершившейся геополитической катастрофы с ее далеко не однозначными последствиями.

Падение одной из сверхдержав привело к геостратегическому дисбалансу, к появлению новых искусов для старых центров силы в борьбе за неожиданно открывшиеся зоны экономического и политического влияния, перегруппировку геополитических регионов и т.п., обостряя и без того сложные международные противоречия.

Нельзя сбрасывать со счетов и опасности действий руководителей вновь возникающих стран, под тем или иным предлогом способных прибегнуть к силовой политике³. В современных условиях, когда национализм усиливается, опасность разрастания конфликтов из-за пограничных проблем вовсе не уменьшалась. Развитие военной техники, распространение ракетных и ядерных технологий, а также то обстоятельство, что производство ОМП стало относительно простым делом (к примеру, даже небольшая группа людей способна произвести химическое оружие),

---

¹ См.: Зимин Н. Джесси Хелмс предлагает аннулировать Договор по ПРО // Сегодня. 1996. 10 февр.

² См.: КОРТУНОВ С. Партнерство надо спасать // Независимая газета. 1996. 26 января; РОГОВ С. Пять пунктов согласия. Встреча в верхах в Хельсинки: успех или провал? // Независимая газета. 1997. 25, 26 марта.

³ См.: ЕЛЬЦИН Б.Н. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию. М., 1996. С. 14.

обусловили ситуацию, когда баланс военных сил может легко меняться, причем за очень непродолжительное время. Это обстоятельство стало новым серьезным фактором системы международных отношений во второй половине XX — первом пятнадцатилетии XXI веков.

Оставшись единственной мировой сверхдержавой, имеющей самые мощные ВС, Соединенные Штаты, продолжили активно развивать свои стратегические наступательные силы¹. Американское минобороны приступило к планомерной реализации программы модернизации ракетной системы «Минитмен-3»². Совершенствование СНС было ориентировано на сохранение достаточного потенциала ракетно-ядерного сдерживания в условиях сокращения количественного состава носителей и ядерных зарядов к ним. Не прекращались работы в рамках разработки перспективных стратегических систем, создания высокоточного управляемого оружия как в ядерном, так и в обычном снаряжении. Ядерная стратегия США 1990-х годов по-прежнему предполагала нанесение потенциальному противнику неприемлемого ущерба. При этом одной из важных ее особенностей являлось признание возможности боевого применения СНС в региональных конфликтах.

Данные обстоятельства, не в полной мере соответствуют условиям сохранения стратегической стабильности.

Кроме того, во-первых, в США, Великобритании, Франции и Китае в 1990-х годах также осуществлялось создание новых и модернизация

---

¹ Организационно СНС входят в состав КК ВВС США (силы МБР), боевого авиационного командования ВВС США (стратегическая бомбардировочная авиация) и подводных сил Атлантического и Тихоокеанского флотов ВМС США (силы ПЛАРБ). Оперативное руководство СНС осуществляет ОСК ВС США. В мирное время в его оперативное подчинение передаются только силы и средства, находящиеся на БД (боевом патрулировании), состав дежурных сил определяется высшим ВПР страны в зависимости от конкретной ВПО в мирное время (*прим. авторов*). В условиях мирного времени 100% боевого состава МБР поддерживаются в боеготовом состоянии, из них 95 % находятся в составе дежурных сил. Оперативная готовность к пуску составляет шесть-девять минут.

² Исследовательские работы, направленные на оснащение ракет «Минитмен-3» одной БГ и выбор ее типа, США провели в 1992-1994 гг. Была создана платформа для установки единой БГ (Мк 12, Мк 12А или Мк 21) в ГЧ. Предполагается, что дальность стрельбы БР в новом оснащении составит 12 000–15 000 км. В 1994/95 гг. с Западного ракетного полигона успешно осуществлены два пуска МБР с одной БГ. Американские специалисты считают, что темп работ по переоснащению ими ГЧ может составлять до 50 БР в год (*прим. авторов*).

существующих типов ракетно-ядерного оружия. Несмотря на официально декларируемую ядерную политику, значительная часть сил и средств ядерного нападения этих стран продолжили содержаться в готовности к боевому применению по соответствующим заранее отработанным и постоянно корректируемым планам и вариантам.

Во-вторых, как следует из табл. 13, стремительное распространение БР (средней дальности, оперативно-тактических и тактических) среди все большего числа стран, наращивание количественного состава этих ракет и качественное совершенствование их ТТХ стало объективной мировой тенденцией развития средств вооруженной борьбы.

Таблица 13

Распространение ракетного оружия (МБР и БР средней дальности, оперативно-тактические и тактические)

Государство	Тип БР	Кол-во ББ	Мощность ББ, Мт	Максимальная дальность, км	Точность (КВО), м	Год принятия на вооружение
<i>Официальные члены «ядерного клуба»</i>						
США	Минитмен-3	3	0,33	10000	250	1979
	Минитмен-3М	3	0,5	9500	250	1980
	Трайдент-1	8	0,1-0,15	8000	300	1979
	Трайдент-2	8	0,5	9000	170	1988
	МХ	10	0,6	10000	130	1986
Франция	М4	6	0,15	4500	450	1985
	М4С	6	0,15	6000	500	1987
Великобритания	Поларис АЗТК	6	0,15	3500	500	1980
Китай	Дунфэн 3	1	0,7	3000	2500	1975
	Дунфэн 4	1	2,0	5200	3500	1977
	Дунфэн 21	1	0,35	1800	350	1991
	Дунфэн 5	1(4)	2 (0,35)	до 12000	1500	1983
<i>«Третьи страны»</i>						
Израиль	Иерихон-1	1000		500	500	1972
Иран	Иран-700	500		700	300	-
	Тондор-68	400		1000	1500	-
Северная Корея	Нодон-1 (2)	500		1000	1000	-

Очевидно, что процесс создания научно-технической и производственной базы ракетостроения и формирования ракетных потенциалов в «третьих странах» мира, в том числе за счет приобретения технологий и импорта отдельных компонентов, принял необратимый характер. Военно-политическое руководство и авторитетные лидеры ряда «третьих стран» считают наличие ракетного арсенала необходимым условием усиления военно-политического влияния и обеспечения регионального лидерства, а также эффективным средством достижения решительных целей в военных конфликтах и при сдерживании внерегиональных сил.

В начале 1990-х годов отечественными аналитиками отмечалось, что техническими возможностями для развертывания в течение ближайших 10-15 лет МБР и БРСД, способных служить средством доставки ядерного и других видов ОМП до объектов в глубине территории России, станут государства Ближнего и Среднего Востока (Израиль, Иран, Ирак, Сирия, Ливия, Египет, Саудовская Аравия, Турция), Южной Азии (Индия, Пакистан), Азиатско-Тихоокеанского региона (Северная и Южная Корея, Тайвань), Северной и Южной Африки, Южной Америки¹.

Данные обстоятельства выявляют ряд причин, позволяющих утверждать о продолжении влияния ядерного статуса в международных отношениях:

— в конце 1990-х годов утвердились преимущества информационных технологий в тактическом, оперативном и стратегическом уровнях. Однако ядерное оружие по-прежнему являлось весомым фактом глобальной политики, несмотря на многочисленные заявления политиков о снижении его реального значения.

— ракетно-ядерные средства в ближайшей и среднесрочной (до 2020 года) перспективе по-прежнему останутся ключевым элементом боевой мощи ВС основных ядерных держав, важнейшим средством сдерживания и достижения политических целей.

— целый ряд факторов свидетельствует о том, что ядерная война как крайний способ разрешения противоречий вновь становится «допустимым» и «мыслимым».

— в XX — начале XXI вв. ядерное оружие остается важнейшим силовым инструментом внешней политики России, основным средством, обеспечивающим ее безопасность.

---

¹ См.: Брайчев И., Кузнецов Г. Трансформация «ядерного клуба» и стратегическая стабильность // Стратегическая стабильность. 1998. № 2. С. 17.

В начале XXI в. американские идеологи увидели в развертывании глобальной по масштабам и коалиционной по международной интеграции стратегической противоракетной обороны под эгидой США не только инструмент противодействия глобализации ракетной опасности, но и действенный политический механизм поддержания гегемонии в мире. Однако подобная политика наносит существенный ущерб национальным интересам всех ядерных государств, вынуждая последних предпринимать ответные меры, несет в себе мощный конфликтный потенциал в сфере ракетно-ядерного оружия опасный с точки зрения нарушения стабильности.

Выступая перед студентами университета Санкт-Петербурга во время визита в Россию в мае 2002 года, президент США Дж. Буш отмечал, что сегодня мы друзья, но не известно, что будет через десять лет.

Несмотря на «перезагрузку» в российско-американских отношениях, взаимоотношения между государствами, в современной системе международных отношений, продолжают носить непростой характер. Свидетельством тому служат достаточно серьезные противоречия в украинском вопросе, расширение НАТО, развертывание американской противоракетной обороны вблизи российских границ. Кроме того, все отчетливее становится опасная тенденция Вашингтона к разрушению баланса сил в мире (хотя и довольно условного, после распада СССР и мировой системы социализма, и стремлению применять силу там, где администрация Белого дома сочтет это нужным. Даже без санкции ООН, как это было в сентябре 2014 года при нанесении ракетно-бомбовых авиационных ударов по Сирии¹.

Стратегическая стабильность и противоракетная оборона в начале XXI века

Российские военные специалисты в области воздушно-космической обороны утверждают, что непрерывное наращивание и совершенствование стратегических наступательных сил и средств, а также принятие решений, определяющих национальную политику США в области

---

¹ URL: <http://news.rambler.ru/27064459/> (дата обращения: 2.10.2014 г.).

космического пространства, свидетельствуют о курсе на достижение военно-технического и прежде всего американского оперативно-стратегического превосходства над любым из гипотетических противников (или их коалиций).

Характеризуя положение России как одной из крупнейших стран мира, Стратегия национальной безопасности обоснованно утверждает: «Несмотря на сложную международную обстановку и трудности временного характера, она в силу значительного экономического, научно-технического и военного потенциалов, уникального положения на Евразийском континенте объективно продолжает играть важную роль в мировых процессах»¹.

Оценка складывающейся за последние годы обстановки приведена в выступлении российского Президента В.В. Путина на конференции по вопросам политики и безопасности в Мюнхене: «Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того — отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах...»². В ходе заседания Совета безопасности РФ в июле 2014 года Президент РФ отмечал усиление группировки войск НАТО в восточной Европе, в связи с чем Россия вынуждена адекватно и соразмерно реагировать на приближение военного альянса к границам РФ³.

Особое внимание следует обратить на возможные технологические прорывы, которые могут привести к достижению односторонних военных преимуществ, открывающих стране, им обладающей, большие возможности играть заглавную роль в мировом сообществе.

Выдвинутая в США в начале 1980-х гг. концепция противоракетной обороны территории страны претерпела серьезные изменения, потому что оказались достаточно жестко увязанными с финансово-

---

¹ См.: О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 12 мая.

² См.: Речь Путина 10 февраля 2007 г. в Мюнхене — попытка зафиксировать свои исторические заслуги. URL: <http://www.newsru.com/world> (дата обращения: 17.02.2011 г.).

³ См.: Речь Путина на заседании Совбеза РФ // Независимая газета. 2014. 22 июля.

экономическими и техническими возможностями, а также с развитием внутриаполитической ситуации в США, восприятием внешних угроз безопасности страны, зависящих от геополитической ситуации в мире, двусторонних российско-американских отношений.

Несмотря на то, что курс на создание эшелонированной противоракетной обороны с элементами космического базирования был взят Вашингтоном в начале 1980-х гг., и на протяжении более чем 35 лет предпринимались существенные организационные усилия, и произведены немалые затраты, у США по-прежнему нет действующей противоракетной обороны для защиты территории страны.

Тем не менее традиции подходов Вашингтона в области контроля над вооружениями, расклад политических сил внутри страны, характер отношений с Россией — все это не помешало в одностороннем порядке выйти из Договора по противоракетной обороне (1972 года) в целях развертывания противоракетных систем, способных нанести поражение российским баллистическим ракетам на этапе старта.

Влияние финансирования программ создания противоракетной обороны на бюджетно-финансовые проблемы США при нынешнем уровне затрат и даже при их увеличении (с учетом перспектив развертывания противоракетной обороны ТВД) до сумм порядка 10-15 млрд ежегодно не стали тяжелым бременем при нынешнем состоянии экономики США. Однако, несмотря на затраты в сотни миллиардов долларов, что стало серьезной нагрузкой для американской экономики, с 2002 года речь идет о возврате в той или иной форме полномасштабной противоракетной обороны.

Настойчивая российская политика по предотвращению развертывания американской противоракетной обороны позволила в ходе Лиссабонского саммита в ноябре 2010 года договориться о сотрудничестве в создании системы противоракетной обороны в Европе. Однако разногласия по архитектуре европейской противоракетной обороны между Россией и НАТО носят принципиальный характер, сторонам не удастся сформулировать конечную цель сотрудничества, определить облик и архитектуру построения противоракетной обороны. Так как единственные официальные языки НАТО английские и французские, а ни одно из понятий российской терминологии не было согласовано, то диалог был крайне долгим и сложным, причем требующим согласия среди двадцати восьми

участников Североатлантического блока. Продвинуться смогли только в определении терминов в 2012 году, что позволило обсуждать проблему, не испытывая языковых барьеров. Особый вклад в составления Глоссария внесли соавторы действующий старший военный представитель Российской Федерации в НАТО генерал-майор А.А. Буров, его помощник подполковник Д. Балаганов, старший военный представитель полковник А. Белинский, представитель Оборонного инвестиционного подразделения НАТО Джим Ловелл, директор по сотрудничеству и региональному подразделению безопасности НАТО Генерал К. Брэнко.

Российская сторона предлагала создать совместную с НАТО систему, основанную на территориальном принципе разделения ответственности стран в определенных секторах обороны. Однако эта российская инициатива не нашла отклика, потому как НАТО не приемлет секторального подхода, мотивируя позицию тем, что альянс несет ответственность за защиту своих участников. НАТО предлагал России создать две независимые системы противоракетной обороны и наладить обмен информацией, что, по словам экс-генсека альянса А. Расмуссена, позволит более эффективно защищать территории как России, так и НАТО.

Но такой подход позволяет в случае осложнения отношений перейти от сотрудничества к использованию противоракетной обороны против России. Речь здесь прежде всего идёт об американской программе противоракетной обороны и её разновидностей, призванной обеспечить перехват ограниченного количества боевых блоков и тем самым нейтрализовать случайные, несанкционированные одиночные и немногочисленные групповые пуски, в том числе и со стороны «третьих» стран. Следовало бы отметить условность ссылки на ограниченность возможностей противоракетной обороны для такой высокоразвитой страны как США. Переход от ограниченной к широкомасштабной противоракетной обороне, по оценкам, может составить период не более 2-3 лет. Поэтому закономерно, что одностороннее создание даже ограниченной системы противоракетной обороны приведет к нарушению стратегической стабильности¹.

Аналитический анализ нового содержания военно-стратегического баланса в 2012 году выделял множество факторов, которые определяют совокупный баланс в полицентричном мире. Именно эти факторы в

---

¹ См.: Матвеев О.В. Противоракетная оборона в ракетно-ядерном сдерживании: история и политика. М.: ВУ. 2014. 236 с.

первом десятилетии XXI века обусловили колоссальное расширение функций Стратегического командования США (далее — СТРАТКОМ), которое подверглось фундаментальной реорганизации. Первоначально СТРАТКОМ объединил стратегические ядерные силы ВВС и ВМС. В его структуру вошли Командование силами быстрого глобального удара (включая ядерные и неядерные вооружения), Командование средствами разведки и наблюдения, Космическое командование, Командование интегрированными средствами противоракетной обороны, Командование кибернетическими средствами борьбы (которое возглавляет директор Агентства национальной безопасности) и другие¹.

Агентство по противоракетной обороне США в 2013 году рассматривало пять потенциальных мест для размещения третьего района ракет-перехватчиков наземного базирования GBI, который будет защищать континентальную часть территории США от баллистических ракет. Выбор места позволит провести необходимые исследования, в том числе экологические, для развертывания противоракет в сжатые сроки. Все районы возможного размещения находятся на федеральных землях. Это Форт Драм (Нью-Йорк), тренировочный центр Кэмп Этан Аллен (Вермонт), авиастанция SERE ВМС в Портсмуте (Мэн), объединенный тренировочный центр Кэмп Равенна (Огайо) и тренировочный центр Форт Кастер (Мичиган). В США уже действуют базы в Форт Грили (Аляска) и Ванденберг (Калифорния), на которых размещены 30 противоракет GBI, к 2017 году планировалось к размещению дополнительно 14 ракет-перехватчиков.

В 2014 году Командование ВВС США заключило с американской компанией Lockheed Martin разработку программного обеспечения планирования и распределения задач, которая должна будет объединить данные систем противовоздушной и противоракетной обороны.

Точкой отсчета нового витка гонки вооружений в постсоветский период следует считать односторонний выход США из Договора по противоракетной обороне в 2002 году, планирование разместить в Чехии и Турции радары дальнего обнаружения, 10 противоракет в Польше (на очереди — Венгрия, Словакия, Азиатско-Тихоокеанский регион).

---

¹ Военно-политическое обозрение стратегической стабильности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.belpvo.com/ru/19520.html> (дата обращения: 1.09.2014 г.).

Велся переброс радаров с Гавайских островов в Тихом океане на Алеутские острова в Беринговом море (поближе к Камчатке). К 2010 году США были намерены закрыть противоракетным зонтом всю свою территорию, хотя к этому же году при реализации договора СНВ-3 в России оставалось не более полутора тысяч ядерных боезарядов. В Румынии 12 мая 2016 года на базе Девеселу введен в действие комплекс ПРО Aegis Ashore. Объект был построен к маю 2015 года и достиг эксплуатационной готовности 31 декабря 2015 года¹.

Россия неоднократно указывала, что используемые в комплексах ПРО Aegis Ashore универсальные установки вертикального пуска Mk.41 технически могут применяться не только для противоракет², но и для запуска крылатых ракет «Томагавк». По мнению российского военно-политического руководства, в этом случае Aegis Ashore нарушает положения Договора о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД), по которому стороны брали на себя обязательства не разворачивать наземные установки крылатых ракет с максимальной дальностью от 500 до 5 500 километров³.

При разворачивании американских кораблей системы Aegis в Норвежском море возможности повлиять на потенциал российского ответного удара возникают — как минимум с момента достижения оперативной готовности ракет SM-3 Block IIА (по плану с 2018 года). Более

---

¹ Aegis Ashore — корабельный вариант системы Aegis, с которой демонтировано некоторое специальное оборудование (надобность в нем отпала из-за переноса с борта корабля на сушу). Стальная наземная конструкция высотой в четыре этажа весит около 900 тонн и воспроизводит надстройку крейсера типа «Тикондерога». Внутри конструкции размещаются модульные радиоэлектронные элементы. Комплекс включает в себя радар типа AN/SPY-1 и вертикальную пусковую установку для 24 противоракет Standard SM-3 Block IB (URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/12/deveselu/> (дата обращения: 22.06.2016 г.)).

² Проекция траекторий российских МБР, стартующих из европейской части страны в направлении американского континента, проходят над Скандинавией, Балтийским и Норвежским морями. При старте из Румынии время реакции информационных средств системы и энергетические характеристики существующих и перспективных противоракет не позволяют сколько-нибудь успешно атаковать российские стратегические носители. Поэтому наиболее вероятно использование пусковых установок в Румынии для запуска крылатых ракет «Томагавк» (*прим. авторов*).

³ URL: https://lenta.ru/news/2016/06/18/imminent_strife/ (дата обращения: 22.06.2016 г.).

совершенные SM-3 Block IIB способны угрожать российским ракетам и из Польши. Российские военные не считают такие угрозы катастрофическими, однако они отличны от нуля и требуют ответной реакции¹.

Комплексный подход к строительству американской системы обороны означает, что разрабатываемые ныне системы противоракетной обороны на театре военных действий имеют двойное назначение: помимо своего прямого назначения они будут в случае необходимости интегрированы в систему национальной противоракетной обороны территории страны в качестве заключительных эшелонов.

В последнее время среди американской политической элиты участилась риторика холодной войны и «разоблачение агрессивных устремлений» России.

Во-первых, президент США Барак Обама заявил, что войны между НАТО и Россией из-за украинского кризиса не будет, такая возможность исключена². Во-вторых, в конце сентября прошло заседание Совета Безопасности ООН под председательством президента США, где он же высказался о трех угрозах для мира и безопасности, среди которых оказалась политика РФ³.

Посему закономерным выглядит заявление министра обороны США Чака Хейгла о необходимости подготовки американской армии к тому, чтобы «иметь дело с российскими вооруженными силами» у «порога НАТО»⁴. Что косвенно указывает на проработку Пентагоном сценариев операций у границ России⁵. Однако «сегодня в мире нет ни одного очага напряженности, где бы не присутствовали американские военные. Более того, после завершения «миссий по продвижению демократии» такие регионы повергаются в настоящий кровавый хаос. Примеры известны: Ирак, Ливия, Афганистан и теперь Сирия», — напоминает глава Минобороны РФ генерал армии С.К. Шойгу⁶. «Даже в трагических

---

¹ URL: <https://lenta.ru/articles/2016/05/12/deveselu/> (дата обращения: 22.06.2016 г.).

² URL: <http://www.iarex.ru/news/51001.html> (дата обращения: 17.10.2014 г.).

³ URL: <http://www.ng.ru/news/480132.html> (дата обращения: 24.09.2014 г.).

⁴ Еще в феврале 2007 года глава Пентагона Роберт Гейтс (бывший директор ЦРУ), выступая в конгрессе США, заявил, что американская армия должна быть готова к войне против России (*прим. авторов*).

⁵ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1445485/> (дата обращения: 17.10.2014 г.).

⁶ URL: <http://www.km.ru/world/2014/10/16/sergei-shoigu/749742-shoigu-otvetil-glave-pentagona-na-zayavlenie-o-rossiiskoi-ugro> (дата обращения: 17.10.2014 г.).

событиях на Украине не обошлось без открытого наставничества представителей оперативной группы центрального командования армии США», — добавил российский Министр обороны.

С одной стороны, по состоянию военного и экономического потенциала современная Россия уступает Соединенным Штатам, а с другой стороны, у американской военно-политической элиты есть понимание того, что победить РФ не удастся. С третьей стороны, — усиливается понимание, что в международных отношениях, в условиях нарастания очагов напряженности и угроз, Соединенным Штатам без России не справиться.

В своей речи от 31 октября 2014 года на встрече с высшим офицерским составом в Кремле Президент В.В. Путин отмечал, что «Россия не намерена втягиваться в конфронтацию, которую нам усиленно пытаются навязать. Мы открыты для равноправного и уважительного диалога по всем проблемам глобальной и региональной повестки. Наша военная доктрина носит исключительно оборонительный характер. Главная задача ее реализации — обеспечить суверенитет страны, мир и спокойствие наших граждан. Мы будем последовательно и четко выполнять все планы по совершенствованию Вооруженных Сил, других структур, отвечающих за национальную безопасность. Когда у границ такая ситуация, оставаться сторонним наблюдателем Россия не намерена. В рамках программы модернизации армия и дальше будет перевооружаться и совершенствоваться. Уже к 2014 году Сухопутные войска были на 70 % укомплектованы новейшей бронетехникой, доля современного вооружения на флоте и в Стратегических ядерных силах превышала 50 %»¹.

В своем докладе Министр обороны Маршал Шойгу С.К. на расширенном заседании Коллегии Минобороны России 11 декабря 2015 г. отмечал «Продолжается тенденция обострения военно-политической обстановки в мире, особенно в Европе, Центральной Азии и на Ближнем Востоке. Наблюдается последовательное расширение блока НАТО. За относительно короткое время он расширился почти в 2 раза, пополнившись 12 новыми членами. Сегодня активно готовятся к вступлению в блок Черногория, Македония, Босния и Герцеговина, Грузия и Украина. В сферу интересов альянса вовлекаются Финляндия, Швеция, Сербия и

---

¹ URL: <http://www.1tv.ru/news/print/27091887/114> (дата обращения: 31.10.2014 г.).

Молдавия. На территориях Бельгии, Италии, Нидерландов, ФРГ и Турции сосредоточено около двухсот американских ядерных авиабомб. Предусматривается их обновление. В различных степенях готовности содержатся 310 самолётов-носителей. Существует угроза переноса их действий в Центральную Азию и на Кавказ. ... Весной парламент Японии изменил статус сил самообороны и предоставил им право действовать за пределами государства. ... В сложившихся условиях Вооружённые Силы России должны обладать необходимым потенциалом для защиты суверенитета страны. ... В целях реализации этой задачи Министерством обороны совместно с федеральными органами исполнительной власти разработан План обороны на 2016 — 2020 годы, который утверждён Президентом страны в ноябре 2015 г. Он учитывает все вызовы и угрозы в военной сфере, предусматривает обеспечение обороны государства по всем прогнозируемым вариантам возникновения военных конфликтов с участием Российской Федерации. ... Стратегические ядерные силы подерживались на уровне, позволяющем гарантированно решать задачи ядерного сдерживания. В Ракетных войсках стратегического назначения более 95% пусковых установок содержатся в постоянной готовности к боевому применению. На боевое дежурство заступили 6 ракетных полков, оснащённых комплексами «Ярс» стационарного и подвижного базирования. Доля современного вооружения в наземных стратегических ядерных силах составила 51%. Авиационные стратегические ядерные силы в 2015 году пополнились 10 модернизированными самолётами, из них два Ту-160, три Ту-95МС и пять Ту22М3. Усилилась боевая мощь морских стратегических ядерных сил. В состав сил постоянной готовности введены 2 ракетных подводных крейсера стратегического назначения — «Александр Невский» и «Владимир Мономах»¹. Оснащённость морских стратегических ядерных сил современными образцами вооружения составляет 56%. Всего в Вооружённые Силы поставлено 35 новых баллистических ракет, что позволило добиться 55 % уровня оснащения

---

¹ Новейшая атомная подводная лодка проекта 955 «Владимир Мономах» 26 сентября 2016 г. завершила переход с Северного на Тихоокеанский флот и прибыла в пункт постоянного базирования — Вилючинск, ошвартовалась у пирса, который входит в состав инфраструктуры, специально созданной на Камчатке для подлодок новых поколений (URL: <http://tass.ru/armiya-i-opk/3653403> (дата обращения: 26.09.2016 г.)).

ядерной триады современным вооружением. На базе ВВС и Войск ВКО 1 августа 2015 года завершено создание нового вида Вооружённых Сил — Воздушно-космических сил. Все силы и средства этого вида Вооружённых Сил сосредоточены в едином контуре управления для решения задач в воздушно-космической сфере. ... Поставка 2 многоцелевых подводных лодок и 8 надводных кораблей позволила сохранить темпы наращивания боевого потенциала Военно-Морского Флота и поднять долю современных кораблей до 39%. ... С 30 сентября 2015 года проводится специальная операция в Сирии. В ней участвуют дальняя, оперативно-тактическая и армейская авиация, корабли и подводные лодки нескольких флотов. Впервые нанесены массированные удары высокоточными крылатыми ракетами воздушного и морского базирования на дальность до полутора тысяч километров. Всего боевая авиация совершила около 4 000 боевых вылетов и уничтожила свыше 8 000 объектов военной инфраструктуры террористов»¹.

Наметившиеся потепления в российско-американских отношениях на фоне борьбы с международным терроризмом не всегда были однозначны: не было обещанной поддержки по списанию российского финансового долга; не просматривалось понимание в борьбе с терроризмом в Чечне; поддерживались агрессивные устремлений Грузии; очевидна активная поддержка политики украинской власти, приведшей к гражданской войне и геноциду русско-язычного населения; вводятся американские и иницируются санкции ЕС против России; расширяется НАТО; американская противоракетная оборона приближается к границам России и т.д.

Согласно результатам опроса, проведенного Фондом «Общественное мнение», отрицательную динамику в отношениях между Россией и США в последний год усматривают 60% участников опроса, 22% уверены, что ситуация осталась на том же уровне, 5% — что она улучшилась. Практически половина (48%) россиян оценивает отношения между Россией и США как плохие. Нейтральными их называет 38% опрошенных, по мнению 5% в диалоге двух стран все хорошо. При этом относительное большинство (45%) россиян относится к США нейтрально, каждый третий (33%) — плохо, и лишь 17% — хорошо. В США, по мнению

---

¹ URL: http://okp.mil.ru/separated_commandant_regiment/news/more.htm?id=12071638@egNews (дата обращения: 11.12.2015 г.).

31% респондентов, плохо относятся к России, 26% предполагают, что россияне американцам безразличны, только 14% рассчитывают на хорошее отношение к своей стране. Между тем, более трети (38%) россиян хотят сближения России и США. В частности, по мнению 19% респондентов, дружеские отношения двух стран могли бы стать гарантией международной безопасности, 8% убеждены, что дружественное сотрудничество просто необходимо, 4% считают контакты с США интересными для российской экономики, 3% сообщают, что Россия и США — ведущие мировые державы, которые должны быть вместе. Вместе с тем, по мнению 13%, России стоит соблюдать дистанцию в отношениях с США. Столько же (13%) выступили за сохранения статус-кво. В том числе 3% респондентов считают, что это единственная возможность сохранить мир, 2% довольны нынешним положением дел, по 1% указывают на то, что Россия не должна зависеть от США, что американское руководство ведет недружественную политику по отношению к российской стороне, потому как стремится к мировому господству¹.

Таким образом, роль РФ в процессе обеспечения стратегической стабильности, представляющей основу безопасности человеческой цивилизации в XXI в., не уменьшается. Исходя из этого целесообразно, во-первых, сохранить особый характер российско-американских отношений, основанных на стратегическом паритете двух держав. Во-вторых, России необходимо утвердиться в качестве авторитетного субъекта формирования новой системы международных отношений, для чего, наряду со многими другими предпринимаемыми мерами, сохранение российского стратегического потенциала имеет принципиальное значение.

---

¹ URL: <http://newsland.com/news/detail/id/1345705/> (дата обращения: 4.10.2014 г.).

Глава III. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И УРОКИ ДОСТИЖЕНИЯ И ПОДДЕРЖАНИЯ СИЛОВОГО БАЛАНСА С ОПОРОЙ НА СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ

3.1. Особенности использования ядерного оружия как ресурсной составляющей в урегулировании международных ситуаций на примере Карибского кризиса 1962 г.

Обращение авторов к событиям более чем полувековой давности подтолкнула сегодняшняя обстановка на Корейском полуострове, выражающаяся в продолжающемся ракетно-ядерном противостоянии США, Южной Кореи и Японии, с одной стороны и КНДР — с другой. В международной среде нечто подобное уже было. В 2020 году исполнилось 58 лет Карибскому кризису — серьезному международному конфликту между США и СССР, поставившему мир на грань ядерной катастрофы.

С другой стороны, карибские события 60-х годов стали лакмусовой бумажкой возможности урегулирования межгосударственных противоречий с использованием такого феномена в ресурсе государственного воздействия на международные отношения как ядерное оружие.

Общеизвестно, что поводом для проведения секретной стратегической операции «Анадырь» (размещению баллистических ракет и группировки вооруженных сил СССР на острове Куба) стала установка в 1961 году на территории Турции, члена НАТО, вблизи г. Измир, американских ракет. Они были способны поражать стратегически важные объекты на европейской части СССР, включая Москву.

Оценивая исторически формирующееся в то время противостояние СССР и США в международных отношениях, следует утверждать, что проведение столь сложной, дорогостоящей, секретной операции по доставке на Кубу баллистических ракет Р-12 и Р-14 диктовалось следующими причинами: достижением и сохранением статуса-кво Советским Союзом, как ядерной державой, — это в первую очередь, необходимостью сохранения и укрепления советско-кубинских отношений и поддержки социалистического режима на острове Свободы.

В октябре 1962 г. в связи с карибскими событиями впервые за всю историю США президент Дж. Кеннеди ввел для командования ВВС уровень угрозы DEFCON-2, означавший подготовку к началу войны.

Вместе с тем, на политико-дипломатическом уровне обсуждались пути выхода из создавшейся ситуации. 26 октября СССР первым предложил США снять блокаду Кубы и дать гарантии ненападения на остров. В ответ Москва обещала демонтировать ракеты на острове Свободы. 27 октября СССР добавил условие о демонтаже американских ракет на территории Турции.

28 октября эти условия были приняты американской стороной — была снята блокада Кубы, а затем были демонтированы и убиты ракеты из Турции. Одновременно советское руководство вывезло ракеты с острова Куба.

Надо отметить, что в западной науке и прессе вину за Карибский (Кубинский) кризис принято возлагать на Н.С. Хрущева и политическое руководство СССР. При этом, действия США, более сильной на тот момент ядерной державы, по размещению ракет в Турции априори умалчиваются.

США и СССР к началу 1960-х годов обладали достаточным количеством ядерных боеприпасов и средствами их доставки, но до установления стратегического паритета оставалось менее десяти лет.

К 1962 г. Советский Союз с помощью баллистических ракет и бомбардировщиков мог доставить на территорию США не более 300 боезарядов. В составе же Военно-воздушных сил США в это время находились около 1300 бомбардировщиков, способных доставить на территорию СССР свыше 3000 боезарядов. Кроме этого, в состав ВВС США входили 183 межконтинентальные ракеты Atlas и Titan, а также 144 ракеты на девяти подводных лодках Polaris¹.

Основой ракетной группировки СССР в это время были ракетные полки, вооруженные ракетами Р-12². Наиболее приемлемым для доставки на Кубу был ракетный комплекс, вооруженный этой ракетой, а ракетный комплекс Р-14 размещать на кубинской территории, по оценкам того времени, было нецелесообразно. Это было обусловлено двумя причинами. Во-первых, на 1 июля 1962 года в частях Ракетных войск ракет

---

¹ URL: <http://www.armscontrol.ru/course/rsf/p2.htm> (дата обращения 20.01.2018)

² См.: Хроника основных событий истории РСН. М.: РСН, 1994. С. 265, 281.

Р-14 насчитывалось всего 26 штук¹ и не было накоплено достаточного опыта в приведении данного ракетного комплекса в боевую готовность на полевых позициях. Во-вторых, на приведение ракетного комплекса, вооружённого ракетой Р-14, в готовность к боевому применению в полевом позиционном районе требовалось почти два месяца с привлечением большого количества (более 100 человек) строителей и монтажников Госкомитетов по оборонной технике и радиоэлектронике. Это неизбежно растягивало бы сроки передислокации дивизии, увеличивало количество грузов и, как следствие, требовало большего количества судорейсов.

Дивизия же, вооруженная ракетами Р-12, могла совершать марш и наносить удары из вновь назначенного и малооборудованного полевого позиционного района через 15-20 суток².

С началом становления в СССР группировки ракетно-ядерного оружия и появлением в 1959 году нового вида ВС СССР — РВСН началась активная работа по разработке теоретических положений ее применения.

Основу теории использования ракетно-ядерного оружия составили: военно-научный труд «Ракетные операции» 1961 года под редакцией Маршала Советского Союза Москаленко К.С., «Военная стратегия» 1962 и 1963 гг. под редакцией Маршала Советского Союза Соколовского В.Д.

Теоретические положения этих работ отрабатывались и дополнялись в ходе значительного количества учений и маневров, проводимых с ракетными частями на территории СССР. По данным архивов за период 1960-1962 год таких учений и военных игр с использованием войск и сил было проведено более 50.

После решения о размещении ракет на Кубе, которое было принято Политбюро ЦК КПСС 24 мая 1962, встал вопрос: каково возможное их стратегическое использование? Как можно было достичь силового баланса при сложном соотношении ракетно-ядерных и ядерных средств? С учетом того, что это были ракеты средней дальности и предназначались для поражения объектов площадью до 100 кв. км, имея заряды от 1 до 2,3 Мгт., точность поражения — КВО (круговое вероятное отклонение) — 2400 м, с временем готовности к пуску — 3 ч³.

---

¹ По материалам Архива РВСН. Ф. 19. О. 115. Д. 25. Л. 40-43.

² Воробьев С. В. Развитие теории стратегического использования ракетного оружия и РВСН (40-90 годы XX века): Монография. Ч. 2. М.: ВА РВСН имени Петра Великого 2004. С. 80.

³ URL: <http://militaryrussia.ru/blog/topic-376.html>(дата обращения 19.01.2018).

Размещенные на Кубе ракеты средней дальности обладали способностью ядерными боезарядами поразить любые объекты на территории США. Так ракеты Р-12 с радиусом поражения до 2080 км могли поразить любые объекты на восточном побережье США (около 1/3 территории), а ракеты Р-14 с радиусом поражения до 4 500 км имели возможности поражения практически всей территории США, за исключением Аляски¹.

Передислоцированная на кубинскую территорию советская группировка ядерного оружия имела более 180 боезарядов для различных носителей — от ракетных катеров, самолетов, надводных кораблей и тактических ракет сухопутных войск. Оценивая руководящие документы того времени, следует утверждать, что ядерное оружие могло быть использовано для последовательности, по важности, задач: уничтожение стратегических средств вооруженной борьбы противника; нарушение его государственного и военного управления и дезорганизация тыла; подрыв военной и экономической мощи вражеских государств, снижение боеспособности вооруженных сил противника и деморализация населения; захват стратегической инициативы в начальном периоде разворачивающихся боевых действий².

Такая очередность планирования по важности задач была логически понятна и объяснима. Если бы СССР нанес ядерные удары с удаленного театра военных действий (ТВД) в другой последовательности, то мог получить ответный массированный удар ядерным оружием уже по собственной территории. А для этого, в первую очередь, необходимо было поразить стратегические средства и объекты управления ими. Это были ракетные базы на территории США, аэродромы стратегической авиации, базы стратегических подводных лодок. Такая задача была вполне реализуема ракетно-ядерным оружием с использованием ракет средней дальности Р-12 и Р-14, передислоцированных на территорию Кубы. Подлетное время при таком ударе могло составить 10-15 минут. Это гарантировало бы уничтожение таких объектов до пуска ракет, вылета самолетов, выхода из баз подводных лодок. Причем «наш первый удар должен быть, по крайней мере, одновременным. до момента достижения ракетами противника объектов поражения»³.

---

¹ URL: <http://rbase.new-factoria.ru/missile/wobb/p14/p14.shtml> (дата обращения 02.03.2018).

² По материалам ЦАМО РФ. Ф. 1. О. 356476. Д. 121. Л.29.

³ Точка зрения авторов из материалов документов боевого применения и ВНТ «Ракетные операции».

Военно-политическое руководство США благодаря данным разведки было осведомлено об этих возможностях и у него не было бы времени, в таком случае, на принятие решения на использование своих ВВС. И это осознание невозможности также стало основой в достижении силового баланса между партнерами-противниками Карибского кризиса.

При таком соотношении возможностей по поражению стратегических объектов противника на первый план выдвигался фактор времени. А он был обоснован той готовностью ракетно-ядерных средств, в которой они в данный конкретный момент находились. Так, готовность к нанесению ядерного удара с 23 октября 1962 года дивизионами 51 ракетной дивизии (передислоцированной на кубинскую территорию) составляла не более 2 часов 30 минут в связи с принятием решения командованием дивизии о доставке ядерных боезарядов из полевых районов в стартовые¹.

Для группировки советских ракет на Кубе в качестве основного возможного способа использования, вероятно, должен был рассматриваться только массированный ядерный удар с одновременным (по возможности) стартом всех имеющихся ракет. Говорить в начале 1960-х годов об успешном отражении такого ракетно-ядерного удара с временем доставки ядерных боеприпасов к объектам поражения в несколько десятков минут, не представлялось возможным².

По оценкам американских специалистов, к примеру, для уничтожения всей только военно-морской группировки войск и сил Советского Союза и Республики Кубы, находившейся на территории острова, США потребовалось бы до 30 минут времени и около 300 ядерных средств.

Оценивая итоги разрешения Карибского кризиса и результаты проведенной советскими вооруженными силами стратегической операции «Анадырь» в период карибских событий, можно сформулировать некоторые выводы, позволяющие подтвердить разрешение одной из задач представляемого исследования в работе.

---

¹ URL: <http://rvsn-bvo.narod.ru/rvsn-ru/rvsn-armii/51rd/51rd.htm>(дата обращения 05.01.2018).

² Воробьев С.В., Кочетков, Селюнин Ю.А. Использование возможностей ракетно-ядерного оружия в разрешении Карибского кризиса как фактора формирования системы силового баланса международных отношений XX-XXI веков (к 55-й годовщине событий) // Гуманитарный вестник ВА РВСН. Балашиха, 2017. № 3 (7). С. 83.

Во-первых, приняв решение о размещении ракетно-ядерного оружия у границ США, политическое руководство СССР отдавало себе отчёт по поводу их реакции на это. Серьёзной ошибкой и просчётом советского правительства, в этой ситуации, было полное отсутствие пропагандистских и дипломатических акций, обеспечивающих размещение группы войск на Кубе. Более того, лишив советских дипломатов какой-либо информации о готовящейся операции, Советский Союз заведомо передал инициативу Соединённым Штатам для оправдания своих действий в ООН¹.

Во-вторых, учитывая ограниченные возможности каждой из стран контролировать события в ядерный век, предотвращение кризиса гораздо более важно, чем управление им. Стремление США к обладанию «монополью на действия» и тогда и сейчас в XXI веке чревато опасными для мира последствиями.

В-третьих, именно фактор времени после Карибского кризиса стал еще одной ресурсной составляющей при оценке уровня напряженности той или иной международной ситуации.

В-четвертых, стало понятным, что использование личных контактов, в том числе и, в первую очередь, глав государств — участников конкретной международной ситуации, способствует переводу международного конфликта из конфронтационного состояния в стадию мирного урегулирования.

В-пятых, Карибский кризис, несмотря на его сложность и противоречивость, стал толчком (триггером) для начала процесса контроля и ограничения ядерного оружия. В 1963 году был подписан Договор о запрещении ядерных испытаний в трех средах. В 1968 г. Договор о нераспространении ядерного оружия. А с 1969 года, после достижения стратегического паритета, начался более чем сорокалетний советско/российско-американский переговорный процесс по ограничению и сокращению стратегических вооружений. В ходе переговоров были подписаны соглашения, начиная с Договора ОСВ-1 и Договора по ПРО и до действующего сегодня российско-американского Договора СНВ-3.

В целом, на современном этапе можно и следует утверждать, что совместное решение СССР и США по урегулированию международной

---

¹ См.: Большаков Г.Н. Горячая линия: Как действовал секретный канал связи Джон Кеннеди — Никита Хрущёв // Новое время. 1989. № 4.

ситуации в период карибских событий стало моделью успешного управления кризисом и может быть использовано высшим политическим руководством государств, обладающих ядерным оружием. Кроме этого, разрешение карибского противостояния может стать моделью для формирования сегодняшней системы силового баланса с опорой на такую ресурсную составляющую как ядерное оружие.

3.2. Ядерное оружие — фактор поддержания стабильного состояния международной безопасности: прикладной аспект

Возможности использования ядерного оружия в качестве независимой переменной при исследовании международных ситуаций

Используя материал результатов исследования, представленных в предыдущих разделах рукописи, авторы считают возможным предложить прикладную составляющую исследования проблемы использования ядерного оружия как ресурсной составляющей силового баланса при формировании современной полицентрической системы международных отношений.

Такой подход возможен к использованию в учебных целях при обучении бакалавров, магистров и аспирантов вузов России. А также в целях проведения прикладного научного исследования методом факторного анализа складывающейся современной или перспективной международной ситуации с участием Российской Федерации или иного актора, обладающего ядерным оружием, при подготовке научно-обоснованного предложения в решения ЛПР, касающегося урегулирования проблемной международной ситуации.

Общеизвестен факт о том, что вся описанная история человечества сопровождалась постоянными войнами, число которых к сегодняшнему дню перевалило за 5 тысяч. Люди на своем эволюционном пути занимались совершенствованием оружия для уничтожения себе подобных. Менялись культуры, менялась политическая власть в странах, менялись взгляды на завоевание авторитета в общине, племени, роде, государстве и мировом сообществе в целом.

Одно лишь оставалось неизменным — стремление разрешить острый политический спор с использованием крайних — силовых или военных средств.

Если в раннем средневековье победа в войне достигалась путем отдельного сражения, позднее — генерального (а иногда и приграничного) сражения, то к 19 веку в эпоху появления массовых профессиональных армий, задачей государства в вооруженном столкновении стало уничтожение армии противника или ее разгром. В 20 веке человечеству стало недостаточно просто уничтожить армию противника в войне, захватить его территорию, поработить народ, завладеть всеми имеющимися у противника ресурсами. В насущную потребность превратилось уничтожение народов, национальных государств, этносов, культур. И это подтвердил опыт I и II мировых войн прошлого столетия.

Как уже отмечалось в материалах исследования, перечисленное закономерно привело к созданию оружия массового поражения, прежде всего — ядерного. Накопленные арсеналы которого, уже к середине 70-х годов прошлого века позволяли ядерным державам уничтожать, в случае развязывания войны с применением таких средств поражения, до 80% населения и до 60% промышленного потенциала государств противников. Это касалось, прежде всего СССР и США, которые имели к тому времени по 19 000 ядерных боезарядов. Достигаемые показатели поражения стали именоваться неприемлемым ущербом — т.е. практическим уничтожением государства с потерей суверенитета. По естественным причинам, никакого натурального эксперимента, как доказательства приведенных цифр, не проводилось. Эти цифры были получены по результатам математического моделирования, проведенного в США в начале 70-х годов 20 века. А понимание того, что в случае возможной ядерной войны, даже если бы ее начали первыми США и было бы уничтожено до 95% средств ядерного арсенала СССР, но оставшимися 5% ядерных стратегических средств СССР территория США уничтожалась бы трижды, привело к заключению в 1972 году договора по ПРО.

Достижение стратегического паритета в ядерной сфере и его наличие сегодня стало той отличительной чертой сформировавшегося силового баланса, в том числе и, благодаря заключению договоров о СНВ, как представляется, когда 2 государства (Россия и США) должны были бы

стать гарантами стабильности, а не хаоса в современной меняющейся формате системе международных отношений. Этого, однако, пока не происходит.

Ракетно-ядерное оружие с конца XX века стало больше политическим фактором международной жизни, нежели военным, оставаясь при этом военно-политическим феноменом поддержание современной международной безопасности. Основу этому, как представляется, заложил и Карибский кризис 1962 г., и способ его разрешения. И тот период существования нашего государства, который очень обидно для патриотов нашей страны именовался «Верхней Вольтой с ракетами».

XXI век не стал исключением в этом ряду печальных «правил» международной жизни, когда силовая составляющая с опорой на ядерное оружие становится главным аргументом в разрешении международных ситуаций. Опыт ракетно-ядерного кризиса на Корейском полуострове, Индо-Пакистанское противостояние, израильские амбиции тому подтверждение.

Проводимые сегодня прикладные исследования прогнозирования состояния обеспечения силового баланса, приводят к тому, когда в качестве независимой переменной для формирования массива исходных данных, в ряду с другими исходными данными, и дальнейшей процедуры операционализации, следовало бы принимать возможности современного ядерного, и прежде всего — ракетно-ядерного оружия. Это становится достижимым благодаря количественным и качественным его показателям.

В приложении раскрыт один из вариантов оценки детерминант внешней политики России через прикладное ситуационное исследование при наличии ресурсной составляющей — ядерного оружия (выделены группы факторов с его участием: структурные факторы (Б) в составе внутренних независимых переменных и действия других государств в составе внешних независимых переменных).

К количественным показателям можно было бы относить, к примеру, количество носителей и доставляемых боезарядов, время готовности к пуску и время старта (сейчас они исчисляются секундами), время нахождения в зоне поражения достигаемыми средствами ПРО на активном участке траектории или участке маневрирования при заходе на цель (это показатели, исчисляемые от нескольких минут до нескольких

десятков минут), время (скорость полета) или процент вероятности поражения целей (до 0,999), количество используемых для преодоления ПРО ложных целей, точность поражения (нескольких метров) и пр.

Период жизненного цикла этого вида оружия массового поражения как ядерное позволил иметь достаточно обширный арсенал и качественных показателей, которые могут быть приняты в исследовании как независимая переменная.

В качестве таковых следовало бы указать, к примеру, разнообразие форм и способов стратегического использования. Таких как: приведение в высшие степени боевой готовности и официальное предупреждение агрессора о возможности стратегического использования ядерных средств поражения, это демонстрационные взрывы в различных средах с предварительным уведомлением, демонстрационные пуски носителей без ядерного оснащения с объявлением мест и времени падения учебно-боевых блоков, одиночные ядерные удары по безлюдной местности (горная или пустынная) на территории агрессора, предупреждение по дипломатическим каналам о внесении тех или иных объектов в список поражаемых в интересах достижения конкретного национального интереса, как это было продемонстрировано в период проведения операции «Пальма» в 1968 г. И наконец в качестве способов стратегического боевого использования можно упоминать: массированное, групповое и одиночное стратегическое боевое применение. В ответах представителям средств массовой информации из уст президента России прозвучал основной способ боевого стратегического использования ядерного оружия Российской Федерацией — в ответ на ядерную агрессию использование ответно-встречного удара.

Последнее из перечисленных качественных показателей не является элементом независимой переменной в исходных данных по исследованию прогноза формирования системы силового баланса, но может быть достаточно весомой ресурсной составляющей по достижению такой путем проведения переговорного процесса, в котором используется такие переговорные стратегии как побуждение или принуждение.

На основании предложенного в качестве независимой переменной количественных и качественных показателей возможностей использования ядерного оружия в качестве ресурсной составляющей, возможно не

только формирование прогнозов развития международной ситуации, а и написание сценариев с использованием подобных переменных.

О возможных перспективах такого использования переменных в качестве основных факторных составляющих пойдет речь в следующем разделе рукописи.

Перспективы использования ядерного оружия как ресурсной составляющей для формирования силового баланса в современных международных отношениях

Изучая указанное направление для решения задачи исследования, авторы посчитали возможным обратиться к сценариям, полученным на основе проведенного аналитического исследования складывающейся сейчас и перспективной международной обстановки, разработанным на конец 2017 г. с участием сотрудников МИД РФ, МГИМО и Дипломатической академии.

В ходе оценки этих сценариев и последующий, принятых на их основании решениях высшего политического руководства следует отметить, что и в негативном и нейтральном и позитивном сценариях роли ядерного оружия как фактору стабильного развития Российской Федерации отведено одно из ведущих мест.

Так при негативном сценарии «жесткой глобализации», когда США и ЕС продолжают выступать единым фронтом в противопоставлении себя всему миру с целью трансформации всей системы международных отношений и мировой экономики с целью сохранения отживающего однополярного состояния мирового порядка, Россия продолжает оставаться в составе 20 ведущих стран мира. Монополия запада, усиление борьбы с КНР, усиление воздействия на другие не западные центры, с целью ограничения их влияния во внешней политике и мировой экономике, возрастание их военных устремлений и отрыв в военно-силовой составляющей от всех стран мира, приведение всей системы международных отношений к кризисному состоянию через систему «управляемых конфликтов» приводит к тому, что в этом сценарии интегральный показатель возможностей России во внешней политике уменьшается на 50%. И остается на таком уровне только в случае сохранения за Российской Федерацией статуса ядерной державы.

Если оценивать сценарий «умеренной глобализации», который тоже для российской государственности является негативным, когда относительная мощь США снижается и на ведущие позиции в мире выходит ЕС, нужно констатировать следующее. Россия, Китай, Япония, Индия формируют и проводят собственную геополитическую стратегию. На этом фоне конкурентного противоборства выдвигается на ведущие позиции в мире КНР. Россия сохраняет территориальный и ресурсный контроль только в случае существенного усиления показателей управления, внешнеполитической и интеграционной деятельности на постсоветском пространстве, науки и образования. Существенным фактором при этом остается фактор наличия ядерного оружия как основной опоры в формировании силового баланса, в том числе, и с возможными коалициями государств. В этом сценарии интегральный показатель возможностей России во внешней политике уменьшается на 25%.

Анализируя самый сложный негативный сценарий «возрастания роли регионов» нужно констатировать следующее. На первые позиции в международной среде выдвигаются конкурирующие между собой Северо-Американская, Азиатско-Тихоокеанская и Европейская торгово-экономические зоны, что станет снижать роль ВТО, и обострять международную обстановку в целом. Появятся самостоятельные региональные политико-экономические зоны как противопоставление этому состоянию, начнется их обособление. Украина входит в ЕС и НАТО, Белоруссия прекращает участие в союзном государстве, НАТО вводит войска на территорию Украины, Абхазии, Южной Осетии, Нагорного Карабаха. НАТО расширяется за счет Молдовы, Белоруссии, Грузии, Армении. Россия вынуждена будет: 1. формировать и усиливать собственную политико-экономическую зону на постсоветском пространстве (интегральный показатель уменьшается на 20-22%), 2. примкнуть к одной из сформированных региональных политико-экономических группировок (интегральный показатель уменьшается на 30-35%). Возможности России оценены и в этом случае только при наличии фактора ядерного оружия в арсенале ресурсных составляющих.

В сухом остатке после оценки негативных вариантов сценарного прогноза сформулирован вывод о том, что может ждать нашу страну в случае их реализации. Это то, что Россия может утратить статус одного

из центров развития мировой системы международных отношений. К периоду 2026–2070 гг. территория России — без Сибири и Дальнего Востока с границами на юге по существующим сейчас границам национальных автономий и на севере — небольшой участок побережья Балтийского моря в районе Санкт-Петербурга, без островов Курильской гряды и Сахалина. Превращается в третьеразрядную державу со слабой экономикой и влиянием на развитие системы МО.

Взвешенная оценка таких негативных последствий позволила высшему политическому руководству принять научно обоснованные решения, озвученные в мартовском 2018 года послании президента России, которые следует оценить как возможные перспективы стратегического использования ядерного оружия как такового.

Это в параллели с принятием основных программ по принятию мер к равномерному расселению населения по территории страны, т.н. программы «пространственного развития» с улучшением демографии и увеличением продолжительности жизни и иных государственно важных решений и программ.

Говоря об использовании в системе международных отношений ядерного оружия в послании озвучены его перспективы, как фактора ресурсного влияния: «Мы никому не угрожаем, ни на кого не собираемся нападать, ничего ни у кого, угрожая оружием, не собираемся отнять: у нас у самих все есть»¹. А инфографикой были продемонстрированы возможности перспективных образцов вооружения в том числе в безъядерном и ядерном оснащении, что стало одним из трендов сегодняшнего силового влияния на внешнюю политику партнеров-противников.

Одним из перспективных направлений сохранения ядерного оружия в качестве ресурсной составляющей поддержания силового баланса является создания нового поколения ракетно-ядерного оружия, функционирующего на основе перспективных инновационных научных разработок, как-то: гиперзвук, полет по небаллистической траектории, ядерные двигательные установки, бесшумность, неограниченная дальность, беспилотность и большая глубина погружения², против которого бессильны современные системы противоракетной обороны.

---

¹ URL: <http://www.ntv.ru/novosti/1986648/> (дата обращения 10.02.2018).

² Там же.

Эти перспективы начали формироваться после одностороннего выхода США из договора по ПРО и получили свое четкое очертание только сейчас — в конце второго десятилетия XXI века.

На основании материала проведенного исследования есть возможность сформулировать некоторые теоретические выводы и практические рекомендации.

Во-первых, теоретические основы баланса сил включают в себя собственно категорию «баланс сил», которая определена в представляемом исследовании как политика страны или нескольких стран, которая направлена на достижение определенного состояния системы международных отношений, как само состояние системы, характеризующееся некоторым соотношением сил между ведущими державами, и механизм, действующий в международной системе независимо от воли ее участников. Фактически это триединство элементов: политики государств, состояние системы МО и механизмы в этой системе МО.

Во-вторых, стратегическое ядерное сдерживание является основой формирования силового баланса полицентрической системы международных отношений. При этом, эволюционно изменялась роль ядерного оружия как фактора создания силового баланса — с военного — на политический. И превращение понятия «равной силы» при оценке силового баланса при достижении стратегического паритета — в понятие «равные возможности силы» — в современной международной среде.

В-третьих, ядерное оружие могло быть использовано по боевому предназначению для решения задач в следующих формах и следующими способами: уничтожение стратегических средств вооруженной борьбы противника; нарушение его государственного и военного управления и дезорганизация тыла; подрыв военной и экономической мощи вражеских государств, снижение боеспособности вооруженных сил противника и деморализация населения; захват стратегической инициативы в начальном периоде разворачивающихся боевых действий. А было использовано в политических целях для подписания целого ряда международных договоров: от Договора о запрещении ядерных испытаний в трех средах, Договор о нераспространении ядерного оружия, до Договоров ОСВ-1 и Договора по ПРО и до действующего сегодня российско-американского Договора СНВ-3. Указанное подтверждает, что ядерное оружие становится с этого времени ресурсной составляющей в урегулировании межгосударственных противоречий.

Из опыта урегулирования Карибского 1962 года кризиса нужно извлечь следующие уроки:

— серьёзной ошибкой и просчётом советского правительства тогда было полное отсутствие пропагандистских и дипломатических акций, обеспечивающих размещение группы войск на Кубе. Более того, лишив советских дипломатов какой-либо информации о готовящейся операции, Советский Союз заведомо передал инициативу Соединённым Штатам для оправдания своих действий в ООН.

— учитывая ограниченные возможности каждой из стран контролировать события в ядерный век, предотвращение кризиса гораздо более важно, чем управление им. Стремление США к обладанию «монополией на действия» и тогда и сейчас в XXI веке чревато опасными для мира последствиями.

— фактор времени после Карибского кризиса стал еще одной ресурсной составляющей при оценке уровня напряженности той или иной международной ситуации.

— использование личных контактов, в том числе и, в первую очередь, глав государств — участников конкретной международной ситуации, способствует переводу международного конфликта из конфронтационного состояния в стадию мирного урегулирования.

Представленные уроки могут быть практической рекомендацией высшему политическому руководству страны для урегулирования конфликтов и противоречий в межгосударственной сфере с опорой на ядерное оружие.

В-четвертых: при проведении прикладных исследований международных ситуаций с целью формирования прогноза и сценариев их развития возможно использовать при формировании массива данных в факторном исследовании возможности ядерного оружия как независимой переменной.

В качестве практической рекомендации следует использовать в виде независимой переменной как количественные, так и качественные (возможностные) характеристики ядерного оружия. Это позволит получить более точные результаты исследования силового баланса в конкретной международной ситуации с участием стран «ядерного клуба».

К количественным показателям следует относить: количество носителей и доставляемых боезарядов, время готовности к пуску и время

старта (сейчас они исчисляются секундами), время нахождения в зоне поражения достигаемыми средствами ПРО на активном участке траектории или участке маневрирования при заходе на цель (это показатели, исчисляемые от нескольких минут до нескольких десятков минут), время (скорость подлета) или процент вероятности поражения целей (до 0,999), количество используемых для преодоления ПРО ложных целей, точность поражения (нескольких метров) и пр.

Арсенал качественных показателей, которые могут быть приняты в исследовании как независимая переменная тоже достаточно значителен.

Он представлен разнообразием форм и способов стратегического использования. Таких как: приведение в высшие степени боевой готовности и официальное предупреждение агрессора о возможности стратегического использования ядерных средств поражения, это демонстрационные взрывы в различных средах с предварительным уведомлением, демонстрационные пуски носителей без ядерного оснащения с объявлением мест и времени падения учебно-боевых блоков, одиночные ядерные удары по безлюдной местности (горная или пустынная) на территории агрессора, предупреждение по дипломатическим каналам о внесении тех или иных объектов в список поражаемых в интересах достижения конкретного национального интереса.

И наконец в качестве способов стратегического боевого использования можно упоминать: массированное, групповое и одиночное стратегическое боевое применение. Они не могут быть приняты в качестве независимых переменных, однако упоминание о них может быть использовано нашими дипломатами в период переговоров с выбранными переговорными стратегиями побуждения и принуждения.

В-пятых: перспективы использования ядерного оружия как силовой составляющей силового баланса в международной среде имеют несколько направлений, определенных высшим политическим руководством России. К ним отнесены: военно-политическая и военно-техническая составляющие. По первому направлению — это сохранение ядерного оружия как фактора силового баланса и стабильности современной системы международных отношений; по второму — создание нового поколения ракетно-ядерного оружия, против которого бессильны современные системы противоракетной обороны, функционирующего на основе перспективных инновационных научных разработок, как-то:

гиперзвук, полет по небаллистической траектории, ядерные двигательные установки, бесшумность, неограниченная дальность, беспилотность и большая глубина погружения.

3.3. Современная международная безопасность в контексте конфронтационного состояния международной среды по вопросам контроля над стратегическими вооружениями

Одним из важнейших условий стабильного и поступательного развития современной системы международных отношений является наличие стабильного комплекса обеспечения международной безопасности в качестве одного из главных элементов системы. Структурными составляющими которого, являются разработанные и уже действующие режимы нераспространения и запрещения оружия массового уничтожения, прежде всего ядерного.

В качестве современных режимов нераспространения и запрещения в контексте представления результатов проведенного исследования следует рассматривать: *режим нераспространения ядерного оружия* с системой международных гарантий МАГАТЭ, включающий, в том числе, формирование зон, свободных от ядерного оружия, экспортный контроль и физическую безопасности ядерных материалов, а также *режим контроля за ракетными технологиями*.

Основой режима нераспространения ядерного оружия является Договор о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), который был открыт для подписания 1 июля 1968 года и вступил в силу 5 марта 1970 года. На сегодняшний день его подписали уже 190 стран. Среди не подписавших или отказавшихся от подписи Индия, Пакистан, Израиль, КНДР (отозвала свою подпись в 2003 г.), Южный Судан. Для реализации и контроля выполнения норм Договора и выработки новых положений с задачей полного избавления от такого вида ОМУ каждые 5 лет странами-участницами проводятся Обзорные конференции. На предыдущей конференции в 2015 году было заблокировано (США, Великобритания, Канада) российское предложение о проведении конференции по созданию безъядерной зоны на Ближнем Востоке, что противоречило бы интересам Израиля¹.

---

¹ Воробьев С.В. По материалам лекции «Международная безопасность и ядерное оружие», читаемой слушателям Управления переподготовки и повышения квалификации Дипломатической академии МИД России.

Опираясь на положение ДНЯО, международным сообществом была сформирована система международных гарантий, осуществляемых Международным агентством по атомной энергии (МАГАТЭ). Гарантиями являются: обнаружение запрещенной Договором деятельности, контроль деятельности в сфере атомной энергетики, формирование оценок и заключений об использовании ядерных материалов в мирных целях. С целью обеспечения указанных гарантий в 1997 году был разработан Дополнительный протокол к соглашению с МАГАТЭ, который подписали 135 государств и в более ста из них он вступил в силу. Гарантии предоставляются на основании заключенных с МАГАТЭ Соглашений о всеобъемлющих гарантиях.

Не смотря на достаточно сложное, конфронтационное состояние международной среды, международное сообщество, в большинстве своем, руководствуясь принципами открытости в международной среде по вопросам реализации режима нераспространения ядерного оружия, демонстрирует приверженность принципам мирного использования атомной энергетики. С 2009 по 2019 годы уже 89 стран, имея соглашения с МАГАТЭ, подтвердили свое мирное использование атомной энергии.

Режим нераспространения ядерного оружия реализуется в международной среде также и в соответствии с установлением зон, свободных от ядерного оружия.

К настоящему времени таких зон сформировано шесть: Латинская Америка и Карибский бассейн (Договор Тлателолко 1967 г. — 33 государства участника), южная часть Тихого океана (Договор Раротонга 1985 г. — 13 региональных участников), Юго-Восточная Азия (Бангкокский договор 1995 г. с участием 10 стран региона), Африка (Договор Пелиндаба 1996 г. — 53 африканских государства), Центральная Азия (Семипалатинский договор 2006 г. — 7 государств региона), Антарктида (Вашингтонский договор 1959 г. — 46 государств)¹.

Как показывает практика обеспечения международной безопасности сегодняшнего дня, такой подход международного сообщества, как создание зон, свободных от ядерного оружия, укрепляет мир и повышает

---

¹ Политические проблемы международных отношений: учебное пособие / отв. ред. Т.В. Каширина, К.А. Феофанов. М.: Проспект, 2019. С. 197.

безопасность на глобальном и особенно на региональном уровне. Да и сам факт более чем 75-летнего существования такого вида вооружения, как ядерное, и отношение к нему международного сообщества за это время, свидетельствует о разноплановости подходов к его использованию в качестве элемента обеспечения международной безопасности.

Как политическую меру в указанной сфере следует упомянуть резолюцию СБ ООН 1887 от 24 сентября 2009 года, определившую ограничительные меры физической безопасности ядерных материалов. Мероприятия практической направленности по реализации этого решения СБ можно проследить в Глобальной инициативе, участниками которой стали 86 государств¹.

Режим контроля за ракетными технологиями (РКРТ) был создан в 1987 году и является неформальным добровольным объединением стран, разделяющих общую цель — предотвращение распространения ракет и беспилотных летательных аппаратов, пригодных для доставки ОМУ. В рамках РКРТ вырабатываются добровольно применяемые на национальном уровне стандарты экспортного контроля за ракетными системами и технологиями.

В 2019 году Режим объединяет 35 стран и остается наиболее эффективным инструментом в сфере ракетного нераспространения. Российская Федерация присоединилась к РКРТ в 1995 г.

Документальной базой функционирования РКРТ являются Руководящие принципы передач ракет и ракетных технологий и Техническое приложение (список контролируемых товаров). В рамках этого режима сформированы нормы по контролю за перемещением товаров и технологий. Товары, подлежащие контролю, разделены на 2 категории: Категория I — средства доставки с дальностью полета от 300 км и полезной нагрузкой от 500 кг; Категория II — менее опасные с точки зрения ракетного распространения, в т.ч. товары и технологии двойного назначения. В отношении передачи предметов Категории I действует презумпция «отказа как правило». Тем не менее, все решения о поставках принимаются на национальном уровне.

Российская позиция по вопросу нераспространения ракетных технологий остается неизменной и обозначена Министерством иностранных

---

¹ Политические проблемы международных отношений: учебное пособие / отв. ред. Т.В. Каширина, К.А. Феофанов. М.: Проспект, 2019. С. 198.

дел Российской Федерации. В ходе последнего пленарного заседания РКРТ в Дублине в октябре 2017 г. российская делегация продолжила линию на дальнейшее повышение эффективности Режима, его адаптацию к новым вызовам и угрозам. Появление ракетных технологий (как представляется ниоткуда) у КНДР свидетельствует о невыполнении странами, не входящими в указанный режим, его требований. К этому их подталкивает, в том числе, и в целом тяжелая экономическая ситуация, как, к примеру, и в ракетной отрасли на Украине.

Международная безопасность в контексте запрещения ядерного оружия

Сегодняшний мир очень нестабилен и противоречив. Нормы международного права перестали быть для большинства участников международного взаимодействия неукоснительными правилами поведения. Предсказуемость поведения большинства акторов системы современных международных отношений снижается и близка к минимальным значениям, а по вопросам ядерного оружия, — особенно. У мирового сообщества «ядерная прививка» 1945 года, вероятно, закончилась, когда ядерное оружие начинает рассматриваться в ряду с другими видами вооружения, как одно из таковых.

Проблемы в сфере ограничения и сокращения ядерного оружия обозначены в следующем виде. Снижением количественного порога ядерных вооружений до нынешнего дня в современной международной среде занимались только США и Российская Федерация. И при этом, их договоренности не учитывали возможности иных участников «ядерного клуба». Страны, обладающие ядерным оружием, используют различные подходы и взгляды на стратегическое использование ядерного оружия в международных отношениях. Для одних — это ресурс в региональном политическом урегулировании конфронтационных противоречий. А для других — это средство давления для достижения своих национальных интересов. Налицо асимметрия в силовом балансе — его нарушении, которая ведет к еще большей конфронтационности международного взаимодействия. По совокупным открытым данным Министерства иностранных дел России, Министерства обороны РФ и Стокгольмского международного института мира (SIPRI) современная система международных отношений «терпит» в структуре своей безопасности 9 акторов,

имеющих в составе своей силовой составляющей ядерное оружие. Количество ядерных боезарядов различной мощности у них таково: Россия — 7260, США — 7000, Франция — 300, Китай — 260, Великобритания — 215, Пакистан — 130, Индия — 120, Израиль — 80, КНДР — 10. При этом, в постоянной готовности к применению в любой момент времени, указанный или определенный высшим политическим руководством стран, находятся значительные арсеналы ядерных зарядов на различных носителях. Немедленно готовых к стратегическому использованию в РФ — 1444 на 527 носителях, в США — 1393 боезаряда на 660 носителях. Франция имеет 280 ядерных боезаряда, готовых к немедленному использованию в боевой операции, Великобритания — 120¹. Время готовности к применению указанного количества стратегических ядерных средств исчисляется практически временем принятия решения высшего политического руководства указанных государств.

Российский ядерный арсенал является одним из наиболее высокотехнологичных в мире и находится на вооружении трех оставляющих СЯС РФ: РВСН, ПЛАРБ, СА.

По состоянию на 2018 год в *Ракетных войсках стратегического назначения* находилось 286 пусковых установок ракетных комплексов межконтинентальных баллистических ракет МБР способных нести около 1000 боевых блоков. В том числе на боевом дежурстве РВСН: 46 тяжёлых ракет Р-36М2 (SS-18, Satan), 30 ракет УР-100Н УТТХ (SS-19), 63 подвижных грунтовых комплекса РТ-2ПМ «Тополь» (SS-25), 60 комплексов РТ-2ПМ2 «Тополь-М» шахтного базирования (SS-27), 18 мобильных комплексов РТ-2ПМ2 «Тополь-М» (SS-27), 90 мобильных комплекса РС-24 «Ярс» и 20 РС-24 «Ярс» шахтного базирования.

По состоянию на 5 ноября 2018 года на вооружении *Военно-Морского Флота России* находилось 11 атомных подводных лодок с баллистическими ракетами ПЛАРБ со 180 пусковыми установками, способных нести до 864 боевых блоков, из них боевое дежурство несут 9 ПЛАРБ со 144 носителями. Основу морских стратегических сил России составляют 6 ракетоносцев проекта 667БДРМ «Дельфин» (Delta IV), оснащенных 96 (16х6) пусковыми установками (ПУ) с баллистическим

---

¹ Открытые данные Министерства иностранных дел России, Министерства обороны РФ и Стокгольмского международного института мира (SIPRI) по состоянию на ноябрь 2018 г. (собраны авторами).

ракетами подводных лодок (БРПЛ) Р-29РМУ2 «Синева», (SS-23) и их модификацией Р-29РМУ2.1 «Лайнер». В строю остается 1 подводная лодка проекта 667БДР «Кальмар», (Delta III), оснащенная 16 ПУ ракет Р-29Р. Данная лодка прошла ремонт и модернизацию в 2011–2016 годах и вернулась в строй в феврале 2017 года. Также на боевую вахту заступили 3 подводные лодки проекта 955А «Борей», оснащенных 48 (16х3) ПУ со стратегическими ракетами Р-30 «Булава». Последний тяжелый ракетноносец проекта 941 «Акула» (Typhoon) переделан под испытания ракет Р-30 «Булава». Всего на ПЛАРБ размещено более 700 ядерных боевых блоков.

Стратегическая авиация ВКС России имеет 76 носителей, из них: 60 Ту-95МС6/МС16 — 300 крылатых ракет, 16 Ту-160 — 192 крылатые ракеты.¹

Из приведенных данных видно, что основной составляющей СЯС РФ продолжает оставаться ее наземная видовая часть — самостоятельный род войск — Ракетные войска стратегического назначения, выполняющие в соответствии в планами стратегического ядерного сдерживания потенциальных противников более 60% задач. Попытки США, в ходе переговорного процесса, представленного в предыдущей главе, подтолкнуть нашу страну к изменению структуры СЯС и тем самым вовлечь Россию в новую гонку вооружения, натолкнулись на нашу твердую позицию сохранения континентальности наших СЯС.

Все составляющие стратегических ядерных сил России находятся в состоянии постоянной модернизации с повышением тактико-технических и боевых возможностей имеющегося у них ядерного вооружения и его носителей. Модернизационные программы определены и в посланиях Президента РФ 2018 и 2019 годов и решениями Совета Безопасности и Правительства России. Эти программы имеют приоритетное значение в реализации для обеспечения национальной безопасности Российской Федерации.

Следующей проблемой в ядерной сфере, является отсутствие режима запрещения и не вполне определенного режима ограничения ядерного оружия (субъективный подход). Попытка мирового сообщества кардинально решить проблему ядерного оружия как фактора международных отношений и фактора выживания человечества как такового,

---

¹ Составлено авторами по данным официальных сайтов МО РФ, МИД РФ и SIPRI.

была предпринята при разработке Договора о запрещении ядерного оружия. Он был принят 7 июля 2017 года в штаб-квартире ООН в Нью-Йорке, открыт для подписания 20 сентября. Договор вступит в законную силу после того, как его ратифицируют 50 государств.

Работа по подготовке договора велась с 2010 по 2017 год. Принимали участие в работе над договором представители 124 стран из 193 стран-членов ООН.

Договор поддержали 122 государства, Нидерланды проголосовали против и Сингапур воздержался. Не принимали никакого участия в работе Конференции по договору о запрещении ЯО: все 9 стран «ядерного клуба»: США, Россия, КНР, Великобритания, Франция, Индия, Пакистан, КНДР, Израиль.

Российская Федерация, определяя свою позицию в отношении запрещения ядерного оружия Россия выступает против выработки Договора о запрещении ядерного оружия в полном объеме, заключает, что инициатива не способствует ядерному разоружению, а подрывает нормы Договора о нераспространении ЯО.

«Считаем ошибкой выработку Договора о запрещении ядерного оружия. Эта инициатива не способствует ядерному разоружению, подрывает ДНЯО и провоцирует нарастание противоречий между его участниками»¹, — цитирует МИД РФ выступление российской делегации на сессии подготовительного комитета Конференции 2020 года по рассмотрению действия ДНЯО в Нью-Йорке.

Да, наша страна, в целом, соглашается с необходимостью ограничения и сокращения стратегических вооружений в мире. Но считает, что этот процесс должен быть увязан с принципами равной и неделимой безопасности. И должен носить многосторонний характер.

Москва готова вести диалог о дальнейшем ядерном разоружении на основе консенсуса, однако, как отметили российские эксперты, этому процессу препятствует позиция Соединенных Штатов, которые сохраняют свой арсенал нестратегического ядерного оружия на территории европейских союзников по НАТО, и продолжают практику «совместных ядерных миссий», которая предполагает подготовку военного персонала «неядерных» стран к возможному применению американского ядерного

---

¹ URL: <https://rg.ru/2019/05/03/rossiia-vystupila-protiv-dogovora-o-zapreshchenii-adernogo-oruzhiia.html> (дата обращения 03.10.2019).

вооружения.¹ Опыт такой подготовки у американской стороны уже был в конце 50-х годов на турецкой территории при подготовке к применению ракет с ядерным снаряжением, расположенных на базе в районе Измира.

Как свидетельствует оценка современной геополитической обстановки, в которой ядерный фактор занимает важнейшее место, с начала двухтысячных годов² и в среднесрочной перспективе, — она крайне неблагоприятна для принятия далеко идущих разоруженческих соглашений в сфере ядерного оружия, к которым подталкивают Россию США. Связано это, прежде всего, с осложнением условий для продолжения сокращения СНВ в рамках действующих договоров в связи с развертыванием европейской противоракетной обороны и выходом США из Договора об ограничении систем противоракетной обороны (Договора о ПРО) 1972 года и Договора о ракетах средней и меньшей дальности (РСМД).

Денонсация Договора о ПРО и выход США из Договора о РСМД фактически усложнили реализацию концепции взаимного ядерного сдерживания, основанного на балансе стратегических сил. Поэтому успешное решение задач ядерного сдерживания и парирования новых угроз военной и национальной безопасности РФ, связанных с развертыванием США эшелонированной системы глобальной ПРО, потребовало создания принципиально новых типов ракетных комплексов стратегического назначения, обладающих уникальными боевыми возможностями, что, в свою очередь, также оказало влияние на облик Стратегических ядерных сил Российской Федерации. Кроме этого, высшим политическим руководством страны после 2 августа 2019 г. (прекращения США обязательств по договору РСМД) обозначены компенсационные и перспективные меры российской стороны, не позволяющие нарушить стратегическую стабильность на Европейском, прежде всего, континенте.

Политические последствия указанных событий являются долгоиграющими, ибо они могут быть основанием для прекращения взаимоотношений США и России в полной мере.

---

¹ Карташов И. Россия выступила против договора о запрещении ядерного оружия // Российская газета. 2019. 3 мая.

² Шаклеина Т.А. Россия и США в новом мировом порядке. Дискуссии в политико-академических сообществах России и США (1991-2002). М.: Институт США и Канады РАН. 2002. С. 114.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

За исторически непродолжительный отрезок времени с середины XX века и до конца второго десятилетия века XXI в международных отношениях сложилась парадоксальная ситуация: то, что казалось венцом, высшим проявлением военной силы, обернулось ее нарастающим бессилием. Чем больше росла ядерная мощь США и СССР (РФ), тем яснее становилось, что сфера ее рациональной применимости, не несущей угрозы национальным интересам, неуклонно снижается. В связи с крушением расчетов на сохранение доминирования Соединенных Штатов в сфере ядерного оружия и средств его доставки, общим изменением соотношения сил в мире, непрерывным совершенствованием и накоплением ядерных вооружений многие американские и отечественные ученые, политические деятели стали задумываться над правильностью, разумностью и реалистичностью силового подхода к определению политики сверхдержав в международных делах.

Эти настроения еще больше усилились, когда был сделан вывод о примерном равенстве стратегических возможностей США и СССР и разрушен фундамент американской политики с «позиции силы», исходивший из представления о превосходстве США в ядерном оружии. Потребовалось немало лет, немало попыток Вашингтона и Москвы с «позиции силы» решать проблему ограничения вооружений, немало разочарований в возможности достичь ситуации обладания «абсолютной военной силы», прежде чем руководящие политические круги США и СССР вынуждены были признать необходимость перехода от противоборства к переговорам, в том числе и по вопросам ограничения стратегических вооружений.

На рубеже XX–XXI веков на смену идеологическому противоборству двух сверхдержав пришло геополитическое соперничество крупнейших держав, при «гегемонии нового типа и растущих геополитических амбициях США»¹. При этом на смену эпохе широкомасштабных войн пришла эпоха конфликтов, локальных и крупномасштабных региональных войн. Главной особенностью международного противоборства и

---

¹ См.: Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. С. 13–14.

войн XXI века будет еще более тесное переплетение социально-политических, экономических, информационных и военных факторов¹.

Необходим постоянный поиск новых путей обеспечения военной безопасности России, сохранения сложившегося военно-стратегического равновесия на постоянно снижающемся, но достаточном для сдерживания агрессии минимальном уровне. Существенное значение приобретает исследования силовой составляющей в международном взаимодействии. Органично необходимо продолжение исследования стратегической стабильности, то есть такого состояния военно-политических отношений между государствами и коалициями государств в условиях существующего и поддерживаемого между ними военного равновесия, при котором у каждой из сторон отсутствуют как политические стремления, так и возможности его нарушения на рассматриваемом интервале времени.

Основа стратегической стабильности — военное равновесие, то есть такое состояние военной мощи государства или коалиций государств, при котором ни одна из сторон не может добиться своих военно-политических целей путем агрессии. В настоящее время повышается роль и других факторов, обеспечивающих стабильность межгосударственных отношений в многополюсном мире.

Военное равновесие определяется качественными составами стратегических наступательных и оборонительных систем сторон (стратегических наступательных сил и стратегических оборонительных сил), их боевыми возможностями и сценариями боевых действий в мировой ядерной войне. Определение показателей и критериев военного равновесия относится к наиболее сложным и трудно формализуемым этапам исследования стабильности.

Понятие «стратегическая стабильность», введенное в период «холодной войны» и закрепленное в совместном заявлении СССР и США от 1 июня 1990 г., означало такое соотношение стратегических сил, при котором отсутствуют стимулы для нанесения первого удара (прил. 6)². На практике стратегическая стабильность времен «холодной войны» сводилась к уникальной модели советско-американских отношений, получившей название «взаимное гарантированное уничтожение».

---

¹ См.: Гареев М.А. Характер войн будущего // Стратегическая стабильность. 1999. № 1. С. 2-12.

² URL: http://www.organic-s.ru/mi_znaem/kodeksi26418.html (дата обращения: 12.02.2016 г.).

Эта модель стратегической стабильности была характерна для биполярной системы международных отношений, в основу которой было положено столкновение интересов двух полюсов, антагонистических общественно-экономических систем. Стратегия каждой была нацеленная на достижение конечной цели войны, заключалась в уничтожении противоположной стороны. Наличие у обеих сверхдержав мощнейшего потенциала ядерного оружия позволяло достичь этой цели в кратчайшие сроки. В случае ядерной войны оба государства обладали возможностью нанесения противнику неприемлемого ущерба. Как следствие, взаимное советско-американское сдерживание ядерной войны легло в основу стратегической стабильности биполярного мира.

Следует согласиться с мнением экспертов, которые утверждают, что «в начале XXI столетия военно-стратегический баланс не ограничивается только стратегическими ядерными силами, а включает новые компоненты. Сегодня поражение широкого спектра военных и экономических целей, разрушение системы политического и военного управления становится возможным не только с помощью ядерного оружия. Появились неядерные стратегические средства, разрушительная мощь которых все больше приближается к возможностям ядерного оружия»¹.

В экспертном сообществе к новым факторам относят:

- тактическое ядерное оружие.
- высокоточные вооружения большой дальности и беспилотные летательные аппараты.
- средства противоракетной обороны.
- космические вооружения.
- кибероружие.

Именно поэтому Президент России, выступая 10 февраля 2007 года перед участниками Международной конференции по политике безопасности в Мюнхене, подверг критике планы развёртывания элементов системы глобальной ПРО США в Восточной Европе, указав, что это может привести к очередному витку гонки вооружений. Как следствие, глава РФ 13 июля 2007 года подписал Указ «О приостановлении Российской Федерацией действия Договора об обычных вооружённых силах в Европе и связанных с ним международных договоров».

---

¹ URL: http://www.organic-s.ru/mi_znaem/kodeksi26418.html (дата обращения: 12.02.2016 г.).

России исторически и сегодня стремится в своей внешней политике к цивилизованному решению глобальных и региональных проблем.

Одним из приоритетных направлений во внешней политике России считается обеспечение национальной безопасности страны на многосторонней и двусторонней основе сотрудничества с государствами-партнерами. Сущность такого подхода установлена концепцией внешней политики Российской Федерации¹ и стратегией национальной безопасности РФ до 2020 года². Данное положение подтверждено и в Военной доктрине Российской Федерации, в которой отмечено, что основными приоритетами военно-политического сотрудничества России являются консолидация усилий и создание коллективных сил в интересах обеспечения коллективной безопасности и совместной обороны, а также осуществление миротворческой деятельности с государствами-участниками ООН, другими международными, в том числе региональными, организациями — вовлечение представителей Вооруженных Сил и других войск в руководство миротворческими операциями, в процесс планирования и выполнения мероприятий по подготовке операций по поддержанию мира, а также участие в разработке, согласовании и реализации международных соглашений в области контроля над вооружениями и укрепления военной безопасности, расширение участия подразделений и военнослужащих Вооруженных Сил и других войск в операциях по поддержанию мира.

---

¹ Концепции внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 30.11.2016 г. № 640.

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. № 683 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Режим доступа: <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (сайт Совета Безопасности РФ. 15.05.2016; Система ГАРАНТ: <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4KaRukP9L>; Собрание законодательства Российской Федерации, 2015).

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Сводная таблица военных планов Пентагона против СССР¹

Название плана	Дата	Содержание и целевое назначение	Запас	Примечание
<i>Период «массированного упреждающего удара» (1945-1960 гг.)</i>				
Документ ОКР ² 329/1 «Стратегическая уязвимость СССР от ограниченного воздушного удара»	Декабрь 1945 г.	Применение 20-30 ЯАБ по городам СССР	2	Возможно нанесение внезапного удара
«Пинчер» («Клещи»)	Июнь 1946 г.	Применение 50 ЯАБ по 20 городам СССР	9	СССР сломлен, Европа опустошена
«Бройлер» («Жаркий день»)	Март 1948 г.	Применение 34 ЯАБ по 24 городам СССР	35	Упреждающий удар в период Берлинского кризиса
«Бушвэкер» («Партизан»)	1948 г.		50	Предполагаемое ядерное нападение в 1952 г.
«Фролик» («Шалость»)	Май 1948 г.	Применение 50 ЯАБ по 20 городам СССР	50	Предполагаемое ядерное нападение в 1952 г.
«Сиззл» («Испепеляющий жар»)	Декабрь 1948 г.	Применение 143 ЯАБ по 70 городам СССР	150	Предполагаемое ядерное нападение в 1952 г.

¹ См.: Каку М., Аксельрод Д. США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона: Пер. с англ. М., 1988. С. 11-13.

² ОКР — Объединенный Комитет по разведке (*прим. авторов*).

Название плана	Дата	Содержание и целевое назначение	Запас	Примечание
«Троян» («Троянец»)	Январь 1949 г.	Применение 143 ЯАБ по 70 городам СССР	150	Предполагалось ядерное нападение в 1952 г.
«Шейкадун» («Встряска»)	Октябрь 1949 г.	Применение 220 ЯАБ по 104 городам СССР	250	Предполагалось ядерное нападение в 1952 г.
«Дропшот» («Моментальный удар»)	Декабрь 1949 г.	Применение 300 ЯАБ по 200 городам СССР	250	Предполагалось ядерное нападение в 1957 г. Расчет на возможную победу в войне
Военный план САК ВВС	1950 г.	Удар по 300 целям на территории СССР	450	Расчет на возможную победу в войне с ограниченным ущербом для континентальной части США
Военный план САК ВВС	1954 г.	Для осуществления удара было запланировано применение 735 бомбардировщиков	1 750	СССР уничтожен. США нанесен непоправимый ущерб
Военный план САК ВВС	1956 г.	Удар по 2927 целям на территории СССР	3 550	СССР и США полностью уничтожены
Военный план САК ВВС	1957 г.	Удар по 3261 цели на территории СССР	5 450	СССР и США полностью уничтожены
<i>Период «взаимного гарантированного уничтожения» (1960-1974 гг.)</i>				
СИОП-62	Декабрь 1960 г.	Удар по 3423 целям	18 500	СССР и США полностью уничтожены
СИОП-63	1962 г.		26 500	Предполагалось ведение длительных боевых действий

Название плана	Дата	Содержание и целевое назначение	Запас	Примечание
<i>Период «противосилового удара» (1974 — конец 80-х годов)</i>				
СИОП-5	1874 г.	Нанесение ядерного удара по 25 000 целей	29 000	Предполагалось ведение боевых действий
СИОП-5Д	1980 г.	Нанесение ядерного удара по 40 000 целей	25 000	Предполагалось ведение боевых действий
СИОП-6	1982 г.	Нанесение ядерного удара более чем по 40 000 целей	Около 25 000	Предполагалось ведение боевых действий
СИОП-7	1989 г.	Данных нет		

Этапы эволюции американской военной стратегии во второй половине XX в.

1945-53 гг.	1953-59 гг.	1960-е годы	1970-е годы	1980-е начало 1990-х гг.
<i>Национальная военная стратегия США</i>				
«Сбалансированных ВС»	«Массированного возмездия»	«Гибкого реагирования»	«Реалистического устрашения»	«Прямого противоборства»
<i>Стратегические концепции национальной военной стратегии</i>				
«Превентивного удара». «Сбалансированных сил»	«Превентивного удара». «Передовой обороны»	«Гарантированного взаимного уничтожения»; «Двух с половиной войн»	«Оборонной достаточности»; «Полутора войн»	«Активного противоборства»
<i>Основные направления эволюции</i>				
<ol style="list-style-type: none"> 1. Создание воздушно-ядерной мощи 2. Количественное наращивание носителей и ЯБЗ 3. Развитие концептуальной базы СЯС 4. Развитие СЯС в условиях соблюдения Договора по ПРО 1972 года 5. Создание РГЧ ИН, оснащение БР средствами КСП 6. Количественное наращивание БГ, при фиксированном уровне носителей 7. Корректировка приоритетности задач в планах стратегического применения СЯС 8. Оптимизация структуры и численного состава СЯС 9. Разработка и внедрение новых форм и способов применения СЯС 10. Совершенствование систем боевого управления и командно-оперативной связи 11. Возрастание роли СЯС в обеспечении военной безопасности США. 12. Направленная деятельности американских органов и командования по обоснованию роли и места СЯС 				
Формирование основной роли воздушно-ядерной мощи	Признание возрастания роли СЯС	Закрепление возрастания роли СЯС	Признание ведущей роли СЯС	Закрепление ведущей роли СЯС в планах

¹ Составлено авторами по материалам исследования.

**Совместное заявление относительно будущих переговоров
по ядерным и космическим вооружениям
и дальнейшему укреплению стратегической стабильности¹**

Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки, основываясь на результатах ведущихся переговоров, соглашаются проводить новые переговоры по стратегическим наступательным вооружениям и по взаимосвязи между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями.

Цель этих переговоров будет состоять в том, чтобы еще более уменьшить опасность возникновения войны, особенно ядерной войны, обеспечить стратегическую стабильность, транспарентность и предсказуемость посредством дальнейших стабилизирующих сокращений стратегических арсеналов обеих стран. Это будет достигнуто путем поиска договоренностей, повышающих выживаемость, устраняющих стимулы для нанесения первого ядерного удара и воплощающих соответствующую взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными средствами.

Для достижения этих целей стороны договорились о нижеследующем:

Первое. В этом году стороны завершат работу над договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки о сокращении и ограничении стратегических наступательных вооружений. После подписания договора стороны незамедлительно проведут консультации относительно будущих переговоров, и эти важные переговоры начнутся в скорейшие практически возможные сроки. Обе стороны будут вправе поднимать на этих будущих переговорах любые вопросы, касающиеся любых стратегических наступательных вооружений.

В рамках существующей структуры переговоров по ядерным и космическим вооружениям в Женеве стороны незамедлительно продолжат переговоры по ПРО и космосу.

Таким образом, в ходе будущих переговоров стороны будут обсуждать представляющие для них интерес вопросы стратегической стабиль-

---

¹ http://www.organic-s.ru/mi_znaem/kodeksi26418.html

ности, включая взаимосвязь между стратегическими наступательными и оборонительными вооружениями, принимая во внимание стабилизирующие сокращения стратегических наступательных вооружений и создание новых технологий. Стороны будут вести дело к решению важной задачи скорейшего достижения результатов на этих переговорах.

Второе. Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки, как и в случае подготавливаемого договора по СНВ, будут на новых переговорах добиваться сокращения своих стратегических наступательных вооружений таким образом, чтобы это соответствовало задаче повышения стратегической стабильности. Обе стороны соглашаются делать упор в ходе этих новых переговоров на устранение стимулов для нанесения первого удара, на уменьшение концентрации боезарядов на стратегических носителях и на оказание предпочтения средствам, обладающим повышенной выживаемостью.

В частности, стороны будут вести поиск мер, которые уменьшат концентрацию боезарядов на стратегических носителях в целом, включая меры, относящиеся к вопросам тяжелых МБР и МБР с РГЧ ИН.

Эффективный контроль будет обеспечиваться национальными техническими средствами, мерами на основе сотрудничества и инспекциями на местах.

Третье. Согласившись с необходимостью обеспечить предсказуемость стратегического отношения между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки, стороны будут в течение всего периода действия договора по СНВ обмениваться в начале каждого календарного года информацией о планируемых изменениях количеств стратегических наступательных вооружений по состоянию на конец текущего года.

Четвертое. Стороны будут стремиться к принятию дополнительных мер по укреплению доверия и обеспечению предсказуемости в военной деятельности Союза Советских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки, уменьшающих возможность возникновения ядерной войны в результате случайности, просчета, терроризма или неожиданного технологического прорыва и предотвращающих возможность возникновения инцидентов между ними.

Пятое. Стороны полагают, что уменьшение опасности возникновения ядерной войны является ответственностью не только Союза Совет-

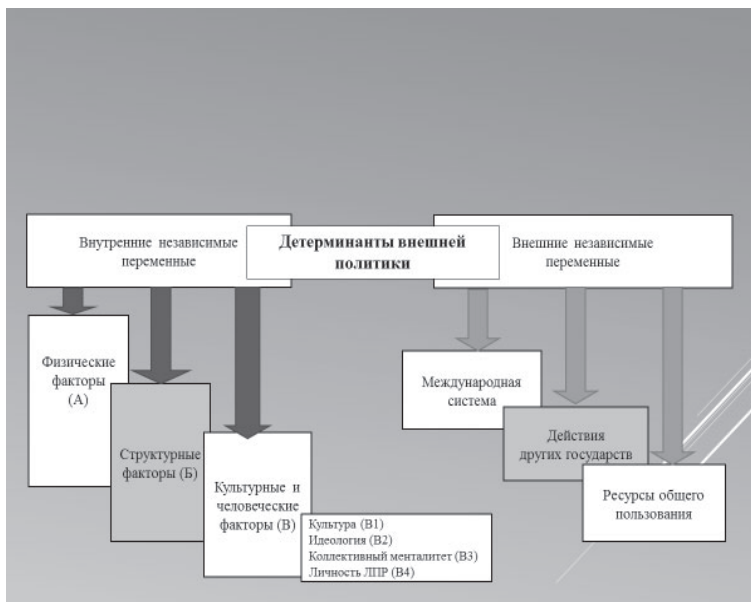
ских Социалистических Республик и Соединенных Штатов Америки и что другие государства также должны внести свой вклад в достижение этой цели, в частности в области нераспространения ядерного оружия. Они призывают все государства рассмотреть новые возможности для участия в общих усилиях человечества, направленных на устранение во всем мире опасности возникновения ядерной войны.

Учитывая вышеизложенное, Союз Советских Социалистических Республик и Соединенные Штаты Америки будут придавать этим будущим переговорам первостепенное значение с тем, чтобы как можно скорее получить отдачу от укрепления стабильности.

г. Вашингтон
1 июня 1990 г.

Ядерное оружие как независимая переменная при проведении исследования международной ситуации

Внутренние независимые факторы (вариант)

Физические факторы

А.1 — Географическое положение, его достоинства и преимущества, А.2 — Природные ресурсы, А.3 — Демографическая ситуация (мощь).

Структурные факторы

Б.1 — Политические институты, Б.2 — Экономические институты (потенциал экономики, с/х, **военная мощь — наличие и возможности (характеристики) ядерного оружия**), Б.3 — Способность использования физической и социальной среды; технологические, экономический

и человеческий потенциал, Б.4 — Политические партии, Б.5 — Группы давления, Б.6 — Этнические группы, Б.7 — Конфессиональные группы, Б.8 — Языковые группы, Б.9 — Социальная мобильность, Б.10 — Территориальная структура: доля городского и сельского населения, Б.11 — Уровень национального согласия.

Культурные и человеческие факторы

В.1 (Культура): В.1.1 Система ценностей; В.1.2 Язык; В.1.3 Религия
В.2 (Идеология): В.2.1 Самооценка властью своей роли; В.2.2 Ее самовосприятие; В.2.3 Ее восприятие мира; В.2.4 Основные средства давления

В.3 (Коллективный менталитет): В.3.1 Историческая память; В.3.2 Образ «другого»; В.3.3 Линия поведения в области международных обязательств; В.3.4 Особая чувствительность к проблеме национальной безопасности; В.3.5 Мессианские традиции

В.4 Качества ЛПР (лиц, принимающих решения): В.4.1 Восприятие своего окружения; В.4.2 Восприятие мира; В.4.3 Физические качества; В.4.4 Моральные качества .

Внешние независимые факторы (вариант)

Международная система

Г.1 — Стабильное (нестабильное) равновесное (однонаправленное) состояние, Г.2 — Влияние региональных акторов, Г.3 — Определенность (неопределенность) интересов политических акторов.

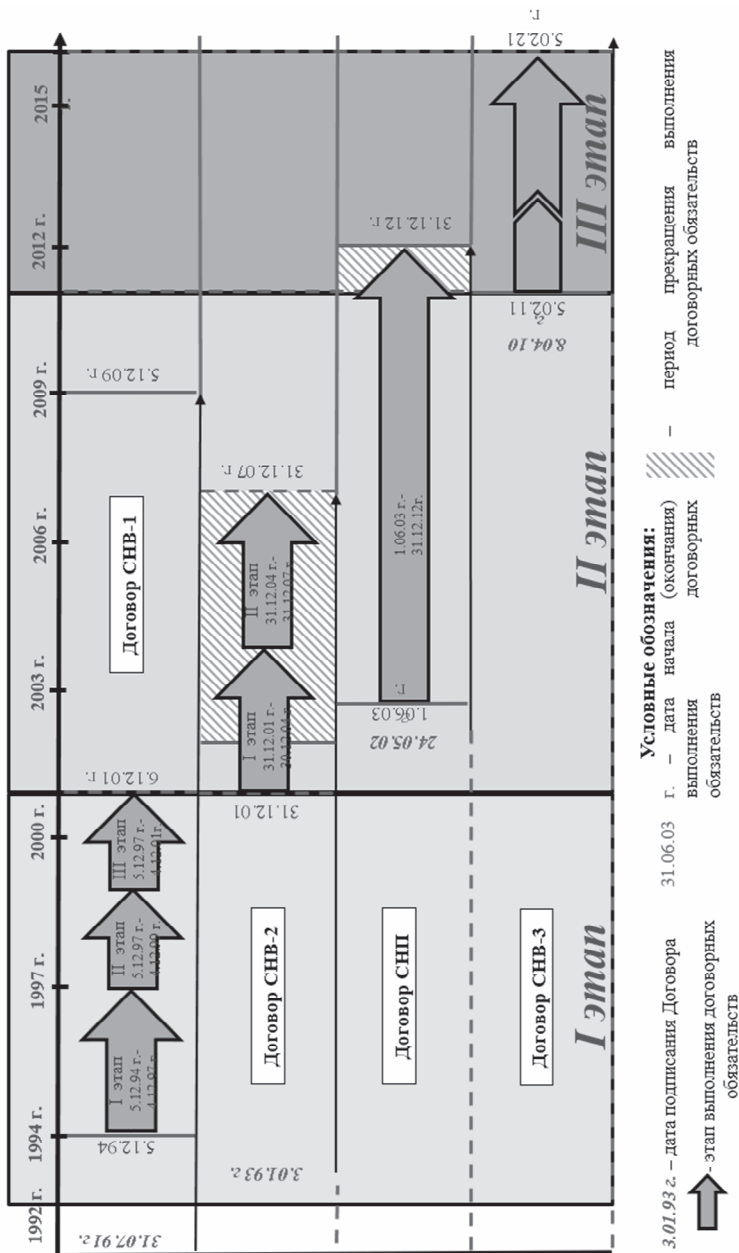
Действия других государств

Д.1 — Мирлюбивые (конфронтационные), Д.2 — Присутствие (отсутствие) экономического влияния, Д.3 — Способность использования физической и социальной среды: технологический, экономический, **военный (ядерное оружие и его возможности)** и человеческий потенциал, Д.4 — Международные связи и международное сотрудничество, Д.5 — Уровень согласия союзов (блоков) государств.

Ресурсы общего пользования

Е.1 — Решения ООН, Е.2 — Международное право, Е.3 — Международные соглашения и договоры.

Периодизация и содержание этапов сокращения стратегических ядерных вооружений СССР (РФ) и США с 1991 по 2021 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

Архивные источники

1. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1, п. 241, л. 86.
2. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1, п. 241, л. 89.
3. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 31, пор. 1. 2, п. 132, л. 96.
4. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 32, пор. 11, п. 205, л. 83.
5. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 32, пор. 2, п. 132, л. 2.
6. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 33, пор. 12, п. 218, л. 93.
7. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 33, пор. 42, п. 121. л. 27.
8. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 34, пор. 21, п. 227, л. 54.
9. АВП РФ. Ф. 0129, оп. 34, пор. 37, п. 243, л. 17.
10. АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 121, л. 32.
11. АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 127, л. 53.
12. АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 12732, л. 66.
13. АВП РФ. Ф. 069, оп. 35, пор. 1, п. 12732, л. 72.
14. АВП РФ. Ф. 069, оп. 82, пор. 29, л. 84.
15. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 641, л. 103.
16. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 1541, л. 247.
17. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 408, л. 213.
18. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 128, д. 641, л. 109.
19. РЦХИДНИ. Ф. 17, оп. 161, Т. 1, д. 248, л. 81.
20. ЦХСД. Ф. 10, оп. 176683, д. 33, л. 212.
21. ЦХСД. Ф. 5, оп. 0.64, д. 5, л. 71-73.
22. ЦХСД. Ф. 5, оп. 60, д. 315. л. 201-202.

Монографии, мемуары, отчеты

23. XXVII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 25 февр.— 6 марта 1986 г. Стенографический отчет в 3 т. М.: Политиздат, 1986. Т. 2. 320 с.
24. Абаренков В.П., Красулин Б.П. Разоружение. Справочник. М.: Международные отношения, 1988. 336 с.

25. Актуальные проблемы национальной безопасности России на современном этапе / Информационно-аналитическое управление Аппарата Совета Федерации ФС РФ, 2000. 47 с.

26. Александров В.В. На пути к безопасному миру (Поэтапная ликвидация ядерного оружия). М.: Знание, 1991. 64 с.

27. Алексеев Р.Ф. Милитаризм США: военная машина, блоки, базы и акты агрессии. Справочник. М.: Политиздат, 1985. 365 с.

28. Анин Д. Международные монополии и мир. М.: Политиздат, 1948. С. 87.

29. Ануриев И.И. Оружие ПРО и противокосмической обороны. М.: Воениздат, 1971. 303 с.

30. Арбатов А.Г. Безопасность в ядерный век и политика Вашингтона. М., 1980.

31. Арбатов А.Г. Военно-стратегический паритет и политика США. М.: Политиздат, 1984. 244 с.

32. Ахромеев С.Ф., Корниенко Г.М. Глазами маршала и дипломата. М.: Международные отношения, 1992. С. 79, 81, 100.

33. Барышев А.П. Современная стратегия США и НАТО (в контексте проблем национальной безопасности России). М.: ОГИ, 2011. С. 71.

34. Баталов Э.Я., Малащенко И.Е., Мельвиль А.Ю. Идеологическая стратегия США на мировой арене. М.: Международные отношения, 1985. 230 с.

35. Белоус В. С. США: ядерные когти «ястребов». М.: Воениздат, 1986. 240 с.

36. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М.: Международные отношения, 1999. С. 13-14.

37. Бжезинский З. Вне контроля. (Глобальный беспорядок накануне XXI века). М., 2002. С. 156-157.

38. Бжезинский З. Еще один шанс. Три президента и кризис американской сверхдержавы: Пер. с англ. М.: Международные отношения, 2010. С. 17.

39. Богданов Р.Г. США: военная машина и политика Вашингтона. М.: Политиздат, 1983.

40. Богданов Р.Г. У опасной черты. М.: Московский рабочий, 1986. 125 с.

41. Велихов Е., Какошин А. Ядерное оружие и дилеммы международной безопасности // МЭ и МО. 1985. № 54. С. 34.

42. Владимир Путин: Об угрозах России и задачах по укреплению ее обороноспособности // Оружие России, 2014. 25 дек. URL: http://www.arms-expo.ru/analytics/politics_and_society/vladimir-putin-ob-ugrozakh-rossii-i-zadachakh-po-ukrepleniyu-ee-oboronosposobnosti/ (дата обращения: 25.12.2014).

43. Военная доктрина Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации № 706 от 21 апреля 2000 г. URL: <http://www.scrf.gov.ru/documents/33.html> (сайт Совета безопасности РФ).

44. Военная энциклопедия. М.: Воениздат, 1994. Т. 2. С. 184.

45. Военно-политическое обозрение стратегической стабильности // URL: <http://www.belvpo.com/ru/19520.html> (дата обращения: 1.09.2014).

46. Волков Е.Б. Договор СНВ-2 и военно-стратегическое равновесие. М.: ГШ РВСН ЦИПК, 1994.

47. Волкова Е.А. Вашингтон и Восточная Европа: внешнеполитическая стратегия США в отношении европейских социалистических государств в 70-х гг. М.: Наука, 1984. 320 с.

48. Всемирная история: в 12 томах. М.: Мысль, 1977. Т. 11. С. 453.

49. Выступление Президента России В.В. Путина и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 г. URL: <http://www.president.kremlin.ru/text/appears/2007/02/118109.shtml> (дата обращения: 2.07.2015).

50. Галимов А.Х., Юрин В.Н. История создания и развития отечественного ракетного оружия и Ракетных войск. М.: МО СССР, 1988. С. 85.

51. Геополитика и национальная безопасность. Словарь основных понятий и определений / Под общ. ред. В.Л. Манилова. М.: РАЕН, 1998. С. 17-18.

52. Голубев О.В., Каменский Ю.А., Минасян М.Г., Пупков Б.Д. Российская система ПРО: прошлое и настоящее — взгляд изнутри. М.: Техноконсалт, 1994. С. 68.

53. Горбачев М.С. в Нью-Йорке 6-8 декабря 1988 г.: документы и материалы. М.: Политиздат, 1988. 31 с.

54. Горбачев М.С. Жизнь и реформы. М.: Новости, 1995. Кн. 2.

55. Горбачев М.С. Перестройка и новое мышление для нашей страны и для всего мира. М., 1987.

56. Гоудсмит С. Миссия «АЛСОТ» / Пер. с англ. В.Н. Дуриева. М.: ГИЛ, 1962. С. 180-189.

57. Грайкер Б., Штатгунс К. На пути к третьей мировой войне. М.: Прогресс, 1983.

58. Громыко А.А. Внешняя политика США: уроки и действительность в 60-70-е годы. М.: Международные отношения, 1978. 302 с.

59. Декларация глав государств и правительств стран-членов НАТО и РФ от 28 мая 2002 г. СИМО в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 4. Документы. 1945-2003. / Сост. Е.Г. Капустян и др. М., 2004. С. 565-569.

60. Добрынин А. Сугубо доверительно. М.: Автор, 1996. С. 186, 189, 190, 201-202, 206.

61. Договор между РФ и США о сокращении стратегических наступательных потенциалов. Москва. 24 мая 2002 г. /СИМО. Т.4. С.564-565.

62. Договор СНВ-2 и безопасность России // Центр геополитических и военных прогнозов. М., 1993.

63. Договор СНВ-2 и ядерная стабильность М.: Российский институт стратегических исследований. Институт США и Канады РАН, 1994. С. 92.

64. Договор СНВ-2: Нет? Да! (Научная программа «Модель демократии для России»). М.: РАУ, 1993. 41 с.

65. Доклад об активных мероприятиях и пропаганде, 1986-87 гг. Впервые издано Государственным департаментом США. 1987. Август.

66. Доклад экспертной группы МАГАТЭ «О причинах аварии ядерного реактора РБМК-1000 на электростанции «Чернобыль» 26 апреля 1986 г.». Екатеринбург: Уралюриздат, 1996.

67. Ельцин Б.Н. Послание по национальной безопасности Президента РФ Федеральному собранию. М., 1996. С. 14, 24-25.

68. Желтов А.С., Кондратков Т.Р., Хоменко Е.А. Методологические проблемы военной теории и практики. М.: Воениздат, 1969. 380 с.

69. «Звездные войны»: иллюзии и опасности. М.: Воениздат, 1985. 20 с.

70. Зарубежные страны. Политико-экономический справочник. М.: Политиздат, 1957. С. 681.

71. Зинченко А.В. Ядерная политика Франции. М.: Едиториал УРСС, 2004. 240 с.

72. Иванов И.С. Новая российская дипломатия: Десять лет внешней политики страны. М., 2002. С. 34.
73. Историко-политологический анализ. М.: ВА РВСН, 1997. С. 33-34.
74. История военной стратегии России / Под общ. редакцией В.А. Золотарева. М.: Кучково поле, Полиграфресурсы, 2000. С. 394.
75. История Второй Мировой войны / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1969. С. 541.
76. История международных отношений. М.: Международные отношения, 1964. С. 149.
77. Каку М., Аксельрод Д. Одержатъ победу в ядерной войне: секретные планы Пентагона (англ.). Бостон-Лондон, 1987. 240 с.
78. Кара-Мурза С.Г. Советская цивилизация. М., 2000. Т. 2.
79. Киссинджер Г. Дипломатия / пер. В. Львова. М.: НИЦ «ЛАДОМИР», 1997. С. 461.
80. Козырев А.В. Преображение. М., 1995. С. 226-228.
81. Кокошин А. А., Рогов С М. Серые кардиналы Белого дома. М.: Изд-во АПН, 1986. 350 с.
82. Кокошин А.А. В поисках выхода. Военно-политические аспекты международной безопасности. М.: Политиздат, 1989. 271 с.
83. Кокошин А.А., Ларионов В.В. Предотвращение войны: доктрины, концепции, перспективы. М.: Прогресс, 1990. 180 с.
84. Конституция Российской Федерации. М., 1994.
85. Концепция внешней политики Российской Федерации. — М., 2000.
86. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом РФ Д.А. Медведевым 12 июля 2008 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/news/785> (сайт Президента РФ. 15.07.2008).
87. Концепция национальной безопасности Российской Федерации. М., 2000.
88. Корниенко Г.М. «Холодная война»: Свидетельство ее участника. М.: Международные отношения, 1995. С. 138-140.
89. Кортунов А.В. Дезинтеграция Советского Союза и политика США. М., 1993. С. 22.
90. Космическое оружие: дилемма безопасности / Под общ. ред. Е.П. Велихова, Р.З. Сагдеева, А.А. Кокошина. М.: Мир, 1986. С. 13-14.

91. Краткое руководство по ВВС США, 1948 г./ Перевод с англ. М.: Воениздат, 1955. Т. 11. С. 340.

92. Латухин А.Н. Боевые управляемые ракеты. М.: Воениздат, 1978. С. 63-70.

93. Лаумулин М. Т. Центральная Азия в зарубежной политологии и мировой геополитике. Том II: Внешняя политика и стратегия США на современном этапе и Центральная Азия. Алматы: КИСИ при Президенте РК, 2006. С. 14.

94. Лысухин Н.Я. Ракетные войска стратегического назначения в системе национальной безопасности России (историко-политологический анализ). М.: ВА РВСН, 1997. С. 59.

95. Макнамара Р. Путем ошибок к катастрофе. Опыт выживания в первом веке ядерной эры. Перевод с англ. А. Аношиной. М.: Наука, 1988. 149 с.

96. Марушкин Б. И. Американская историография «холодной войны»: Проблемы альтернативы // Современная зарубежная немарксистская историография. М.: Наука, 1989. С. 419-434.

97. Матвеев О.В. История войск РКО: отечественный опыт создания противоракетной обороны (вторая половина 40-х — 90-е годы). М.: ВА РВСН, 2002. С. 79-122.

98. Матвеев О.В. История и развитие войск ракетно-космической обороны (Противоракетная оборона как фактор национальной безопасности). М.: МО. 2001. 142 с.

99. Матвеев О.В. История и развитие войск РКО: отечественный опыт создания системы ПРН:(60-90 годы). М.: ВА РВСН, 2002. С. 11–38.

100. Матвеев О.В. Отечественный опыт государственных и военных органов в создании противоракетной обороны: история и политика М.: Издатель Витюк Игорь Евгеньевич, 2015. 176 с.

101. Матвеев О.В. Противоракетная оборона в ракетно-ядерном сдерживании: история и политика. М.: ВУ. 2014. 236 с.

102. Материалы к обсуждению на рабочем совещании в Комитете по международным делам Государственной Думы РФ 10.07.95 г.

103. Мельников Ю.М. Внешнеполитические доктрины США. М., 1970.

104. Меч и щит России. Ракетно-ядерное оружие и системы противоракетной обороны. Калуга: ИА «Калуга-пресс», 2007. 620 с.

105. Мормуль Н.Г. От «Трешера» до «Курска». Петрозаводск, 2001. С. 68–69.

106. Национальная безопасность страны и военно-стратегическое равновесие // Военная мысль. 1997. Май — июнь. С. 3.

107. Национальная доктрина России (проблемы и приоритеты). М.: Российский институт стратегических исследований, ИСК РАН, 1994. 159 с.

108. Новое политическое мышление в ядерный век. Политика СССР и США: Сб. ст. на англ. яз. М.: ИСКРАН, 1990. 303 с.

109. Овинников Р.С. Зигзаги внешней политики США: от Никсона до Рейгана. М.: Политиздат, 1986. 400 с.

110. Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989. С. 137–138.

111. Орлов В.А., Тимербаев Р.М., Хлопков А.В. Проблемы ядерного нераспространения в российско-американских отношениях. М., 2001. С. 145–150.

112. Основы военной политологии / Под ред. Е.И. Рыбкина. М.: ВАД, 1991. С. 139–140.

113. Отчет «Исследование и разработка критериев и методов анализа стратегической стабильности и их применение для оценки существующих и перспективных систем, образцов вооружений и военной техники» (шифр «Равновесие-92»). ИСК РАН, 1992.

114. Пасхальный П.И. США: ядерная политика и народ. М.: ГАВС, 1992. С. 100.

115. ПВО страны (1914–1995 гг.): военно-исторический труд. Тверь: ВА ПВО, 1998. С. 244–344.

116. Пономарев В.А. Геополитика американского империализма. М.: Международные отношения, 1986. С. 83.

117. Попов Н.П. Индустрия образов. Идеологические функции средств массовой информации в США. М.: Политиздат, 1986, 144 с.

118. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. Москва. 16 мая 2003 г. // СИМО. Т. 4. С. 570–578.

119. Примаков Е.М. Годы в большой политике. М., 1999. С. 273.

120. Ракетное оружие капиталистических стран. М.: Воениздат, 1967. С. 85–89.

121. Ракетный щит Отечества / под общ. ред. Главкома РВСН генерал-полковника В.Н. Яковлева. М.: ЦИПК РВСН, 1999. 254 с.

122. Речь Путина 10 февраля 2007 г. в Мюнхене — попытка зафиксировать свои исторические заслуги. URL: [http:// www. newsru. com /world](http://www.newsru.com/world) (дата обращения: 17.02.2011).

123. Российская Ассоциация международного права. «Повышение эффективности международного права в XXI веке. Актуальные проблемы для разработки» / Подготовили: проф. О.Н. Хлестов и Д.О. Медведева. СПб., 2001. 40 с.

124. Россия: в поисках стратегии безопасности (проблемы безопасности, ограничения вооружений и миротворчество) / Отв. ред. Арбатов А.Г. М.: Наука, 1996. 271 с.

125. РФ: безопасность и военное сотрудничество. М.: «Обозреватель», 1995. С. 75.

126. Смульский С.В., Проскурин С.А. Введение в теорию международного конфликта. Учебное пособие / Под ред. Мунтяна М.А. М.: РАГС, 1996. С. 67-75.

127. Советско-американская встреча на высшем уровне, Рейкьявик, 11-12 окт. 1986 г. М.: Политиздат, 1986. 62 с.

128. Совещание Политического консультативного комитета государств-участников Варшавского Договора, Будапешт, 10-11 июня 1986 г. Документы и материалы. М.: Политиздат, 1986. 47 с.

129. Совместное заявление президента РФ В.В. Путина и президента США Дж. Буша о новых отношениях между Россией и США. 13 ноября 2001 года // СИМО. Т. 4. С. 562-563.

130. Современные международные отношения и мировая политика: Учебник / Отв. ред. А.В. Торкунов. М., 2004. С. 729.

131. Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010. С. 510.

132. Стратегия национальной безопасности США (17 сентября 2002 г.) // История США. Хрестоматия: пособие для вузов / Сост. Э.А. Иванян. М.: Дрофа, 2005. С. 394.

133. Стратегия национальной безопасности США в XXI веке. /Королев В.И. «Император вся Земли», или за кулисами «нового мирового порядка». М., 2004.

134. США в 2000 году. М.: Наука, 2001. С. 422.

135. Тейлор М. Ненадежная стратегия. М.: Воениздат, 1961. С. 43.

136. Указ Президента Российской Федерации «О Военной доктрине Российской Федерации до 2020 года» от 5 февраля 2010 г. № 146.

[Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/902197069> (дата обращения: 25.05.2016).

137. Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 г. №537 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // Российская газета. № 5535 (159) 2011. 22 июля.

138. Уткин А.И., Хвостов В.В. Дипломатия оружия. М.: Наука, 1987. С. 98.

139. Червов Н.Ф. Ядерный круговорот: что было, что будет. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001.

140. Черняев А. Совместный исход. Дневник двух эпох. 1972–1991 гг. М.: РОССПЭН, 2010. С. 695–696.

141. Шардаков В.С. Исторический опыт Советского государства по достижению и поддержанию военно-стратегического паритета между СССР и США, ОВД и НАТО (1945–1985 гг.). М.: ГАВС, 1992. С. 32–61.

Зарубежная литература и литература на иностранном языке

142. Гор А. Атака на разум: Пер. с англ. Санкт-Петербург: Амфора, 2008. С. 254, 265, 268.

143. A National Security Strategy of Engagement and Enlargement // The White House. Wash., D.C., 1995 (February). URL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения 15.09.1998).

144. Back in the USSR. Russia's Intervention in the Internal Affairs of the Former Soviet Republics and the Implications for the United States Policy toward Russia. Harvard University. — John F. Kennedy School of Government. January 1994. P. 2–3.

145. Blood Th. Madam Secretary: A Biography of Madeleine Albright. N.Y., 1999. P. 52.

146. Bush G. A Charge to Keep. Oxford University Press. N.Y., 2000. P. 95.

147. Dobbs M. Madeleine Albright: A Twentieth Century Odyssey. N.Y., 1999. P. 84.

148. Dole R. Shaping American Global Future // Foreign Policy. No. 98 (Spring 1995). P. 29–43.

149. Gibbs N. The many lives of Madeleine // Time. N.Y., 1997. Febr. 17. P. 30.

150. Kohen S. Op. cit. P. 473.
151. Maynes Ch. W. A Workable Clinton Doctrine // Foreign Policy. 1993-1994 — Winter, № 93.
152. Quadrennial Defense Review Report. Department of Defense, September 30, 2001. Pp. 4-5.
153. Rice C. Promoting National Interest // Foreign Affairs. Vol. 79. No. 1 (January-February 2000). P. 45-63.
154. Rummel E. Will Ukraine Return to Russia? // Foreign Policy. № 96. Fall. 1994. P. 130.
155. Talbott S. The Russia Hand. A Memoir of Presidential Diplomacy. N.Y.: Random House, 2002. P. 48-49.
156. Walker M. Markers of the American Century. N.Y., 2000. P. 357-359.
157. Wills G. Bully of the Free World // Foreign Affairs. Vol. 78. No. 2 (March/April 1999). P. 50-59.
158. Zoellick R. A Republican Foreign Policy // Foreign Affairs. Vol. 79. No. 1 (January-February 2000). P. 63-78.
159. Bush G.W. Decision Points. N.Y., 2010. P. 241-244.
160. Ikenberry G. America's Imperial Ambition // Foreign Affairs, September-October 2002. Pp. 44-54.
161. Mandelbarm M. The Inadequacy of American Power. // Foreign Affairs, September-October 2002. Pp. 61-70.
162. A. Summary of National Security Strategy 2002. Washington, D.C. September, 2006. URL: <https://docviewer.yandex.ru/?url=http%3A%2F%2Fwww.state.gov%2Fdocuments%2Forganization%2F64884.pdf&name=64884.pdf&lang=en&c=57f55fa24804&page=1> (дата обращения: 20.06.2016).
163. Budget of the United States Government. Fiscal Year 2001, p. 151.
164. Magazine (США). 1972. Т. 55. № 9. С. 24.
165. National Defense Strategy of the United States of America. D.C.: Department of Defense, June 2008.
166. Speech Delivered by Secretary of Defense Robert M. Gates at the National Defense University. Washington, D.C. September 29, 2008.
167. The National Security Strategy of the United States of America, September 2002. P. 1-2.
168. The National Security Strategy of the United States of America. March 16. 2006.

169. National strategy for the security of maritime areas. Premier Minister. Adopted by the inter-ministerial sea committee on 22 October 2015. URL: http://www.gouvernement.fr/sites/default/files/contenu/piece-jointe/2016/01/strategie_nationale_de_surete_des_espaces_maritimes_en_national_strategy_for_the_security_of_maritime_areas.pdf (дата обращения: 20.06.2016).

170. Гоудсмит С. Миссия «АЛСОТ» / Пер. с англ. В.Н. Дуриева. М.: ГИЛ, 1962. С. 180-189.

171. Доклад об активных мероприятиях и пропаганде, 1986-87 гг. Впервые издано Государственным департаментом США. 1987. Август.

172. История Второй Мировой войны / Пер. с англ. М.: Международные отношения, 1969. С. 541.

173. Каку М., Аксельрод Д. США: ставка на победу в ядерной войне. Секретные планы Пентагона: Пер. с англ. М., 1988. С. 44-45.

174. Каку М., Аксельрод Д. Одержатъ победу в ядерной войне: секретные планы Пентагона (англ.). Бостон-Лондон, 1987.

175. Краткое руководство по ВВС США, 1948 г.: Пер. с англ. М.: Воениздат, 1955. Т. 11. С. 340.

176. Новое политическое мышление в ядерный век. Политика СССР и США: Сб. ст. на англ. яз. М.: ИСКРАН, 1990. 303 с.

177. О возможностях современных мгновенных контрмер в ответ на американскую программу СОИ / пер. с англ. М.: ВА им. К.Е. Ворошилова, 1986. С. 2-15.

178. Смит Дж. Директива Клинтона на применение ядерного оружия США / Перевод с англ. В. Пырьева // Стратегическая стабильность. 1998. № 2. С. 101.

179. Aidred K. and Smith M. Superpowers in Post-Cold War Era. P. 122-124.

180. Hirsh M. Bush and World // Foreign Affairs, September-October 2002, p.p.18-38.

181. U.S. Department of State Dispatch. Vol. 4. No. 4 (January 25, 1993).

182. The Washington Post. 1994. December 26.

183. Foreign Affairs. September-October, 1995. P. 35.

184. The New York Times, 23.01.1996.

185. Congressional Record. January 24, 1996. 104th Congress. 2nd Session. — 142 Cong. Rec. E 80. Vol. 142. No. 9.

186. The Washington Post. 27.01.1996.

187. U.S. News and World Report. 06.03.1996.
188. «USIA Wireless File», EVR 424, 06.02.1997.
189. The Ottawa Citizen. 1999, November 26.
190. Sunday Telegraph. 2000, January 16.
191. The Wall Street Journal. 2001. September 25.
192. The Guardian. 2001. September 26.
193. The Washington Post. 2001. October 18.
194. National security strategy. Washington, D.C. May 2010.
195. President Bill Clinton, «Remembering Yeltsin» // Time. 2000. January 1.
196. International Documents Review. 1993. Vol. 4. No. 37 (October 18-22).

Журналы, периодическая печать

197. Абаренков В. П., Каламанов В. А., Кокошин А. А. Вопросы контроля и ограничение вооружений в советско-американских соглашениях // США: экономика, политика, идеология. 1986. № 2. С. 29-38.
198. Абрамов Ю. К., Антонова Л. А. Республиканцы перед выборами // США: экономика, политика, идеология, 1988. № 10. С. 32-41.
199. Алперовиц Г. Ядерное оружие и политика // США: экономика, политика, идеология. 1994. № 2. С. 26-33.
200. Арбатов А. Ядерные силы: стратегия, достаточность, состав // Независимая газета. 1994. 8 дек.
201. Арбатов Г.А. Американская внешняя политика на пороге 1970-х годов // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 32–33.
202. Арбатов Г.А. Советско-американские отношения в 70-е годы // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 5. С. 30.
203. Ахромеев С. Договор по ПРО — преграда на пути гонки стратегических вооружений // Правда. 1985. 4 июня.
204. Б. Обама. Состоялось ли радикальное обновление? // Обозреватель — Observer. 2010. № 12. С. 88.
205. Бартенев В. И. «Стратегия национальной безопасности США» 2015 года: от всеобъемлющего к селективному вовлечению и сдерживанию // Пути к миру и безопасности. 2015. № 1(48). С. 52.
206. Белоусов М.В. Система МИРВ // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 9. С. 122.

207. Бережков В.М. Политическая обстановка после выборов // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 1. С. 5.
208. Беседы М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Рейкьявике 11-12 октября 1986 г. // Мировая экономика и международные отношения. 1993. № 4, 5, 7, 8.
209. Брайчев И., Кузнецов Г. Трансформация «ядерного клуба» и стратегическая стабильность // Стратегическая стабильность. 1998. № 2. С. 17.
210. Бромлей Ю. В. Мы живем в одном доме // Известия. 1988. 23 апр.
211. Бутенко А. П., Кадочникова Т. Г. Становление социалистического общества и казарменный социализм // Вопросы философии. 1990. № 6.
212. Велихов Е., Какошин А. Ядерное оружие и дилеммы международной безопасности // МЭ и МО. 1985. № 54. С. 34.
213. Владимиров М.Г. По поводу доклада агентства по разоружению // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 7. С. 49.
214. Возможен возврат к глобальным системам ПРО // Сегодня. 1996. 23 марта.
215. Волков Е., Сокут С. Тридцатилетнее противостояние // НВО. 1999. № 49.
216. Воронин С., Воронов В., Брезкун С. Почему для России пагубна ядерная «диада» // Московские новости. 1994. 13-20 марта.
217. Вотинцев Ю.В. Неизвестные войска исчезнувшей сверхдержавы // Военно-исторический журнал. 1993. № 8. С. 54-61; 1993. № 9. С. 26-37; 1993. № 10. С. 32-42; 1993. № 11. С. 12-27;
218. Гареев М.А. Характер войн будущего // Стратегическая стабильность. 1999. № 1. С. 2-12.
219. Горбачев М. С. Реальность и гарантии безопасного мира // Правда. 1987. 17 сент.
220. Горбачев М.С. Борьба за мир и разоружение // Известия. 1987. 1 марта.
221. Громыко А.А. Меняющиеся настроения // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 4. С. 72.
222. Данбэр Локвуд, Джон Вулфстон. Развитие и распространение ядерного оружия // Специальное приложение к журналу «Мировая

экономика и международные отношения». Ежегодник СИПРИ. М.: Наука, 1993. С. 117-118.

223. Договор СНВ-2 и безопасность России // Центр геополитических и военных прогнозов. М., 1993.

224. Договор СНВ-2 и ядерная стабильность. М.: Российский институт стратегических исследований, Институт США и Канады РАН, 1994. 292 с.

225. Жуков Е.Ф. Об экономических посланиях 1973 года // США: экономика, политика, идеология. 1973. № 3. С. 81.

226. Журавлев П. Представители МО и МИДа высказались за ратификацию СНВ-2 // Сегодня. 1995. 13 мая.

227. Зимин Н. В США не ожидают скорой ратификации договора СНВ-2 // Сегодня. 1995. 18 нояб.

228. Зимин Н. Джесси Хелмс предлагает аннулировать Договор по ПРО // Сегодня. 1996. 10 февр.

229. Ивашов Л. Безопасность России или очередное отступление? // Военно-промышленный курьер. 2010. № 7 (323). 24 февр.

230. Исраэлян В. Л. Заметки к истории «холодной войны» // США: экономика, политика, идеология. 1989. № 9. С. 46-56.

231. Концепции внешней политики Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 18 февраля 2013 г. № 303 // Российская газета. 2014. 8 апр.

232. Коринов В. Партнерство ценою в две бутылки // Правда. 1996. 17 янв.

233. Картунов С. Партнерство надо спасать // Независимая газета. 1996. 26 янв.

234. Литовкин В. Помогая России разоружаться, США укрепляют свою безопасность, утверждает помощник МО США Роланд Ладжой // Известия. 1995. 9 авг.

235. Договор СНВ-2: Нет? Да! (Научная программа «Модель демократии для России»). М.: РАУ, 1993. 41 с.

236. Литовкин В. Разработана программа развития СЯС России // Известия. 1994. 9 февр.

237. Марушкин Б. И. Американская историография «холодной войны»: Проблемы альтернативы // Современная зарубежная немарксистская историография. М.: Наука, 1989. С. 419-434.

238. Матвеев О.В., Васильев М.А. Система противокосмической борьбы в оборонном строительстве СССР (1960–1991 гг.): исторический опыт, уроки // Научный сборник Екатерининского института: научный журнал. 2015. № 1 (29). С. 114–121.

239. Матвеев О.В., Волков А.П., Сушко А.Б. Система противоракетной и противокосмической обороны (1956–1991 гг.): опыт строительства, уроки // Вестник Екатерининского института. 2013. № 1. С. 97–102.

240. Матвеев О.В., Низола А.В. Комплексная система предупреждения о ракетном нападении в оборонном строительстве (1961–1991 гг.): исторический опыт, уроки // Вестник Екатерининского института: научный журнал. 2012. № 4. С. 121–129.

241. Матвеев О.В., Поневенкин А.Н. Исторические факторы, обусловившие военную политику Соединенных Штатов в Европе (1975–2002 гг.) // Вестник Екатерининского института: научный журнал. 2016. № 4. С. 30–35.

242. Матвеев О.В., Поневенкин А. Н. Некоторые аспекты подходов к военной политике США в Европе в 1975–1991 гг. // Вестник Екатерининского института: научный журнал. 2017. № 2. С. 51–56.

243. Между Хельсинки и Веной // США: экономика, политика, идеология. 1970. № 1. С. 60–64.

244. Мильштейн М.А., Семейко Л.С. Проблема недопустимости ядерного конфликта (о новых подходах в США) // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 11. С. 3–12.

245. Национальная безопасность страны и военно-стратегическое равновесие // Военная мысль. 1997. Май — июнь. С. 3.

246. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года: Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2009 г. № 537 // Российская газета. 2009. 12 мая.

247. Орлов А.С. В поисках «абсолютного оружия». М.: Молодая гвардия, 1989.

248. Перед встречей в верхах, впервые первые советские ракетные части и соединения 12–22 июня 1989 г. посетил Председатель Комитета начальников штабов вооруженных сил США ген. У. Кроу // Красная звезда. 1989. 22 июня.

249. Петров И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне (история и современность) // Зарубежное военное обозрение. 1980. № 5.

250.Петров И. Пентагон: ставка на победу в ядерной войне // Зарубежное военное обозрение. 1989. № 6.

251.Речь Путина на заседании Совбеза РФ // Независимая газета. 2014. 22 июля.

252.Рогов С. Пять пунктов согласия. Встреча в верхах в Хельсинки: успех или провал? // Независимая газета. 1997. 25, 26 марта.

253.Савельев В.А. Президент Рейган, конгресс США и проблемы ограничения вооружений // Проблемы американистики. М.: Изд-во МГУ, 1989. Вып. 7. С. 172-194.

254.Секретные планы Пентагона // Международная жизнь, 1989.

255.Сергеев И. СНВ-2: «Кольт» у сердца России? // Подмоскowie. 1993. 30 янв.

256.Сизов В. Ю. Концептуальные основы современной военной политики США // Россия и Америка в XXI веке. 2008. № 2.

257.Соломон Р. Советско-американское сотрудничество в условиях глобальных перемен // Международная жизнь. 1989. № 1. С. 53-60.

258.Третьяков В. Урок для России // Независимая газета. 1994. 26 окт.

259.Трофименко Г.А. Вопросы укрепления мира и безопасность в советско-американских отношениях // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 9. С. 7.

260.Трофименко Г.А. Политический реализм и стратегия «реалистического устрашения» // США: экономика, политика, идеология. 1971. № 12. С. 17-18.

261.Трояновский О.А. Карибский кризис — взгляд из Кремля // Международная жизнь. 1992. № 3, 4.

262.Фельгенгауэр П. Генералы РВСН не боятся неожиданностей // Сегодня. 1995. 18 нояб.

263.Фельгенгауэр П. СНВ-2 и мобильные межконтинентальные ракеты «Тополь» // Сегодня. 1994. 1 июля.

264.Хронология событий: март 1985 г. — декабрь 1991 г. // Данные Горбачев-Фонда. URL: <http://www.imcrkrp.newmail.ru> (дата обращения: 18.05.2011).

265.Экономическое положение в США (научная конференция) // США: экономика, политика, идеология. 1974. № 9. С. 120.

266.Выступление посла США в России Т. Пикеринга 11.01.96 на заседании Научного совета РАН // США-ЭПИ. 1996. № 6. С.70-74.

267. Выступление Президента РФ Б.Н. Ельцина в МИД России. Место и роль России в период формирующегося многополярного мира. 12 мая 1998 г. // Дипломатический вестник. 1998. № 6. С. 3-5.

268. Джерри Дж. Б. Клинтон и внешняя политика США. // США-ЭПИ. 1993. № 5. С. 25.

269. Дипломатический вестник. 1999. № 1. С. 24, 30.

270. Из Послания Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию РФ «Россия на мировой арене» от 17 февраля 1998 года // Дипломатический вестник. 1998. № 3. С. 3-4.

271. Из Послания Президента РФ Федеральному Собранию от 16 февраля 1995 года // Дипломатический вестник. 1995. № 3. С. 3, 6.

272. Карпов М. Клинтон о внешней политике // Независимая газета. 03.03.95.

273. Козырев А.В. Стратегия партнерства // Международная жизнь. 1994. № 5. С. 4.

274. Концепция внешней политики РФ // Дипломатический вестник. 1993. Январь. С. 11-14.

275. Концепция внешней политики РФ. Москва. 28 июня 2000 года. Системная история международных отношений в четырех томах. События и документы. 1918-2003 / Под ред. Богатурова А.Д. Т. 4: Документы. 1945-2003 / Сост. Е.Г. Капустян и др. М.: Научно-образовательный форум по международным отношениям. 2004. С. 536-550.

276. Лейк Э. Новая стратегия США: от «сдерживания» к «расширению» // США-ЭПИ. 1994. № 3.

277. Международная жизнь. 1992. № 3-4. С. 25.

278. Най-мл. Дж. После Ирака: мощь и стратегия США. // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3. Июль-сентябрь. 2003.

279. Независимая газета. 28.10.1992.

280. О национальной безопасности. Послание Президента РФ Федеральному Собранию // Дипломатический вестник. 1996. № 7. С. 24-25.

281. Олбрайт М. Сотрудничать, бомбить или угрожать. // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3. Октябрь-декабрь. 2003. С. 32-52.

282. Послание Президента Ельцина участникам конференции // Дипломатический вестник. 1996. № 2. Март. С. 29.

283. Послание Президента РФ Б.Н. Ельцина Федеральному Собранию от 6 марта 1997 года // Дипломатический вестник. 1997. № 3. С. 3-4.

284. Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию. Москва. 2002 г. // Дипломатический вестник. 2002. № 6. С. 3.

285. Примаков Е.М. Мир без сверхдержав // Россия в глобальной политике. Т. 1. № 3. Июль-сентябрь. 2003. С. 80-85.

286. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // Независимая газета. 30.12.1999.

287. Речь Козырева в МИД РФ на заседании Совета по внешней политике РФ // Дипломатический вестник. 1992. № 15-16. С. 45.

288. Рогов С.М. Конец однополярного мира. Новый этап в международных отношениях // НГ — НВО. 2006. 15 дек.

289. Современные международные отношения и мировая политика. С. 733-734.

290. Согрин В.В. Цивилизационное и междисциплинарное изучение истории США // Новая и новейшая история. 2012. № 1. С. 32.

291. Стратегия национальной безопасности США для нового столетия. // Независимая газета. Сценарии. 1999. № 2.

292. Стратегия национальной безопасности США // Независимая газета. 1994. 26 окт.

293. Стратегия национальной безопасности США // США-ЭПИ. 1995. № 1. С. 22.

294. Тренин Д. Идентичность и интеграция: Россия и Запад в XXI веке // Pro et Contra. Т. 8. № 3. 2004. С. 9-22.

295. Шаклеина Т.А. Американские выборы и будущее российско-американских отношений // Индекс безопасности. Т. 14. 2008. № 3. С. 15-32.

Диссертации

296. Боев И. Ракетное оружие и внешняя политика США: дис. ... канд. ист. наук. М., 1967. С. 67-98.

297. Деревянко О.Г. Исторический опыт становления и развития подвижных ракетных комплексов и ракетных комплексов мобильного базирования в РВСН: дис. ... канд. ист. наук. М., 2001. 200 с.

298. Матвеев О.В. Проблема пролонгации Договора по противоракетной обороне 1972 года в российско-американских отношениях: дис. ... канд. полит. наук. М.: РАГС, 1997. 287 с.

299. Подьяконов В.М. Деятельность государственных органов по созданию и развитию отечественного ракетостроения (1946-1961): дис. ... канд. ист. наук. М., 1994. С. 45.

300. Стреляев С.П. Проблема достаточности СНВ в современном мире: дис. ... канд. полит. наук. М.: РАГС, 1996. С. 62-63.

301. Тарасенко В.А. Атомные проблемы во внешней политике США (1945-1949 гг.): дис. ... докт. ист. наук. Киев, 1958. С. 136.

Интернет-ресурсы

302. Fact Sheet: The 2015 National Security Strategy. The White House. Office of the Press Secretary February 06, 2015. URL: <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/fact-sheet-2015-national-security-strategy> (дата обращения: 20.06.2016).

303. <http://newsland.com/news/detail/id/1345705/> (дата обращения: 4.10.2014 г.).

304. <http://www.rusus.ru/?act=read&id=83>.

305. <http://base.garant.ru/71296054/#ixzz4KaRukP9L>; Собрание законодательства Российской Федерации, 2015 (дата обращения: 25.05.2016).

306. http://okp.mil.ru/separated_commandant_regiment/news/more.htm?id=12071638@egNews (дата обращения: 11.12.2015).

307. <http://press-post.net/novaja-voennaja-strategija-ssha-osoznanie-realnosti> (дата обращения: 2.05.2016).

308. <http://ru.wikipedia.org/wiki>.

309. http://rusvesna.su/recent_opinions/1413973904.

310. <http://www.belvpo.com/ru/40810.html>.

311. <http://www.defenselink.mil/speeches/speech.aspx?speechid=1279> (дата обращения: 15.02.2016).

312. <http://www.garant.ru/news/592210/#ixzz4KaUh4CEv/> (дата обращения: 25.05.2016).

313. http://www.organic-s.ru/mi_znaem/kodeksi26418.html (дата обращения: 12.02.2016).

314. <http://www.rgaspi.org/assets/original>.

315. <http://www.strategicstudiesinstitute.army.mil/pdf/files/nss.pdf> (дата обращения: 20.04.2016).

316. http://www.whitehouse.gov/sites/default/files/rss_viewer/national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.04.2016).

317. https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.04.2016).

318. National Security Strategy. (This new National Security Strategy positions the United States to safeguard our national interests through strong and sustainable leadership. It sets out the principles and priorities to guide the use of American power and influence in the world) February 2015. Pp. 28. URL: https://www.whitehouse.gov/sites/default/files/docs/2015_national_security_strategy.pdf (дата обращения: 20.06.2016).

319. Risk of nuclear attack rises. What are the chances the next president would have to make a decision on whether to use nuclear weapons? It's greater than you might think. URL: <http://www.cbsnews.com/news/60-minutes-risk-of-nuclear-attack-rises/> (дата обращения: 20.06.2016).

320. Совместная пресс-конференция президента Российской Федерации В.В. Путина и президента США Дж. Буша. 16.06.2001. URL: http://president.kremlin.ru/appears/2001/06/16/0000_type63380_28562.shtml (дата обращения 10.10.2001).

321. Речь президента В.В. Путина на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/img-textselect> (дата обращения 21.10.2011).

322. Российско-американские отношения (справочная информация). URL: <http://www.mid.ru> (дата обращения 01.03.2011).

323. Военная доктрина Российской Федерации 2010 г. URL: http://newskremlin.ru/ref_notes/461 (дата обращения 15.09.2011).

324. Republican Platform 2000. Renewing America's Purpose. Together. Philadelphia, August 1-5, 2000. URL: <http://www.republicans.org> (дата обращения 05.09.2007).

325. Hatcheson G. U. S. National Security: The Bush Team// Electronic Journals of the U. S. Department of State. URL: <http://usinfo.state.gov> (дата обращения 05.09.2007).

326. A Return to Arms Control. <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/02> (дата обращения 05.09.2007).

327. President Bush's State of the Union Address. URL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения 05.09.2001).

328. Шаклеина Т.А. Российско-американские отношения в конце первой декады XXI века. Интернет-издание Россия и Америка в XXI веке. URL: <http://rusus.ru/?act=archive&edition=13> (дата обращения 01.02.2017).

329. McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future // Foreign Affairs. 2007, November/December. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86602/john-mccain/an-enduring-peace> (дата обращения 01.02.2017).

330. Kuchins A. Time to Treat Russia as a Partner // The Moscow Times. 2008. September 22. URL: <http://www.moscowtimes.ru/articles>. (дата обращения 01.02.2017).

331. A Return to Arms Control. URL: <http://www.washingtonpost.com/wp-dyn/content/article/2008/06/02> (дата обращения 01.02.2017).

332. Remarks of Senator Barack Obama to the Chicago Council on Global Affairs. 2007, 23 April URL: http://www.thechicagocouncil.org/dynamic_page.php?id=64(дата обращения 05.09.2008).

333. <http://www.pravda.rv.Ua/analitica/Barack%20Obama.php#P3> (дата обращения 05.09.2010).

334. <http://www.barackobama.ru/politics/platform/> (дата обращения 05.09.2010).

335. McCain J. An Enduring Peace Built on Freedom. Securing America's Future // Foreign Affairs. 2007, November/December. URL: <http://www.foreignaffairs.org/20071101faessay86602/john-mccain/an-enduring-peace> (дата обращения 01.02.2017).

336. A National Security Strategy for a New Century. October 1998. URL: <http://www.whitehouse.gov> (дата обращения 15.09.1998).

337. <http://www.regnum.ru/news/polit/1938881.html> (Дата обращения: 2.07.2015).

338. National Security of the United States of America. September 2002. /<http://www.whitehouse.gov> (дата обращения 05.04.2002).

339. http://nvo.ng.ru/realty/2009-06-19/5_strategy.html.

340. Медведев Д.А. Россия, вперед! 10.09.2009. URL: <http://newskremlin.ru/state/e/imgtextselect> (дата обращения 15.09.2011).

341. <http://hnn.us/articles/1328.html> (дата обращения: 12.02.2010).

342. <http://www.newsru.com/world> (дата обращения: 17.02.2011).

343. <http://army-news.ru/2014/08/18-ugroz-bezopasnosti/> (дата обращения: 25.05.2016).

344. <http://www.belvpo.com/ru/19520.html> (дата обращения: 1.09.2014).
345. <http://www.ng.ru/news/480132.html> (дата обращения: 24.09.2014).
346. <http://news.rambler.ru/27064459/> (дата обращения: 2.10.2014).
347. <http://www.km.ru/world/2014/10/16/sergei-shoigu/749742-shoigu-otvetil-glave-pentagona-na-zayavlenie-o-rossiiskoi-ugro> (дата обращения: 17.10.2014).
348. <http://www.iarex.ru/news/51001.html> (дата обращения: 17.10.2014).
349. <http://rusdozor.ru/2015/01/05/kto-kogo-peredoktrinit-voennye-doktriny-rf-i-ssha-kratkij-obzor/> (дата обращения: 25.05.2016).
350. <https://www.whitehouse.gov/the-press-office/2015/02/06/fact-sheet-2015-national-security-strategy> (дата обращения: 20.04.2016).
351. <http://whitehouse.gov/nsc/nss.html> (дата обращения: 20.04.2016).
352. <https://lenta.ru/articles/2016/05/12/deveselu/> (дата обращения: 22.06.2016).
353. <http://vpk-news.ru/articles/22618> (дата обращения: 25.05.2016).
354. https://lenta.ru/news/2016/06/18/imminent_strife/ (дата обращения: 22.06.2016).
355. <http://tass.ru/armiya-i-opk/3653403> (дата обращения: 26.09.2016).
356. <http://newsland.com/news/detail/id/1445485/> (дата обращения: 17.10.2014);
357. Zakaria F. McCain Vs. McCain. Newsweek. 2008, 26 April URL: <http://www.newsweek.com/id/134317> (дата обращения 01.02.2017).
358. <http://www.scrf.gov.ru/documents/99.html> (сайт Совбеза РФ — 15.05.2016).
359. Barack Obama's Foreign Policy Speech. 2007, 2 October <http://www.cfr.org/publications/14356>. (дата обращения 01.02.2017).
360. <http://www.1tv.ru/news/print/270918273/278> (дата обращения: 31.10.2014).
361. Иванов В. Стратегия безопасности по-американски. (URL: http://nvo.ng.ru/realty/2009-06-19/5_strategy.html (дата обращения: 20.04.2016)).
362. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 05.11.2008. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2011).

363. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 12.11. 2009. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2011).

364. Послание Президента РФ Д.А. Медведева Федеральному собранию. 30.11.2010. URL: <http://newskremlin.ru/state:e/imgtextselect> (дата обращения: 15.09.2011).

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

АБ	- атомная бомба
АБР	- аэробаллистическая ракета
АПЛ	- атомная подводная лодка
АПЦ	- административно-промышленный центр
ББ	- боевой блок
БГ	- боевая головка
БЗ	- боевая задача
БП	- ближний перехват
БР	- баллистическая ракета
БРДД	- баллистическая ракета дальнего действия
БРПЛ	- баллистическая ракета подводной лодки
БРСД	- баллистическая ракета средней дальности
БЧ ПР	- боевая часть противоракеты
В и ВТ	- вооружение и военная техника
ВВС	- военно-воздушные силы
ВГК	- Верховный Главнокомандующий
ВЗГВУ	- высшие звенья государственного и военного управления
ВЗГУ	- высшие звенья государственного управления
ВЗУ	- высшие звенья управления
ВПВО	- Войска противовоздушной обороны
ВПр	- военно-политическое руководство
ВС	- вооруженные силы
ВТ	- вычислительная техника
ВТО	- высокоточное оружие
ВТП	- военно-техническая политика
ГВУ	- государственное и военное управление
ГЗЛА	- гиперзвуковой летательный аппарат
ГОЗ	- государственный оборонный заказ
ГСН	- головка самонаведения
ГЦП	- Государственный центральный полигон
ГЧ	- головная часть
ДП	- дальний перехват
ЖРД	- жидкостной ракетный двигатель
ЗГО	- загоризонтное обнаружение
ЗРВ	- зенитные ракетные войска
ЗУР	- зенитная управляемая ракета
ЗУРВ	- зенитное управляемое ракетное вооружение

ИИК	- информационно-измерительный комплекс
ИС	- истребитель спутников
ИСЗ	- искусственный спутник Земли
КА	- космический аппарат
КБ	- конструкторское бюро
КНШ	- комитет начальников штабов
КОВН	- космический объект военного назначения
КП	- командный пункт
КР	- крылатая ракета
КРМБ	- крылатая ракета морского базирования
КС	- космическая система
КСВН	- космические системы военного назначения
КСП ПРО	- комплекс средств преодоления противоракетной обороны
КЦ	- космическая цель
ЛА	- летательный аппарат
МБР	- межконтинентальная баллистическая ракета
МО	- Министр обороны (министерство обороны)
МРЯУ	- массированный ракетно-ядерный удар
НГШ	- начальник главного штаба
НИОКР	- научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы
НИР	- научно-исследовательская работа
НПРО	- нестратегическая противоракетная оборона
ОБЧ	- обычная боевая часть
ОКР	- опытно-конструкторские работы
ОМП	- оружие массового поражения
ОСК	- Объединенное стратегическое командование
ПВО	- противовоздушная оборона
ПКО	- противокосмическая оборона
ПЛАРБ	- подводная лодка атомная с баллистическими ракетами
ПР	- противоракета
ПРК	- противоракетный комплекс
ПРО	- противоракетная оборона
ПСБ	- противоспутниковая борьба
ПСО	- противосамолетная оборона
ПУ	- пусковая установка
ПУП МБР	- пункт управления пуском МБР
РВСН	- Ракетные войска стратегического назначения
РГЧ	- разделяющаяся головная часть

РГЧ ИН	- разделяющаяся головная часть индивидуального наведения
РКО	- ракетно-космическая оборона
РЛС	- радиолокационная станция
РЯО	- ракетно-ядерное оружие
РЯУ	- ракетно-ядерный удар
СА	- стратегическая авиация
САК	- стратегическое авиационное командование
СПРН	- система предупреждения о ракетном нападении
СПРО	- стратегическая противоракетная оборона
СПРЯУ	- система предупреждения о ракетно-ядерном ударе
СЯС	- стратегические ядерные силы
ТВД	- театр военных действий
ТТХ	- тактико-технические характеристики
ТЯО	- тактическое ядерное оружие
ШПУ	- шахтная пусковая установка
ЯБГ	- ядерная боевая головка
ЯБЗ	- ядерный боезаряд
ЯБП	- ядерный боеприпас
ЯБЧ	- ядерная боевая часть
ЯВ	- ядерная война
ЯГЧ	- ядерная головная часть
ЯО	- ядерное оружие

Научное издание

Стратегические ядерные вооружения
в истории международных отношений XX–XXI веков

Под редакцией профессора
Воробьева Сергея Владимировича

Монография издана в авторской редакции

Сертификат соответствия № РОСС RU.AB51.HO5316

Подписано в печать 04.02.2021. Формат 60х90 1/16.
Печать цифровая. Бумага офсетная № 1. Усл. печ. л. 17,38.
Тираж 500 экз. Заказ

Издательско-торговая корпорация «Дашков и К°»
129347, Москва, Ярославское шоссе, д. 142, к. 732
Тел.: 8 (495) 668-12-30, 8 (499) 182-01-58
E-mail: sales@dashkov.ru — отдел продаж.
office@dashkov.ru — офис; <http://www.dashkov.ru>

Отпечатано: Акционерное общество
«Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5
Тел.: 8 (499) 322-38-30

9 785394 104422 9

